

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

ПРИ

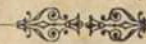
ЖУРНАЛЪ „НИВА“

НА

1894 г.

ЗА

Январь, Февраль, Мартъ и Апрель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

Оглавленіе.

Дозволено цензурою, СПБ., 26 марта 1894 года.

	СТР.		СТР.
Безъ бою. Повѣсть <i>И. Потапенко</i> .	385	Изъ посланій къ Тирзѣ. (Изъ Байрона). Перев. <i>Д. Михаловскаго</i> .	235
Бытовая и семейная жизнь киргизовъ. Очеркъ <i>А. Брема</i> .	325	Императрица <i>Теодора</i> . Историческій очеркъ <i>В. Теплова</i> .	517, 699
Бѣлая ночь. Стихотв. <i>Д. Мережковскаго</i> .	91	Картинки морской жизни. (Изъ воспоминаній бывшаго моряка). <i>К. М. Станюковича</i> . Ночь въ тропикахъ.	577
Вольной дорогой. Романъ <i>Э. Вернеръ</i> . Переводъ съ нѣмецкаго	277, 467, 653	Князь Иванъ. Разсказъ <i>С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы)</i> .	93
Второе лицо человѣка. Очеркъ <i>П. Люббенау</i> .	741	„Морознымъ вечеромъ...“ Стихотвореніе <i>А. М. Федорова</i> .	275
Въ альбомъ. Стих. <i>А. Н. Майкова</i> .	1	На коврѣ-самолетѣ. Стих. <i>Аполлона Корнифскаго</i> .	629
„Въ тишинѣ вечерней...“ Стихотвореніе <i>Л. Афанасьева</i> .	323	Невѣста. Повѣсть князя <i>Дмитрія Голштина (Муравлина)</i> .	193
250 - лѣтній юбилей барометра. Очеркъ <i>П. Э—нъ</i> .	735	Одна изъ причинъ изнуренія дѣтей. Гигіеническая замѣтка.	747
Драма на глухомъ хуторѣ. Разсказъ <i>Р. Л. Маркова</i> .	237	Паукъ - архитекторъ. По новымъ наблюденіямъ проф. <i>Плато</i> .	165
„Желѣзная маска“. Рѣшеніе исторической загадки	173	Переписка <i>Ивана Грознаго</i> съ Елизаветой Англійской. <i>В. Адамовича</i> .	345
Затишье. Стихотвореніе <i>В. Мазуркевича</i> .	517		
Иди впередъ... Стих. <i>Л. Афанасьева</i> .	651		

Письмо митрополита Филарета о спиритизмѣ	365
Поздняя бабочка. Стихотв. А. Федорова	121
Прогулка шаха. Персидское преданіе. Стих. В. Велчико.	593
Расплата. Разск. Франсуа Колпе.	123
Свѣтлана. Разсказъ гр. А. В. Соллогуба.	631
Средне-африканская степь и ея фауна. Очеркъ А. Брема.	681
У чужого очага. (Разсказъ юнкера). Сергѣя Пронскаго.	597
Фанатики на Новой Землѣ. Быль изъ жизни самоѣдовъ. Разсказъ Н. Максимова	433
Чайковский П. И. Опытъ характеристики его дѣятельности. В. С. Баскина.	351, 543
Чужія роли. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Я. П. Полонскаго.	3
Шпіонъ. Разсказъ Вильгельма Бергера. Перев. съ нѣмецкаго.	723
Янтарная комната въ Царскосельскомъ дворцѣ. Историч. замѣтка.	169
„Я отвыкъ отъ горячаго зноя любви...“ Стихотв. К. Фофанова.	465
Библиографія	175, 368, 558, 749
Шахматы и шашки.	183, 373, 566, 755

Задачи и игры.	187, 379, 572, 761
Смѣсь:	
Ванъ-Дейкъ или сатана?	763
Гильдейскій гербъ сапожниковъ	380
Дѣйствіе жара на кожу челоуѣка	766
Жизнь и смерть.	764
Игра въ кости на жизнь и смерть	574
Лошади въ очкахъ.	384
Международный университетскій союзъ.	190
Новыя свѣдѣнія о возвращеніи изъ вавилонскаго плѣненія	382
Объ игрѣ на фортепіано и пѣніи съ гигиенической точки зрѣнія.	189
О вредѣ для здоровья малолѣтнихъ обученія ихъ игрѣ на духовыхъ инструментахъ	191
О происхожденіи поцѣлуя.	382
Премія за добродѣтель.	192
Рыбьи бои въ Сіамѣ.	576
Рядъ болѣзней отъ ѣзды на велосипедѣ.	190
Татуировка въ Англіи.	763

№ 1. Выдано 15 января 1894 г. 1894.
 ВЫХОДЯТЪ ВЪ СЕРЕДИНѢ КАЖДАГО МѢСЯЦА ПРИ ЖУРНАЛѢ „НИВА“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ альбомѣ. Стихотв. А. Н. Майкова.	1	Цаукъ-архитекторъ. По новымъ наблюденіямъ проф. Плато.	165
Чужія роли. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Я. П. Полонскаго.	3	Янтарная комната въ Царскосельскомъ дворцѣ. Историч. замѣтка.	169
Вѣлая ночь. Стихотв. Д. Мережковскаго	91	„Желѣзная маска“. Рѣшеніе исторической загадки.	173
Князь Иванъ. Разсказъ С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы)	93	Библиографія.	175
Поздняя бабочка. Стихотв. А. Федорова	121	Шахматы, шашки и задачи	183
Расплата. Разсказъ Франсуа Колпе.	123	Смѣсь.	189

Въ альбомѣ.

(На первой страницѣ).

Стихотвореніе А. Н. Майкова.

Поэтъ: Поздній осенній цвѣтокъ я принесъ въ твой цвѣтникъ, для почина!

Жаль, признаюсь, мнѣ его! Быстро кругомъ расцвѣтутъ

Первенцы юной весны—дань сердецъ, вдохновенныхъ тобою—

Бѣдный, засохшій, одинъ... Грустенъ его будетъ видѣ!..

Она: Поздній осенній цвѣтокъ называютъ однако «Безсмертнымъ»...

Поэтъ: Да... Но безсмертье—не Жизнь!..

Чужія роли.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Я. П. Полонскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Живущіе въ одномъ и томъ же домѣ.

Наваровъ, Александръ Даниловичъ.

Помѣщикъ, изъ числа неудавшихся служаекъ и дѣльцовъ, остепенившійся петербургскій мотъ и кутла, плохой хозяинъ, но на жизнь смотритъ съ практической точки зрѣнія. 56 лѣтъ.

Наварова, Мальвина Карловна.

Жена его; не умна, мелочна и недовольна своимъ положеніемъ. 42 лѣтъ.

Люба или **Любовь** Александровна.

Дочь Наваровыхъ, 21-го года. Красивая дѣвушка, на видъ холодна, очень скромна, но умѣетъ за себя постоять.

Таль, Иванъ Федоровичъ.

Сѣденькій, выбритый и коротко остриженный старичокъ, лѣтъ 70, дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ, получаетъ пенсію, гоститъ у Наваровыхъ, какъ другъ дома и крестный папенька Любы, ни во что не вмѣшивается, кромѣ того, что касается до его крестницы; въ душѣ идеалистъ, добродушенъ, скупъ на слова, особенно въ женскомъ обществѣ, глуховатъ на лѣвое ухо.

Федотъ.

Старый слуга, бывший крѣпостной, никогда не жилъ въ большихъ городахъ.

Феня.

Вольнонаемная горничная.

Сосѣди по имѣнію.

Ахарова, Евгенія Дмитриевна или **Еня**.

Кузина Любы, дѣвушка независимаго характера, кокетливая и говорливая. Любитъ общество, умѣе Любы, но далеко не такъ глубока и душевна. Живетъ одна въ своей собственной усадьбѣ, въ 3 верстахъ отъ Наваровыхъ, ходитъ въ русскомъ костюмѣ,

типъ лица подходитъ къ типу молодой казачки, ей уже около 24 лѣтъ. Зиму проводитъ въ Москвѣ у родныхъ.

Плодомазовъ, Максимъ Сергѣевичъ.

Молодой человекъ однихъ лѣтъ съ Ахаровой. Сынъ отставнаго стараго генерала, живетъ въ 2-хъ верстахъ отъ Наваровыхъ, собой не дуренъ. Носитъ усы, эспаньолку, лѣтній пиджакъ и на головѣ котелокъ. Иногда мрачно задумывается и глядитъ исподлобья, иногда, напротивъ, милъ и веселъ. Очень высоко о себѣ мнѣніе, какъ о поэтѣ, вообще же, фатоватъ, безхарактеренъ, доврчивъ и непостояненъ.

Гости.

Князь Шаловъ, Илья Аркадьевичъ.

Молодой человекъ 25 лѣтъ, два года тому назадъ окончилъ университетскій курсъ. Слыветъ богачомъ и, дѣйствительно, имѣетъ большое состояніе. Блондинъ, съ тонкимъ, продолговатымъ профилемъ, усы и борода небольшіе. По природѣ своей добръ, уменъ, находчивъ и имѣетъ артистическія наклонности. Вообще же, нѣсколько избалованъ жизнью и съ очень пылкимъ воображеніемъ.

Сидоровъ, Андрей Петровичъ.

Почти что однихъ лѣтъ съ княземъ, но не такъ молодежавъ, товарищъ по университету и другъ князя. Умъ образованный, хотя и не глубокий, характера мягкаго и уклончиваго, испытываетъ нужду и не ожесточился. Находитъ нѣкоторое удовольствіе угождать князю, но обходится съ нимъ по-пріятельски. По временамъ юношески веселъ, какъ и князь, въ которомъ онъ видитъ залогъ своего будущаго благополучія. Въ Петербургѣ онъ уже началъ свою службу, какъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго; но у него мало дѣла и много досуга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Деревенскій старый, но довольно просторный помѣщичій домъ. На сценѣ кабинетъ хозяина. Просторная комната; прямо раскрытое окно въ садъ и дверь въ коридоръ; на лѣво два окна съ опущенными шторами; въ простѣнкахъ между окнами старинный письменный столъ съ принадлежностями; передъ столомъ широкое кресло, направо дверь въ гостиную. Широкий диванъ, кресла и стулья, этажерка съ бумагами; книжныхъ шкаповъ не видно; по стѣнѣ надъ диваномъ, въ золотыхъ рамахъ, развѣшаны олеографіи. Передъ столомъ виднѣтся стѣнной календарь; на полу коверъ.

Начало іюня; жаркое утро.

явленіе I.

Наваровъ, одѣтый по-лѣтнему, сидитъ въ своемъ креслѣ у письменнаго стола и что-то записываетъ. **Таль** стоитъ спиной къ окну и кажется чѣмъ-то встревоженъ.

Таль (*потупясь и разводя руками*).
Что-жъ я тутъ, въ этомъ дѣлѣ, могу значить?..

Наваровъ. Можешь, кумъ... Она тебя любить, ты часто съ ней наединѣ бесѣдуешь. Не все же мечты да философія! Практическая жизнь предписываетъ намъ свои законы; у ней, братецъ ты мой, свои задачи, своя логика. Я подозреваю, что и женитба этого взрослога дурака на этой педагогичкѣ, у которой ни кола, ни двора, обошлась не безъ вліянія твоей крестницы. Вѣдь, она—того... Что у ней на умѣ—Господь ее вѣдаетъ! Долго-ли прозѣвать жизнь и остаться съ носомъ.

Таль. Магнитъ, магнитъ твоя Люба!.. О, магнитъ! И учить ее нечего... сама, если захочетъ...

Наваровъ. Этого-то мнѣ и нужно, кумъ, чтобъ она сама захотѣла. Ишь, вѣдь, съ чѣмъ нашель сравнить ее!.. Магнитъ! Гм! Да магнитъ-то и не притягиваетъ къ себѣ золота. (*Оглядываясь на полуотворенную дверь въ гостиную*). А... вотъ и благовѣрная моя идетъ. Постой, куда ты?.. Я за-

былъ тебя спросить: ты не сердншься на меня, что я во флигель отвоеваль у тебя одну небольшую комнатку, на самое короткое время, и на всякій случай велѣлъ поставить тамъ кровать и рукомоиникъ.

Таль. Ничего, ничего!.. Уберу свои книги, запру дверь, и съ меня довольно. (*Дѣлаетъ успокоительный знакъ рукой и уходитъ*).

Наваровъ. Съ него все довольно! Что сконпль, тайкомъ отъ меня, положилъ въ банкъ на имя своей возлюбленной крестницы—пять тысячъ! А что въ наше время значать эти несчастныя 5000! Ничего!—на проценты и мѣсяца не проживешь.

явленіе II.

Мальвина Карловна выходитъ изъ гостиной, просто одѣтая, вся въ сѣромъ, съ большимъ дорожнымъ сакъ-воляжемъ, садится на стулъ около мужа. Нѣсколько секундъ продолжается молчаніе.

Мальв. Карл. Что-жъ, надо ждать потвоему?..

Наваровъ. Да, надо ждать.

Мальв. Карл. Когда же именно?

Наваровъ. А чортъ его знаетъ!.. Можетъ-быть, завтра, а можетъ-быть, и черезъ недѣлю. Я самъ, матушка, въ тревогѣ. Надо бы на станцію лошадей ему выслать... А когда?.. Хорошо еще, если этотъ князекъ телеграммой меня увѣдомитъ о своемъ выѣздѣ. А?.. какъ ты объ этомъ думаешь?

Мальв. Карл. Я думаю, что и вовсе не прійдетъ. Такъ вотъ и послушается онъ своей старой тетки!.. Ей, конечно, простительно было привязаться къ Любѣ, она не скучала съ ней. А ему! Что ему за охота вѣхать къ намъ!? Сомнительно...

Наваровъ. Сомнительно? Гм! Да! Сомнѣваться можно во всемъ, сомнѣваться я и не запрещаю, только все же, на всякій случай, надо готовиться принять и угостить его. И все же вамъ

надо похлопотать и съездить къ Овсянкину.

Мальв. Карл. Самъ видишь, что фду.

Наваровъ. И пофзжай! У купца Овсянкина ты все найдешь. Городокъ не маленький, торговый. А чего у него нѣтъ, успѣемъ и изъ Москвы написать черезъ него же, черезъ этого самаго Овсянкина, по телеграфу. Не мало мы у него забираемъ.

Мальв. Карл. Не мало и должны ему.

Наваровъ. Должны! Сколько разъ, сто разъ я вамъ говорилъ: не дѣлайте долговъ.

Мальв. Карл. Все вы можете говорить, что вамъ угодно, только поневолѣ мы должаемъ, потому что у насъ съ вами денегъ нѣтъ. Вотъ и теперь—съ чѣмъ я поѣду? Съ пустыми руками?!

Наваровъ. Какъ! Давно-ли я вамъ 400 рублей на расходы далъ?!

Мальв. Карл. Что это ты говоришь? Давно-ли? Эти деньги я отъ тебя получила въ апрѣлѣ. Ты мнѣ ихъ далъ въ тотъ самый день, когда Плодомазовъ-отецъ у насъ завтракалъ. Припомни-ка, когда это было?

Наваровъ. Не горячись!

Мальв. Карл. А ты, пожалуйста, не ворчи. Не я растратила свое состояніе,—ты.

Наваровъ. Угмонись, я прошу тебя...

Мальв. Карл. Вѣчно ты говоришь, куда я дѣваю деньги! Точно я ихъ проидаю, пропиваю или въ карты проигрываю! Еще хорошо, что я завела куръ, свиней, поросятъ, огороды, парники; не будь этого, развѣ хватило бы. (Съ сердцемъ) Нѣтъ у меня денегъ... Велю сейчасъ откладывать лошадей. Я не поѣду. Чѣмъ больше мы будемъ тратиться, тѣмъ хуже. Шла въ мѣшкѣ не утанишь. Да и то сказать, по себѣ сужу. Если бы я была матерью князя, развѣ я позволила бы такому еще молодкососу же-

ниться на дочери какихъ-то Наваровыхъ?

Наваровъ. Да что ты, матушка, белены что-ли объѣлася!.. Сказала бы попросту: денегъ у меня нѣтъ, а то, чего-чего ты тутъ не припала: и куръ, и свиней, и Наварова, и чортъ знаетъ что!! Вовсе мнѣ не нужны твои разсужденія!.. Въ деньгахъ я тебѣ не отказываю. Ну, сколько нужно? Сто—достаточно?

Мальв. Карл. Мало!

Наваровъ. Ну, двѣсти.

Мальв. Карл. Судя по тому реестру, который ты мнѣ далъ, дай Богъ, чтобъ хватило и двѣсти. Вино, икра, сыръ, да еще ликеры всякіе, да устрицы, да еще сигары заграничныя да шампанское... чего-чего ты тутъ ни напелъ! У насъ же и чай на исходѣ, да и сахару дня на два, на три. А къ кому я обращусь, помимо этого плута Овсянкина? Одинъ порядочный магазинъ въ цѣломъ городѣ.

Наваровъ. Коли не хватить, скажи, что я на-дняхъ же буду въ городѣ и доплачу. А съ меня со всѣхъ сторонъ тащатъ. Каждый день плати, плати и плати. Одинъ садъ, дорожки вычистить, да цвѣтники выполоть чего стоить! Не хотите вы войти въ мое положеніе. (Вынимаетъ бумажникъ и достаетъ двѣ сторублевныя бумажки).

Мальв. Карл. Нѣтъ вы, Александръ Данилычъ, не хотите войти въ мое положеніе. Откуда я вамъ достану свѣжихъ устрицъ или хоть персики? Персики въ июлѣ!.. Да въ это время вы и въ Москвѣ ихъ не достанете; а если и достанете, то за баснословную цѣну!..

Наваровъ. Возьмите послѣднія деньги. и съ Богомъ!

Мальв. Карл. (молча беретъ одну изъ двухъ депозитокъ и раздумываетъ). А нѣтъ у васъ помельче? Такое кру-

гомъ безденежье, что... Кто мнѣ размѣняетъ сторублевку?

Наваровъ (глядя на нее съ удивленіемъ). Да что вы говорите глупости! Вѣдь, вы не на рубль и не на 5 рублей будете покупать. Можетъ-быть, и всѣ 200 руб. придется оставить вамъ въ магазинѣ. Сами же говорите, что и двухсотъ рублей вамъ мало.

Мальв. Карл. (прячетъ деньги въ свой сакъ). Такъ я и стану покупать у одного Овсянкина, чтобъ за все-про-все втридорога платить ему! Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, надо же и домой вернуться хоть съ чѣмъ-нибудь... Не съ васъ однихъ тащатъ... Жалованье-то людямъ не вы, а я плачу... Ну, да что мнѣ съ вами говорить. До свиданья! (Встаетъ).

Наваровъ. До свиданья!.. Пошли мнѣ Любу...

Мальв. Карл. Она только-что одѣлась, да и Ахарова пришла, сидитъ у ней. Зачѣмъ тебѣ Любу?

Наваровъ. Конечно, не за тѣмъ, чтобъ съ ней мазурку танцевать или играть въ бирюльки. Тѣфу! Не выводи ты меня изъ терпѣнья!

Мальв. Карл. (уходя). Ты хоть кого выведешь изъ терпѣнья!

Наваровъ. Ну!.. Какъ гора съ плечъ! По крайней мѣрѣ, о чемъ-нибудь разсуждать могу. (Звонитъ).

явленіе III.

Наваровъ и **Федотъ.** (Федотъ вошелъ и остановился у порога).

Наваровъ (какъ бы про себя). Простить мнѣ не можетъ, отчего я не превосходительный, упрекаетъ, что я прожилъ, а сама, пока мы жили въ Питерѣ, двухъ шаговъ не могла пѣшкомъ пройти—подавай карету!.. (Федоту) Ну что?

Федотъ. Что прикажете, сударь?

Наваровъ. Слышалъ ты, что я тебѣ приказывалъ?

Федотъ. Это насчетъ экипажей?..

Наваровъ. Какихъ экипажей! Ты

нѣчто кучеръ? Кучеръ ты или не кучеръ?.. я тебя спрашиваю...

Федотъ. Не кучеръ?

Наваровъ. Что же ты такое?

Федотъ. Камардинеръ... слуга, то-есть, вашей милости.

Наваровъ. Ковры выбилъ?..

Федотъ. Пестрый этотъ, лохматый, выбилъ?

Наваровъ. Ну, и прибилъ за кроватью къ стѣнѣ, гдѣ я тебѣ указывалъ.

Федотъ. Не прибилъ еще, сударь...

Наваровъ. Отчего же ты не прибилъ?

Федотъ. Барыня не велитъ.

Наваровъ. Чась-отъ-часу не легче!

Баринъ приказываетъ—барыня не велитъ. (Въ тѣнѣ) Я немедленно прогоню тебя... Какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать! Развѣ я не господинъ у себя въ домѣ?.. (Ходитъ по кабинету) Чортъ знаетъ, что это такое!? (Останавливаясь) Какими словами... что именно говорила тебѣ барыня?

Федотъ (покинувъ голову). Да, барыня, сударь, приказала горничной своей, Оеиѣ, мѣдныя колечки пришить, и коверъ, значить, чтобъ на колечкахъ висѣлъ... А то, говорить, неравно гвозди-то коверъ испортятъ.

Наваровъ (успокаиваясь). Ну, такъ бы и говорилъ. (Ходитъ). Что-жъ, пришиваетъ Оея колечки?

Федотъ. Нѣтъ еще, не пришиваетъ—реветъ...

Наваровъ (останапливается). По какой такой причинѣ вздумалось ей реветъ!? А?..

Федотъ. Да... никакъ... съ барыней поссорилась...

Наваровъ. Съ барыней?.. Это еще что?!

Федотъ. Да тамъ, сударь, насчетъ ихней пыли что-то вышло... Барыня слово, а она—десять, та слово, а эта—десять... Ну, барыня, вышедши изъ себя, и назвала ее шляндой... Ну, и пошло, и пошло!.. «Я не шлянда, кри-

чить, никто не смѣетъ такъ обзывать меня, отдайте мнѣ мой паспортъ, рассчитайтесь: я сейчасъ, говорить, сію минуту поѣду въ мировой судъ и подамъ на васъ жалобу, такъ какъ вы меня обиднымъ словомъ выругали». Барыня уѣхали, а она ни самовара не подаетъ, ни пыли не стираетъ, ни замковъ не чиститъ—реветъ.

Наваровъ. Недостаетъ еще, чтобъ она княжескому камердинеру на насъ пожаловалась!.. Вотъ, какія времена пришли!.. Давно-ли, кажется, били, а теперь и слова сказать нельзя. Въ мировой судъ! Скажите пожалуйста! Одетъ, поди и скажи этой дурѣ, отъ моего имени, что я ею доволенъ, что Люба и всѣ считаютъ ее честной, и чтобъ она успокоилась... Чортъ возьми! Въ кои-то вѣки поналаса порядочная горничная—и съ той ужиться не можетъ... Житья нѣтъ... Хоть изъ дому вонь! Такое-ли время, чтобъ изъ-за каждой соринки, изъ-за cadaго вздора поднимать такіа исторіи!.. Ступай! *(Одетъ уходитъ)*.

явление IV.

Входитъ **Люба**. **Наваровъ** садится у стола.

Люба. Ты меня звалъ, папа?

Наваровъ *(не оборачиваясь)*. Звалъ...

Люба. Я бы и сама пришла къ тебѣ... Но... ты не въ духѣ?..

Наваровъ. Будешь не въ духѣ, коли все идетъ шиворотъ на выворотъ. Что тамъ эта твоя Оеня—все еще реветъ?

Люба. Нѣтъ, папа, я ее успокоила. Принялась за работу.

Наваровъ. Какъ это ты умѣешь всѣхъ успокаивать! Нельзя-ли тебѣ и меня какъ-нибудь успокоить...

Люба *(цѣлуетъ его въ голову)*. Получила я, папа, письмо отъ брата Пети.

Наваровъ. Ну, получила?..

Люба. Онъ, слава Богу, здоровъ, только очень нуждается... У него родился ребенокъ...

Наваровъ. Поздравляю...

Люба. На службѣ имъ довольны, работаетъ за троихъ; но ты самъ знаешь, какое жалованье: задолжалъ 200 рублей... и...

Наваровъ. Кажется, я уже не разъ просилъ тебя не упоминать мнѣ объ этомъ Петькѣ. Меня всего, всю душу мою воротитъ всякій разъ, какъ подумаю... Только на него и была надежда. А онъ, болванъ, женился безъ моего позволенія, на какой-то курсисткѣ; ни связей, ни капиталовъ... Ну, и пеняй на себя, и живи какъ хочешь. Мнѣ-то что?

Люба. Но... прочти, папа... папа... *(Хочетъ дать ему письмо)*.

Наваровъ *(отстранивъ письмо рукой)*. Я прошу тебя, Люба, понапрасну не раздражай меня. Писемъ отъ него получать или читать ихъ я не намѣренъ... До него мнѣ дѣла нѣтъ... *(Молчаніе)*. Пожалуйста и ты успокойся... разбогатѣешь, тогда помогай ему—твоя воля... *(Молчаніе)*. Ну, вотъ я и забылъ совсѣмъ, зачѣмъ я звалъ тебя... Ахъ, да! Вотъ получилъ я на-дняхъ престранное письмо отъ этой твоей княгини... Не даромъ же ты у ней гостила... Прочти. *(Подаетъ ей письмо)*. Пишетъ, что шлетъ къ намъ своего племянника, князя Илью Аркадьевича, и какъ ты думаешь, для чего? Чтобъ онъ также оцѣнилъ твои достоинства.

Люба *(прочитавши письмо)*. Очень лестно! Чтѣ же это такъ тебя тревожить? Если прійдетъ—прими его. Это для него ты готовишь комнату и маму послалъ за покунками?.. Старая княгиня его хвалить... А ты его знаешь?!

Наваровъ. Никогда я себѣ не прошу, быть въ Петербургѣ, не нашелъ его и съ нимъ не познакомился, никогда я себѣ этого не прошу!

Люба. Лучше, пусть онъ тебя найдетъ и съ тобой познакомится... Ни разу не захватъ къ родному сыну и

захватъ къ князьку, который ничѣмъ еще себя не заявилъ, никакихъ заслугъ не имѣетъ,—какая нужда!.. *(Замѣчая нахмуренныя брови отца, продолжаетъ)* Княгиня увѣряла, что онъ и умный, и не глухой мальчикъ, только большой фантазеръ, по ея мнѣнію...

Наваровъ. Будь у меня ихъ состояніе, и у меня бы разыгрывались разныя фантазіи... Ну, ты прочла письмо?.. Посыла ты, какая въ ея головѣ заговодка, поняла?

Люба. Нѣтъ, папа?

Наваровъ. Ей, этой влюбленной въ тебя старухѣ, очевидно, хочется съ тобой породниться. Ей желательно, чтобъ ея миллионеръ-племянничекъ нашелъ себѣ жену и остепенился. И такъ какъ она почему-то въ восторгѣ отъ твоего сердца и твоего образа мыслей, то...

Люба. Странно!.. Не ошибаешься-ли ты? Ей просто хочется, чтобы мы познакомились; но отъ знакомства до сватовства это... это еще далеко. Да и мало-ли у него знакомыхъ...

Наваровъ. Кажется мнѣ—не ошибаюсь, стою на настоящей точкѣ... Гм!.. Да!.. Это дѣлаетъ большую честь Глафирѣ Петровнѣ. Всѣ думаютъ, что богатые должны жениться на богатыхъ, а она такъ умна и сообразительна, что, напротивъ, думаетъ, что богатъ долженъ найти себѣ жену по сердцу. Надѣюсь, что и ты такого же мнѣнія?

Люба. Конечно, папа, я... я, такого же мнѣнія, только скажи, пожалуйста, почему богатый имѣетъ право найти жену по сердцу или жениться на той, которая имѣла честь ему понравиться, а бѣдная дѣвушка не должна, не имѣетъ права избрать себѣ мужа—тоже по сердцу, а, очертя голову, выходить замужъ за богача, иначе сказать, продать себя.

Наваровъ. А потому, чтобъ послѣ

не пенять. Богатство—это такое благо, которое перевѣшиваетъ сотни, тысячи вашихъ пустыхъ амуровъ. Большое богатство на всю жизнь, а любовь... только до брака... Кто въ нашъ вѣкъ вѣрится въ любовь? Она такой же призракъ, какъ и все то, во что вѣрятъ глупцы или старыя бабы... Были на свѣтѣ русалки, лѣшіе, вѣдьмы, злые и благодѣтельные духи, была и любовь... А теперь—это пошло и глупо.

Люба. Какой ты сегодня краснорѣчивый! Такъ ты думаешь, если вернется и водворится въ мірѣ любовь—вернутся и лѣшіе, и вѣдьмы, и черти?

Наваровъ. Непременно вернутся!

Люба *(отрицательно покачивая головой)*. Нѣтъ, разумная жизнь любви не отрицаетъ...

Наваровъ. Жизнь-то ее и отрицаетъ... Какъ бы ты ни любила, по какой бы страсти ты замужъ ни вышла, а мѣсяца не пройдетъ, какъ ты увидишь, что кумирь-то твой такой же обыкновенный смертный: несколько ихъ не умнѣе, если не глупѣе... За кого бы ты ни вышла, не пройдетъ и года, какъ о любви и помина нѣтъ.

Люба. А развѣ мама тебя не любить?

Наваровъ *(помолчавъ)*. Не любить...

Люба. Можетъ ли это быть...

Наваровъ. Иначе и быть не можетъ... Или, по-твоему, она, до сихъ поръ, влюблена въ меня? Фу, какое ребяческое понятіе!.. Привычка!.. Если бы она, и не любя, вышла за меня замужъ, было бы то же самое. Не лучше-ли, душа моя, не очаровываться, чтобъ не впасть въ разочарованье...

Люба. Да, да, папа, я тоже совершенно твоего мнѣнія. Кто погонится за богатствомъ, тотъ непременно рано или поздно въ немъ разочаруется... Ничего оно не даетъ, кромѣ пресыщенности, апатіи или погои за новыми страстями и новыми обманами:

въ самой брачной жизни начнется ли-
цемеріемъ прикрытый холодъ, а ино-
гда и ненависть, и если женщина съ
душой и сердцемъ, то...

Наваровъ (*строго смотритъ ей въ
глаза*). Ну, продолжай. Что такое мо-
жетъ случиться съ такой женщиной?

Люба. Все: или отчаянье, или измѣ-
на и позоръ...

Наваровъ. Начиталась ты, матушка,
всякаго вздора и думаешь, что умна.

Люба. Я не гонюсь за умомъ, папа,
и даже отказываюсь иногда понимать
тебя... Ради Бога, не сердись. Понра-
вится мнѣ *предполагаемый* тобою же-
нихъ, полюблю я его—выйду за него;
не поправится—не взыщи.

Наваровъ (*задумываясь*). И напрас-
но я съ тобой раньше времени заго-
ворилъ объ этомъ... Почему я въ са-
момъ дѣлѣ знаю. Можетъ-быть, онъ и
красавецъ, и умница... такъ что ты
влюбишься, а онъ и думать-то о тебѣ
не захочетъ... Мало-ли что можетъ
быть.

Люба. Да, кажется мнѣ, что на-
прасно намъ волноваться или гово-
рить о томъ, чего мы не знаемъ. (*Мол-
чаніе*). У меня Еня... Она примѣри-
ваетъ на себѣ русскій костюмъ... Не
нужна я тебѣ?

Наваровъ. Вотъ кетати, пока ты не
ушла, хочу спросить тебя: за кѣмъ
изъ васъ ухаживаетъ Плодомазовъ, за
тобой или за Еней?

Люба. Сначала за мной, потомъ за
Еней, прежде мнѣ стихи писалъ, те-
перь моей кузинѣ преподноситъ ихъ...
А любить-ли онъ?.. Это сомнительно...
Ему, какъ кажется, просто приятно отъ
скуки и бездѣлья играть поэтическую
роль влюбленнаго... Кузина почему-то
находить себѣ удовольствіе съ нимъ
кокетничать и, почему я знаю, можетъ-
быть, и выйдетъ за него замужъ,
если онъ ея не струситъ... Я хоть и
близко знаю Еню, а все-таки скажу,
что чужая душа—потѣмки.

Наваровъ. Пусть она выходитъ за-
мужъ, за кого хочетъ... у нейни отца, ни
матери... Что же касается до тебя, то,
я вовсе не желаю для моей дочери
такой незавидной партіи... Ну, по-
цѣлуй меня, я пойду... Какая жара
сегодня... Надо будетъ зонтикъ взять...
(*Уходитъ въ коридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Люба одна.

Люба. Хотятъ меня перевоспитать.
Для чего? Не понимаю. Имъ же луч-
ше, если мы обѣднемъ, и я сумѣю
помприться или справиться съ тою
долей, которая меня ожидаетъ... И
къ чему такіа ненужныя передрыги
изъ-за пустяковъ! Иногда думаешь, го-
ра обрушилась, а оказывается просто-
на-просто цвѣты забыли полить или
на рояль, при раскрытыхъ окнахъ, на-
летѣла пыль. А если сынъ ихъ зачах-
нетъ отъ борьбы и непосильной ра-
боты, то это, по ихъ мнѣнію, казнь
за то, что онъ послушался своего сердца,
а не ихъ послушался... Бѣдный мой
братъ!.. Какъ мнѣ горько, что ничѣмъ
не могу помочь тебѣ!.. Тяжело на ду-
шѣ и природа не радуется. (*Входитъ
Ахарова въ русскомъ костюмѣ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ахарова и Люба.

Еня. Ну, вотъ я и готова... Что же
мы сегодня будемъ дѣлать?..

Люба (*какъ бы продолжая думать
вслухъ*). А ей Богу такъ! Развѣ не
видала я несчастныхъ, заброшенныхъ
судьбой, которые живутъ уроками, пе-
реводами, перепиской и веселѣе, чѣмъ
мы...

Еня. Ну, это такъ кажется... Пой-
демъ сегодня въ лѣсъ, авось, заблу-
димся.

Люба. Ты ждешь приятныхъ заблу-
ждений, но и это не легко. Лѣсъ такъ
вырубленъ, что насквозь видно...

Еня. Куда уѣхала твоя мама? И за-
чѣмъ тебя звали?

Люба. Гостя ждемъ, мама уѣхала
покупать вина и фрукты; собираемся
угощать. А онъ, можетъ, и не при-
ѣдетъ...

Еня. Кто?

Люба. Племянникъ княгини, кня-
зекъ Шаловъ.

Еня. Не приѣдетъ? А?.. А что если
приѣдетъ?.. Можетъ-быть, полюбивши
тетушку, ты полюбишь и ея племян-
ника?..

Люба. Можетъ быть... Я никогда
его не видала... почему я знаю... А
что ты напроналуя будешь съ нимъ
кокетничать—это я знаю.

Еня. Я! За священный долгъ почту!
Еще бы! Тебѣ хорошо... ты красавица...
ты *манитъ*, но выраженію нашего
общаго кума. А я?.. Да меня только
кокетство и вывезетъ...

Люба. А что Плодомазовъ, еще не
признался тебѣ въ любви?

Еня. О, это было бы великолѣпно
Тотчасъ же я бы велѣла ему стать на
колѣнки, сознаться, что онъ дуракъ, и
просить руки моей. Чѣмъ онъ хуже
другихъ!.. Всѣ эти нынѣшніе молодые
люди, изъ тѣхъ которые попадались
мнѣ, умничаютъ такъ глупо, что мочи
нѣтъ, ни во что не вѣрятъ и сами
себѣ поклоняются. Психопаты какіе-
то! Иные только и умѣютъ, что вин-
тить, и счастливы, если, проигравши
весь день, обыграютъ другихъ и на
цѣлыхъ полтора рубля сдѣлаются бо-
гаче. Максимъ Сергѣевичъ, по крайней
мѣрѣ, не карьеристъ,—въ декаденты за-
писалъ себя... декадентами увлекается!
Вообразилось ему, что я его не пони-
маю... А что его понимать! Пишетъ
галиматью и вѣрится въ славу... Вотъ
и весь Плодомазовъ.

Люба (*прислушиваясь*). Постой! Ко-
локольчикъ... Кого это Богъ несетъ...
(*Слушаютъ, какъ приближается звонъ
дорожнаго колокольчика*).

Еня. Дѣйствительно, кто-то подъ-
ѣхалъ. Не становой-ли къ Александру

Даниловичу?.. Скучный народъ всѣ
эти становые, исправники, земскіе за-
правилы, и прочая, и прочая...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Федотъ.

Федотъ. Приѣхали-съ!..

Люба. Кто приѣхалъ?

Федотъ. Его сіятельство князь Ша-
ловъ. Да и еще кто-то съ нимъ... Ку-
да прикажете принять?

Еня. Вотъ неожиданность!..

Люба. Попроси ихъ пока сюда въ
кабинетъ. Пойдемъ, Еня... (*Уходятъ
въ дверь, ведущую въ коридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Федотъ, князь Шаловъ, Сидоровъ.

Федотъ (*какъ бы вполыхалъ*). Ну,
сюда такъ сюда!.. Что-жъ! Мнѣ ба-
рышня приказали, и баста!.. Я развѣ
отвѣчаю... Приказали сюда, ну, и...
(*Выходитъ въ гостиницу, и тотчасъ
же возвращается съ приѣзжавшими*).

Федотъ. Сюда, ваше сіятельство. Из-
вините пока, баринъ не то въ садъ,
не то въ лѣсъ на мельницу пошли,
а барыня въ городъ уѣхали.

Князь. А! это, значить, мы ее на
поворотѣ встрѣтили... на пѣгихъ?..

Федотъ. Точно такъ-съ, на пѣгихъ,
ваше сіятельство...

Князь. Не я—не я, братецъ; онъ
(*указываетъ на Сидорова*).

Федотъ (*обращается къ Сидорову*).
На пѣгихъ, въ небольшой крытой ко-
лясочкѣ, ваше сіятельство.

Сидоровъ. Да... да... Не узнали, ко-
нечно... Никогда еще не имѣли чести
встрѣчаться ни съ вашимъ баринкомъ,
ни съ вашей барыней...

Федотъ. Чемоданчики ваши здѣсь
прикажете оставить или...

Сидоровъ. Пока поставь ихъ гдѣ-
нибудь... хоть въ передней... Переодѣ-
ваться не будемъ; на станціи вымы-
лись, причесались и... и все что слѣ-
дуетъ...

Федотъ. Не прикажете-ли чего съ
дорожки-то, ваше сіятельство!..

Князь. Намъ, главное, надо почиститься. Какъ тебя зовутъ-то?..

Федотъ. Федотомъ-сь.

Князь. Это отчасти и хорошо, что мы никого не застали. Принеси-ка, Федотъ, щетку, да смети-ка съ насъ пыль. Такая пыль по дорогѣ, что отъ нея спасеня нѣтъ.

Федотъ. Сю минуточку-сь...

Сидоровъ. А если нѣтъ щетки, такъ хоть вѣника нѣтъ-ли?..

Федотъ. Помилуйте, ваше сиятельство, всегда щеткой платье чистимъ... Помилуйте... *(Уходитъ)*.

явление IX.

Князь и Сидоровъ.

Князь. Уфъ! прѣхали, наконецъ, прѣхали! Сунулись въ воду, не спрося броду... Все это моя тетушка... Богъ ей прости!

Сидоровъ. Не твоя, а моя тетушка. *(Хохочетъ)*. Смотри, братъ, не проговорись... Какъ бы чего не вышло... Могутъ въ такую вломиться амбицію, что, и сами не будемъ рады.

Князь. А *тушай!*.. Да и почему они будутъ знать, если мы оба въ совершенствѣ сыграемъ роль свою.

Сидоровъ. А вдругъ, ты раздумашь...

Князь. Никогда!.. Рѣшено и подписано... Ты князь Шаловъ, я—Сидоровъ...

Сидоровъ. Смотри, не пеняй!..

Князь. Вотъ тебѣ на! Не пеняй! Да на всю жизнь останется прѣятнѣйшее воспоминаніе. Нѣтъ, братъ, взялся за гузы—не говори, что не дожъ... Ужъ если ты согласился фигурировать подь моимъ именемъ, я тебѣ твоего Сидорова не уступлю—ни за какія коврижки... Нечего трусить. И если ты измѣнишь мнѣ, не видать тебѣ меня, какъ ушей своихъ... Возьми мой бумажникъ, и вышли отъ себя ямщику на водку. Да кстати ужъ и чемоданъ мой возьми... Кажется, мы одного съ тобой роста...

Сидоровъ. А кажется мнѣ, плечито у меня пошире твоихъ... Ну, какъ твои-то рубашки да начнутъ на мнѣ пороться и трещать... при всѣхъ... Чортъ знаетъ, какъ это будетъ неприятно!..

Князь. А пусть ихъ себѣ трещать И галстукъ, и запонки съ моимъ вензелемъ не позабудь надѣть...

Сидоровъ. И буду я ворона въ павлиньихъ перьяхъ.

Князь. Нѣтъ, будь настоящимъ павлиномъ.

Сидоровъ. А ты развѣ павлинъ?..

Князь. Какой, братецъ, я павлинъ! Я съ сегодняшняго дня просто-на-просто лисица безхвостая... О, дружище! Дай мнѣ поглядѣть, какъ будутъ тебя принимать и за тобой ухаживать... Доставь ты мнѣ это несравненное зрѣлище! Тутъ и дочка—восторгъ!.. Погляжу я какъ она будетъ тебѣ строить глазки, то-есть не тебѣ, въ сущности, а твоему миллиону...

Сидоровъ. А если это меня такъ пройметъ и я такъ войду въ свою роль, что... взамѣнъ моего сердца попрошу руки ея.

Князь. А! Кабы дошло до этого!..

Сидоровъ. Ну, а если бы дошло? Сумасбродъ ты этакій! Вѣдь, нельзя же мнѣ будетъ вѣнчаться подь чужимъ именемъ. Вѣдь, это на уголовщину ты меня наталкиваешь! *(Стоятъ другъ передъ другомъ и хохочутъ)*.

явление X.

Тѣ же и Федотъ. *(Федотъ ухмыляется)*.

Князь *(несколько встревожась)*. Ты чему смѣешься!

Федотъ. Да вижу—господа веселые, ну, и смѣшно.

Князь. А ты знаешь, чему мы смѣемся? *(Оглядываетъ комнату)*. Куда ни зайдешь, все однѣ и тѣ же картинки—и въ Нижнемъ, и въ Казани, и здѣсь... Ишь ты! Боярыня сидитъ и гуслира слушаетъ, а на чемъ она си-

дить? На хвостъ должно-быть. А вотъ цыганка испанская съ бубномъ, длинная, какъ жердь. И дешево, и мило!.. Ну, и радуется насъ такая любовь къ всероссійской живописи.

Федотъ. Очень радъ, сударь, что наши картинки вамъ понравились.

Сидоровъ. Да и то весело, Федотъ, что благополучно доѣхали. Дороги-то у васъ, ой-ой какія!.. Ухабъ на ухабъ, да и мостики-то объѣзжать надо—еле держатся.

Федотъ. Чтѣ прикажете дѣлать, ваше сиятельство!.. Земство!.. Давно слышали, якобы *саме* собираются сдѣлать.

Князь. Чтѣ сдѣлать?!

Федотъ. *Саме*... *(Молодые люди хохочутъ)*. Ишь, вѣдь, какіе веселые!..

Сидоровъ *(закуриваетъ папироску)*. Ха-ха!.. А ты знаешь мою тетушку, княгиню Шалову?

Федотъ. А какъ же-сь! Добродѣтельная барыня...

Сидоровъ. Да почему же она добродѣтельная?

Федотъ. А такъ.

Сидоровъ. Да ты съ нами не очень церемонься, мы люди простые, ѣдимъ пряники не писанные. Говори, почему она кажется тебѣ добродѣтельной.

Федотъ. Голубей любить. *(Хохотъ)*. Ну, и въ больницу свою часто заходятъ, и нищихъ гонять не велеть, тоже, чай, изволите знать, регента знатнаго выписали, пѣвческій хоръ завели при церкви-то, у себя, въ селѣто Березовкѣ. Э, изъ селѣ село! Я, надо вамъ доложить, ваше сиятельство, не очень-то давно родственничка своего отвозилъ туда, къ тамошнему дохтору: ногу себѣ, знаете, топоромъ зарубилъ. Ну, и дьякона тамошняго тоже знаю.

Сидоровъ. О! и дьякона знаешь! Какъ, бишь, его зовутъ-то!

Федотъ. А Александромъ, ваше сиятельство: хорошій человекъ!.. Пиво

иногда еще пьеть, а водки—ни, ни!.. не любить. У меня, говорить, отъ водки печенка болить и волоса лѣзуть.

(Князь хохочетъ. Сидоровъ старается быть серьезнымъ).

Сидоровъ. А садовника знаешь?..

Федотъ. Садовника? Это Евплана-то криворотого? Али про нѣмца изволите спрашивать?

Сидоровъ. Ба!.. Да развѣ того... онъ до сихъ еще поръ тамъ, нѣмецъ-то этотъ, не то Карлъ Ивановичъ, не то Иванъ Карловичъ,—чортъ его знаетъ! Давно я тамъ не былъ.

Федотъ. А не слыхать, чтобъ уволили. Чай все еще за цвѣтами наблюдаютъ: какіе, значить, зимніе, а какіе лѣтніе... Миллеромъ зовутъ его.

Сидоровъ. Да, да, знаю, что Миллеромъ. Ну, а есть школа?

Федотъ. Все тамъ есть, ваше сиятельство.

Сидоровъ. Знаю, что была, ну, а какъ теперь, процвѣтаетъ-ли?—не знаю... Видѣлся я съ тетушкой въ Питерѣ, и ни о чемъ не успѣлъ спросить ее.

Князь. Еще, слава Богу, что успѣлъ ее со мной познакомить, иначе бы она меня и не пригласила къ себѣ... Постой, не въ декабрѣ-ли была она? Кажется, въ декабрѣ. Помнишь, какъ у ней въ вагонѣ ноги озябли, и какъ муравьинымъ спиртомъ ты оттиралъ ее.

Сидоровъ. Про муравьиный спиртъ совсѣмъ забылъ... стодить-ли это помнить... Ахъ, да! Вотъ что, любезнѣйшій. Вотъ тебѣ деньги, расплатись съ извозчикомъ Кузьмой и дай ему отъ меня пять рублей на водку...

Федотъ *(озадаченный)*. Слушаю, ваше сиятельство.

Сидоровъ. Дай ему на водку, да скажи ему, чтобъ не уѣзжалъ. Если есть постоянный дворъ близко, такъ чтобъ на постояломъ дворѣ обождалъ; за овесъ же и все прочее я плачу.

Федотъ. Слушаю, ваше сиятельство. *(Слишкомъ стукъ въ дверь)*.

Сидоровъ. Войдите, войдите!
Федотъ (*спышитъ отворить дверь.*
Входитъ Еня Ахарова въ томъ же
русскомъ костюмъ. Молодые люди
кланяются.).

явление XI.

Тъ же (кромя Федота) и **Ахарова.**

Еня. Извините, если я беспокою васъ. Здравствуйте. (*Подаетъ имъ руку.*).

Сидоровъ. Ужъ и насъ, пожалуйста, извините.

Еня (*перебивая*). Въмѣсто извиненій, самое лучшее отрекомендоваться. Я сама здѣсь гостя, зовутъ меня Евгенией Дмитриевной, по фамилии Ахаровой. Живу здѣсь не далеко, въ трехъ верстахъ, и хозяйничаю. А такъ какъ нельзя хозяйничать всякій день, одурь возьметъ, то я и прихожу сюда къ своей кузинѣ, въ хорошіе дни — пѣшкомъ, а въ дождливые — сажусь въ свою колымагу и ѣду. Зиму же провожу въ Москвѣ, у родныхъ, стало быть, не совѣмъ еще провинціалка.

Князь. Очень жаль, что не провинціалка...

Еня. Почему?

Князь. Да потому, что мы большіе охотники до старины и до всякихъ рѣдкостей.

Еня. Вотъ вы какой!..

Сидоровъ. Это, имѣю честь рекомендовать вамъ, мой первый другъ и товарищъ по университету, Андрей Петровичъ Сидоровъ. А я — князь Шаловъ, вашъ покорный слуга.

Еня. Сейчас пойду за Любой. За отцомъ ея уже послано. Надѣюсь, вы не откажетесь съ нами позавтракать и поболтать. (*Уходитъ*).

явление XII.

Князь и Сидоровъ.

Князь. Настоящая москвичка!.. За словомъ въ карманъ не ползетъ.

Сидоровъ. Прелестная барышня! Ну, что, доволенъ? Хорошо я играю роль?

Князь. Для начала — недурно, толь-

ко какъ можно меньше важничай!.. Кровный аристократъ никогда не важничаетъ, важничаютъ только выскочки.

Сидоровъ. Не учи. А не правда-ли, я хорошо сдѣлалъ, что удержалъ лошадей. Мы, по крайней мѣрѣ, свободны: можемъ удрать, когда хотимъ.

Князь. Это хорошо, что ты догадался. Умная ты голова... Хотя я и увѣренъ, что хозяинъ насъ и на своихъ лошадяхъ могъ бы отправить!..

Сидоровъ. А на чужой караванъ ротъ не развѣвай. Вотъ что, братецъ! Ну... да... Гм! Если я не буду важничать, то и ты того, не слишкомъ подличай.

Князь. И не намѣреваюсь; а впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ... (*Потягивается и зѣваетъ*).

явление XIII.

Тъ же, Люба и Ахарова. (*При видѣ Любы, князь какъ бы пораженъ и находится въ крайнемъ недоумѣніи*).

Еня. Вотъ вамъ и сама молодая хозяйка. А вотъ (*указываетъ Любу на Сидорова*) нашъ князь, а это (*указываетъ на князя*), это другъ его, Семёновъ.

Князь. Сидоровъ, Евгения Дмитриевна. Самый что ни на есть заурядный Сидоровъ.

Еня. Извините, Андрей Петровичъ... Я такая разсѣянная и такая безпмятная!..

Сидоровъ. Я тоже-съ иногда разсѣянъ и путаю имена: — а швейцары или лакеи, когда мнѣ докладываютъ, — безпрестанно... Разъ пришелъ ко мнѣ Швецовъ, а мнѣ докладываютъ *Шельмецовъ*, — про иностранныя имена и говорить нечего: фонъ-Линпе, напри- мѣръ, тотчасъ же превращается въ Хлипуна или Филипхень!.. Иногда просто приходишь въ недоумѣніе: принимать или не принимать!..

Еня. Это вы говорите въ мое оправданіе, ваше сіятельство?

Сидоровъ. Ради начала, чтобъ вамъ со мной не поссориться, пожалуйста, безъ всякаго «сіятельства». Вѣдь, я не просію оттого, что вы, такая милая, назовете меня сіятельствомъ.

Люба. Мы сегодня не ожидали васъ.

Князь. Значить, мы какъ снѣгъ на голову.

Еня. Если вы снѣгъ, — мы стараемся, чтобъ вы растаяли.

Князь. И сдѣлались бы прѣвыми, какъ вода, или солеными, какъ слезы?

Еня. Какъ, однакоже, вы остроумны, м-г Сидоровъ! Ничего не можетъ быть пріятнѣе.

Сидоровъ. Да-съ, онъ тоже москвичъ, и за словомъ въ карманъ не ползетъ.

Еня. Надѣюсь, что и вы не молчаливикъ.

Сидоровъ. Если только вы, Евгения Дмитриевна, не заставите меня молчать.

Еня. Боже меня избави отъ такого великаго преступленія! Если бы я могла заставить говорить камни, и они бы у меня заговорили!.. Но пойдете въ садъ. Тамъ гораздо удобнѣе знакомиться.

Сидоровъ. Почему же удобнѣе?

Еня. А тамъ тѣнь отъ деревьевъ, а здѣсь пыльный потолокъ, — понимаете-ли вы, какая разница?

Князь. По-моему сидѣть подъ деревомъ въ тѣни съ беззубой старухой, во сто разъ хуже, чѣмъ въ душной комнатѣ съ молодой и умной дѣвушкой.

Еня. Ну-съ, такъ какъ мы пока еще не беззубыя старухи, то пойдете въ садъ.

явление XIV.

Тъ же и Наваровъ, потомъ **Федотъ.** (*Наваровъ, захавшился, врывается въ кабинетъ*).

Наваровъ. Нѣтъ, погодите!.. Дайте мнѣ обнять и расцѣловать нашего милаго князя. Обнять и поблагодарить его за... за такое... за такой сюр-

призвъ... (*Князь подталкиваетъ Сидорова впередъ. Наваровъ обнимаетъ Сидорова*). Ба! есть фамиліное сходство, есть! (*Князь кусаетъ себѣ губы, чтобъ не расхохотаться*). Ваша тетушка ангель; но безъ вашей доброй воли ничего, никакого бы знакомства не состоялось. А я... я давно о васъ слышалъ и давно уже сгоралъ желаніемъ съ вами познакомиться!..

Сидоровъ. Тетушка почему-то вдругъ захотѣла, чтобъ мы васъ побезпокоили и заѣхали къ вамъ съ дороги. Большая фантазёрка моя старая тетушка!..

Наваровъ. Я былъ у ней въ началѣ мая, заѣзжалъ въ Березовку за моею дочерью, которая оставалась у ней гостить, по ея неотступной просьбѣ, и моя Люба такъ была обласкана, такъ обласкана, что я и самъ не радъ... Долго-ли избаловать дѣвушку такимъ пріемомъ, такимъ вѣрнину родственнымъ радушіемъ. А что касается до фантазіи, то, вѣдь, и про васъ она такого же мнѣнія. Большой, говорить, фантазёръ мой Илья Аркадьевичъ! Чего-чего ему не приходится въ голову!

Сидоровъ. Не фантазёръ-съ... Я не фантазёръ; а такъ, знаете, любилъ иногда по молодости лѣтъ людей дурачить, это за мной когда-то водилось!.. Что прикажете дѣлать!

Наваровъ. Да за кѣмъ же это не водилось! (*Князю*) И вы, молодой человекъ, тоже ѣдете къ княгинѣ?

Князь. Приглашенъ-съ, да и князь уже привыкъ ко мнѣ. Въ прошломъ году вдвоемъ по Волгѣ, а потомъ до Самарканда по желѣзной дорогѣ ѣздили. Князь бралъ меня съ собой въ качествѣ художника. Онъ глядѣлъ направо, а я — налево. Наблюдали въ четыре глаза: чего я не догляжу, онъ переглядитъ, а чего онъ не доглядитъ, я перегляжу!.. (*Люба смотритъ на него и улыбается*).

Сидоровъ. Можетъ-быть, я даже при

его помощи и издамъ въ свѣтъ мое путешествие.

Наваровъ. Съ иллюстраціями, значить?

Еня (*у двери, нетерпливо*). Пойдемте въ садъ... (*Федотъ показывается у двери*).

Наваровъ. Погоди, надо еще распорядиться... Федотъ! Когда мы вернемся въ садъ, покажи князю приготовленную ему комнату. (*Князю*) А вы, молодой человекъ, не будете на меня въ претензіи, если я попрошу васъ помѣститься во флигелѣ, съ окнами въ садъ.

Князь. Съ окнами въ садъ—ничего не можетъ быть пріятнѣе.

Сидоровъ. Да ужъ вы насъ обонхъ помѣстите во флигелѣ. Я вовсе не желаю стѣснять васъ: достаточно и одной комнаты. Спали же мы на парходѣ въ одной каютѣ.

Наваровъ. Помните, князь, въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не входитъ. Вы мой нетерпѣливо ожидаемый гость, и уже не отмѣняйте моихъ хозяйскихъ распоряженій. Вы будете въ нашемъ домѣ, какъ у себя, и...

Еня. Пойдемте же!..

Наваровъ. Идите, господа, съ барышнями. Я сейчасъ явлюсь къ вамъ.

явленіе XV.

Наваровъ одинъ.

Наваровъ (*изъ окна смотритъ въ садъ*). Ну, это безтактно!.. Князь взялъ подъ руку Еню, а дочь мою предоставилъ своему пріятелю. Охъ, ужъ мнѣ эта Еня!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

На заднемъ планѣ помѣщичій домъ съ террасой, передъ которой разбросаны двѣтники и идутъ дорожки, посыпанные пескомъ. Направо и нѣлѣво куртины сада. На переднемъ планѣ— группа тѣнстыхъ липъ или кленовъ, подъ которыми расположены скамьи

и круглый столикъ. Около дома, въ саду, видна часть флигеля съ небольшими окнами. Къ флигелю тоже идетъ дорожка изъ сада.

явленіе I.

Князь Шаловъ и Таль.

Со стороны флигеля показывается князь, въ блузѣ, съ ящичкомъ для красокъ, съ муштабелемъ и складнымъ стуломъ; около него Таль, въ гороховомъ сюртукѣ, въ цилиндрѣ и съ зонтикомъ, вмѣсто палки. Идутъ они, разговаривая, и когда подходятъ къ скамейкамъ, князь, усѣвшись на складномъ стулѣ, начинаетъ готовиться къ живописи, что не мешаетъ ему разговаривать.

Князь. Вотъ здѣсь и усядусь въ тѣни; пока еще въ домѣ не всѣ проснулись; напишу хоть тотъ уголокъ, откуда виднѣется флигель. (*Талю*) Вѣдь, вы, если не ошибаюсь, были моимъ сосѣдомъ—тоже изъ флигеля?

Таль. А?.. да, да, во флигелѣ... извините, я иногда плохо слышу... Я, знаете, и ту комнату занимаю, гдѣ вы спали: взяли ее у меня только на время, на случай, думали, что князь привезетъ своего камердинера, а вышло, что это вы; ну, я очень радъ... очень радъ... такому образованному, молодому сосѣду... Ну-съ, а какъ вы нашли мою крестницу?..

Князь. Какую крестницу?

Таль. А Любовь Александровну... Ея отецъ и службу свою началъ подъ моимъ, такъ сказать, начальствомъ.—Давнишніе мы знакомые... Вотъ теперь я въ отставку живу у нихъ. А вы давно знаете этого князя?..

Князь. О! давно знаю... чуть-ли не съ дѣтства...

Таль. Съ дѣтства!.. О!.. Какого же, собственно, вы о немъ мнѣнія?..

Князь (*улыбается*). Гм!.. О князь я самого хорошаго мнѣнія, и, знаете, талантъ у него есть...

Таль. Что?

Князь. Талантъ...

Таль. Какой талантъ?

Князь. Актеръ великолѣпный... мастерски играетъ.

Таль. О!.. что-жъ онъ, на сцену что-ли думаетъ поступить.

Князь. Нѣтъ, онъ все больше на домашнихъ спектакляхъ подвизается... и большой талантъ обнаруживаетъ.

Таль. Гм!.. А вы декорации пишете?
Князь. Случалось и декорации писать—только я все больше по части пейзажа.

Таль. А не мѣшаю-ли я вамъ?

Князь. Не мѣшаете...

Таль. А, все же лучше я не буду васъ развлекать. Работайте, молодой человекъ, работайте!.. (*Удаляется*).

Князь. Да послушайте, что вы!.. (*Таль не слышитъ и уходитъ въ садъ*).

явленіе II.

Князь и Сидоровъ.

Сидоровъ (*увидаль его съ террасы и бѣжитъ къ нему*). Ну, что, братецъ, какъ ты ночь провелъ?.. Спалъ-ли, по крайней мѣрѣ?..

Князь. Отлично, спалъ, какъ убитый... Комнату эту готовили моему камердинеру...

Сидоровъ. Не твоему, а моему камердинеру... Гм! самъ видишь, какъ легко проговориться.

Князь (*оглядывается*). Да, вѣдь, тутъ никого нѣтъ еще... Ты только держи ухо востро... Ну, что, хорошо провелъ ночь?

Сидоровъ. Почти что всю ночь не спалъ... Вообрази, тюфякъ на какихъ-то эластическихъ рессорахъ: только что пошелъ или перекинулся на другой бокъ, онъ такъ и заходитъ подо мной, такъ и подпрыгиваетъ. Чортъ возьми!.. Одѣяло положили шелковое, стеганое... А мнѣ и подъ простыней было жарко. Тутъ еще какія-то серебряныя вазочки поставили съ цвѣтами... такое пошло отъ нихъ благоуханье, что я отворилъ окно и чуть ихъ не выбросилъ... Мало того, все мнѣ казалось, что по коридору кто-то все на цыпочкахъ ходитъ, а за стѣнкой шепчутся... начну прислушивать-

ся—не слышу; начну засыпать—опять кто-то шепчется. Досада даже взяла, зачѣмъ я твое мѣсто занялъ! Ну, ты князь, тебѣ это въ привычку, на такихъ рессорахъ спать. А я-то что? Помилуй!

Князь. Ничего, ваше сіятельство, потерпите... Ну, хоть до завтра... завтра, можетъ быть, уѣдемъ.

Сидоровъ. А что за мной ухаживаютъ—это ничего... это мнѣ нравится...

Князь. А Любовь Александровна?
Сидоровъ. Она на меня и не смотритъ... Ей-Богу!.. Такъ и вѣть отъ нея холодкомъ—не то что морозомъ, а такъ... маленькимъ холодкомъ... Ты же, кажется, произвелъ на нее впечатлѣніе... какое-то расположеніе внушилъ къ себѣ... Или ужъ у ней такое чутье!..

Князь. И не говори! слышать о ней не хочу.

Сидоровъ. Что такъ?

Князь. Да такъ. Если я отсюда не удеру—очумлю.

Сидоровъ. А коли очумѣешь, мнѣ тогда придется проститься съ моимъ княжествомъ и съ моимъ миллиономъ, такъ ты уже лучше предупреди меня!..

Князь. Какой вздоръ—предупредить тебя въ томъ, чего никогда не случится. Ба! Въ домѣ-то, кажется, давно уже всѣ проснулись. Вотъ и нашъ другъ Федотъ идетъ съ подносомъ. Я, кажется, тутъ вовсе не у мѣста усѣлся, пойду-ка лучше подалѣе куда-нибудь... Тутъ вчера я замѣнилъ кой-какія мѣстечки... (*Укладываетъ палатку и кисти въ ящикъ, встаетъ и складываетъ стулъ свой*). А замѣтилъ ты этого Плодомазова—явно ревнуетъ къ намъ. Еще, чего добраго, и до дуэли мы тутъ съ тобой доживемъ. (*Собирается уходить. Сидоровъ удерживаетъ его за рукавъ, вломлоса*).

Сидоровъ. Постой! Предупреждаю. Если тебя спросятъ, отчего ты такъ

прекрасно говоришь по-французски, а я точно семинарь, говори, что у тебя мать была француженка, а я — патриотъ... предупреждаю.

Князь. Это Ахарова тебя экзаменовала? А забираетъ она тебя за живое. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Сидоровъ, потомъ Федотъ.

Сидоровъ. Ужъ и до дуэли!.. Что я за дуракъ!.. Стоить-ли на два дня влюбляться!.. До любви-ли нашему брату... Будь я, на самомъ дѣлѣ, князь! ого!.. Другая была бы исторія... Нѣтъ, надо уѣхать! Эта Еня или Евгения Дмитриевна умна, какъ бѣсъ, и съ огонькомъ, чортъ возьми! Главное, ужъ очень откровенна — не скрываетъ, что ей очень хочется замужъ, за кого-нибудь, только чтобъ умникъ былъ — умникъ! Много тутъ она найдетъ умниковъ! Плодомазовъ ей не по плечу! Въ одномъ ей мизинцѣ болѣе ума, чѣмъ у него въ головѣ. Или уже не избѣжать и ей общей судьбы всѣхъ неглупыхъ барышень — связаться съ дуракомъ и весь свой умъ истратить на то, чтобъ какъ можно хитрѣе и благовиднѣе его надуть. (*Подходитъ Федотъ и накрываетъ столъ*). А, Федотъ! Отдаль-ли ты на водку ямщику?.. А?..

Федотъ. Какъ же, ваше сіятельство, и не ожидать такой вашей милости! (*Вполголоса*) Мы что?.. мы если два двугривенныхъ, али 30 копеекъ вышлемъ на водку, такъ и это слава-те Господи!..

Сидоровъ. Да, пожалуйста, подтверди, чтобъ не уѣзжалъ.

Федотъ. Это вы напрасно, ваше сіятельство, насъ обижаете: у насъ за всегда есть лошади и экипажъ — и самъ нашъ баринъ непремѣнно до станціи проводить васъ.

Сидоровъ. Ну, ну, не толкуй, старикъ, — такъ мнѣ желательно, чтобъ лошади и тарантасъ меня дожидались. Такое мое распоряженіе...

Федотъ. Слушаю, ваше сіятельство. (*Ставить на столъ подносъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Сидоровъ и Наваровъ.

Наваровъ. Князь! Что вы такъ рано встали? Ну, какъ провели ночь... Мухи не мѣшали вамъ?..

Сидоровъ. Летѣлъ какой-то комаръ около носу, да и то, должно-быть, оттого, что я окно раскрылъ. Мухи же, слава Богу, до утра не беспокоили... А какъ приятно мы вчера провели у васъ вечеръ!.. Гуляли, спорили, фли, пили... и... ужинъ былъ удивительно вкусный. Откуда у васъ такая спаржа?

Наваровъ. А зачѣмъ же хозяйка! Это ей дѣло все доставать... А можетъ-быть, это и наша собственная спаржа, съ нашихъ собственныхъ грядъ. Главное, чтобъ спаржа была хороша, надо за ней ухаживать.

Сидоровъ. Вотъ какъ мы ухаживаемъ иногда за дѣвцами.

Наваровъ (*смеется*). Вы думаете, что и онѣ отъ этого хорошѣютъ?.. Гм! Ухаживать за дѣвцами, въ какомъ же это смыслѣ, князь?

Сидоровъ. Въ очень простомъ... ради безгрѣшнаго препровожденья времени.

Наваровъ. Ну, не всегда сходитъ съ рукъ это препровожденіе времени. Особливо, если попадетесь въ когти какой-нибудь кокеткѣ, — хоть такой, напримеръ, какъ моя милая племянница.

Сидоровъ. Ну, какая же она кокетка! Просто-на-просто — живая, веселая барышня.

Наваровъ. Вы думаете?.. Къ сожалѣнію, я далеко не вашего мнѣнія... Ну, скажите на милость, зачѣмъ она цѣлый годъ водитъ за носъ этого несчастнаго нашего сосѣда, Плодомазова? Что-нибудь одно по-моему: если любишь... выходи за него замужъ, а нѣтъ, такъ и не заводи игры... Ну!.. Не мое дѣло судить... Я ей не олекувъ, да

она уже и не ребенокъ. Скоро 25 лѣтъ стукнетъ — не ребенокъ... Что же касается вашего пріятеля, то...

Сидоровъ. Вы это о Сидоровѣ?.. Что такое?..

Наваровъ. Да ничего-съ. Только, какъ бы мнѣ это сказать вамъ... Милый онъ юноша... не глупый... но... странное производитъ на меня впечатлѣніе. Хотя бы вчера: вдругъ, заспорилъ съ вами и сталъ выкладывать свои убѣжденія съ такимъ авторитетомъ, такъ, знаете, что вы нашли самымъ лучшимъ замолчать, на всѣ его фразы отвѣчать благоразумнымъ молчаньемъ. Сами посудите: говорить о такихъ вещахъ, при моей женѣ, при молодыхъ дѣвушкахъ, и въ такомъ радикальномъ духѣ.

Сидоровъ. Что-жъ, онъ, вѣдь, не сказалъ ничего такого нецензурнаго или неприличнаго.

Наваровъ. Еще бы онъ сталъ при насъ и при васъ говорить неприличности! Этого и быть не можетъ, разъ онъ съ вами на ты и вы считаете его вашимъ другомъ. А все же сами посудите, ставить магометанъ на одну доску съ христианами... это ужъ, какъ вамъ угодно, это... ужъ слышкомъ-съ!..

Сидоровъ. Онъ только сказалъ, что магометанинъ, который вырылъ колодець для проезжающихъ путниковъ, передъ Богомъ лучше того христианина, который всю свою жизнь баклуши билъ и ничего не сдѣлалъ для своихъ ближнихъ. По-моему, тутъ ничего нѣтъ такого, что можетъ возмущать...

Наваровъ. А что вы скажете, прилично-ли ему наставлять васъ, что вамъ дѣлать со своими деньгами!.. Хорошо такъ говорить тому, у кого за душой ни гроша.

Сидоровъ. Знаю, что Сидоровъ не въ мѣру иногда идеальничаетъ, даже иногда донкихотствуетъ. Это я знаю. Во многомъ я и не соглашаюсь съ

нимъ; но изъ-за чего стану я съ нимъ ссориться, неужели изъ-за того, что онъ во многомъ уже разочарованъ, а я слишкомъ еще доверчивъ. И замѣйте, несмотря на всю свою разочарованность, Сидоровъ способенъ еще на глупость — влюбиться и жениться на бѣдной дѣвушкѣ.

Наваровъ. Это, дѣйствительно, будетъ съ его стороны глупо. Будь онъ богатъ, о!.. тогда еще можно себя позволить эту роскошь. Понравилась дѣвушка, хоть и не богатая, но воспитанная, женитьба не повредить ему.

Сидоровъ. Э! мало-ли кто можетъ понравиться? Этого еще мало, милѣйшій Александръ Даниловичъ... Чтобъ и богатому-то жениться на бѣдной, нужно ему съ ума сойти.

Наваровъ. Нѣтъ, избави васъ Богъ, дорогой мой князь, отъ такого сумасшествія, лучше не женитесь.

Сидоровъ. Да я объ этомъ и не мечтаю!.. Развѣ влюблюсь, этого еще со мной ни разу не случилось... Думаю, впрочемъ, что влюбиться до того, чтобъ о себѣ забыть или съ ума сойти — это счастье.

Наваровъ. Да какое же это счастье — влюбиться въ первую попавшуюся на глаза кокетку, быть-можетъ, со всѣми задатками будущей камелии, и на ней жениться! Ха-ха! Не очень-то вамъ будетъ весело рога носить!

Сидоровъ. Ну, что же дѣлать!.. Конечно, не весело... Не только за кокетку — ручаться ни за кого нельзя. Жена можетъ измѣнить, да, вѣдь, и деньги то же самое могутъ не только измѣнить, довести до отчаянья. Не одни бѣдняки — и богачи стрѣляются. Мало-ли донается состояній отъ карточной игры, отъ банкротства какого-нибудь банка, или изъ-за того, что банкиръ сбѣжалъ, ограбивъ почтенную публику. Денежныя аферы тоже могутъ лопнуть. Вотъ вы человекъ, несомнѣнно, много на своемъ вѣку по-

живший, много испытавший и, стало-быть, так сказать, прокаленный, соизнайется же, все-ли удавалось тѣмъ, у которыхъ деньги. Нѣтъ, если я бѣденъ... если бы я былъ бѣденъ, было бы лучше...

Наваровъ. Вы до слезъ трогаете меня, молодой человекъ. Вы затрагиваете во мнѣ самую, самую чувствительную, самую больную струну... Да-съ, не на что уже мнѣ надѣяться! Все неспробовалъ, все перенесъ, стремился, добивался, искалъ, жертвовалъ собой, и до чего дошелъ!.. До того дошелъ, что едва могу прилично существовать, какъ русскій дворянинъ и помѣщикъ, и содержать семью мою. Откуда у васъ такая мудрость въ ваши года! Благороднѣйшій, милѣйшій, добрѣйшій князь! (*Жметъ ему руку со слезами на глазахъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Плодомазовъ.

Плодомазовъ. Вотъ и я! Говорятъ, несванный гость хуже татарина... А по-моему, ничего нѣтъ хуже дурныхъ сосѣдей, съ которыми нужно дипломатничать... Ненавижу церемоніи... Здравствуйте!.. А знаете князь, ваше сіятельство... Приятель-то вашъ,—Сидоровъ-то этотъ,—премилѣйшій малый, какъ я замѣтилъ.

Наваровъ. Да, да, милѣйшій малый! А ваша муза, Еня, какъ кажется, совсемъ завладѣла княземъ.

Сидоровъ. Какъ?! Мною?!...

Плодомазовъ. Я этого не замѣтилъ; но если бы и такъ, ничего нѣтъ мудренѣе! Если дѣвица нравится молодому человеку, да еще богатому, то это, разумеется, ей приятно, это ей льститъ. Къ тому же надо же, чтобъ и гости не скучали, если уже такъ случилось, что они заѣхали въ наши Палестины.

Наваровъ (*въ сторону*). Дуракъ!..

Плодомазовъ. Евгения же Дмитріевна любить поболтать, это не то, что Лю-

бовъ Александровна. Та больше слушать любить. Замѣтили вы, какъ она вчера была божественно хороша, въ лучахъ заходящаго солнца, что-то этакое сіяющее, невыразимое, что-то классически-романтическое...

Наваровъ. Вы неисправимы, Максимъ Сергѣевичъ. Впрочемъ, я очень благодаренъ вамъ, что вы такъ восторгаетесь при мнѣ моей дочерью; одно только странно. Давно-ли вы восхищались точно такъ же Евгенией Дмитріевной.

Плодомазовъ. Сегодня роза, а завтра лилія... Что же тутъ такого неестественнаго, Александръ Даниловичъ? (*На террасѣ показалась Мальвина Карловна, за ней горничная съ кофейными принадлежностями. Увидя Наварову, Плодомазовъ бѣжитъ къ ней навстрѣчу*).

Наваровъ. Ну, сегодня Максимъ Сергѣевичъ не прикидывается мрачнымъ и разочарованнымъ,—веселъ. (*Плодомазовъ цѣлуетъ ручку Мальвины Карловны и провожаетъ ее на авансцену*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Мальвина Карловна.

Мальв. Карл. Обо мнѣ не беспокоитесь, я не устала. Мнѣ не въ первый разъ ѣздить въ городъ и закупать. Ну, что, хороши-ли сигары? Одинъ только ящикъ ишла у Овсянкина.

Плодомазовъ. Pur-sens-gavanna! Мальвина, а не сигары!.. Съ большимъ удовольствиемъ выкурить, съ большимъ наслажденіемъ.

Твой карій глазъ и твой загаръ—
Все въ голубомъ дыму затмится,
Когда въ устахъ начнетъ дымиться
Гаванскій листъ моихъ сигаръ...

Мальв. Карл. Оказалось, что только вы одни и курите. (*Съ угрозою взглянула на мужа*). Князь курить только папиросы, а этотъ Сидоровъ совсѣмъ не курить. (*Улыбался*). Если бы знала, и не покупала бы.

Плодомазовъ. Конечно, для меня од-

ного и покупать вамъ не стоило. Чай, рубликовъ 25 али еще подороже заплатили?..

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Люба.

Плодомазовъ. Здравствуйте, Любовь Александровна! Не ожидали такого ранняго гостя! Но вечеръ былъ волшебный, а сегодня такое же волшебное утра. Встаю, поднимаю штору, ба! Въ окошки жарить солнце во все лопатки! На небѣ ни единого облачка. Отцы пошелъ на пасѣку, старая нянька на кого-то ворчить. Пѣтухи поютъ. Ну, что прикажете? Потянуло къ вамъ. У васъ же такіе милые гости.

Люба. Здравствуйте, Илья Аркадьевичъ, какъ ваше здоровье?

Сидоровъ. Какъ видите, здоровъ, цѣлъ и невредимъ.

Люба. А гдѣ же Сидоровъ?

Плодомазовъ. Угадайте. Иду къ вамъ самой короткой дорогой, черезъ поля и овраги, обхожу вашъ садъ и вижу сидитъ какая-то фигура въ блузѣ, на складномъ стулѣ, и что-то такое мажетъ. Подхожу, Сидоровъ: «что вы тутъ, говорю, дѣлаете?» Ну, и вижу, что онъ съ натуры пишетъ рѣку и, какъ кажется, очень-очень недурно. «ну, говорю, не ждалъ я, что вы художествомъ занимаетесь».

Сидоровъ. Да, у Сидорова талантъ недюжинный; если я когда-нибудь издамъ мое путешествіе въ Самаркандъ, вотъ вы увидите, какіе я приложу рисунки и—все ихъ сдѣлалъ Сидоровъ. Мастеръ тины схватывать. Типическія черты этихъ восточныхъ халатниковъ; затѣмъ нашихъ солдатъ, казаковъ, муллъ, ослѣвъ и тому подобное. И знаете, à la Карзингъ... живо, бойко и ловко! Стоитъ Сидорову на это дѣло посвятить себя, то есть, на рисунки для изданій, и большія можно деньги зарабатывать. У насъ же и не мало настоящихъ иллюстраторовъ, особливо карикатуристовъ. (*Пока идутъ эти*

сцены, Люба разливаетъ кофе и передаетъ чашки присутствующимъ; некоторые сами берутъ, наливаютъ сливки и пьютъ тартинки съ масломъ и сыромъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Еня Ахарова.

Еня. Здравствуйте!.. (*жметъ осмѣя руки Сидорову*) Съ кого это вы собираетесь карикатуры дѣлать? Съ меня?..

Сидоровъ. А хоть бы и съ васъ, если только рука поднимется.

Люба. Мы говорили объ Андрей Петровичѣ, и князь проболтался намъ, что въ числѣ его достоинствъ оказывается еще одно—рисуетъ карикатуры.

Наваровъ. Удивительное достоинство!

Еня. Александръ Даниловичъ, отчего вы не въ духѣ?

Наваровъ. Такъ... Со всѣми вы кокетничаете, а со мной не хотите.

Еня. Да какой мнѣ толкъ съ вами кокетничать!.. Вы мнѣ дядя. Человекъ положительный, солидный. Да и что бы сказала жена ваша, тетя Мальвина Карловна, если бъ мнѣ вздумалось съ вами кокетничать?..

Мальв. Карл. Я. вообще, терпѣть не могу кокетства! Я его не выпущу. Да въ свѣтѣ это и не принято.

Еня. А какое мнѣ дѣло до вашего свѣта! Въ свѣтѣ все носить маску; а мнѣ подъ маской душно. Я не кокетка, а такая, какой родилась—говорю, что приходитъ въ голову. Однимъ это нравится, а другимъ это не нравится. Угодить всѣмъ нельзя, да я и не имѣю на это ни малѣйшей претензіи.

Сидоровъ (*въ сторону про себя*). Молодецъ!

Плодомазовъ. Я за васъ не заступаюсь, такъ какъ вы и сами прекрасно за себя заступаете. Вы—молодецъ! Извините,—это слово я подслушала у князя.

Еня. Что это за похвала для дѣву-

шесть—молодец! Это тоже въ своемъ родѣ карикатура. Фи! Женщина-гусарь, женщина-молодец! Одно другого стоить.

Сидоровъ (*сконфуженный*). Что-жъ! Сердитесь на меня, если я этого стою.

Еня. Не сержусь... несколько не сержусь, милѣйшій князь... мало того, по-стараясь ваше словцо какъ-нибудь передѣлать себѣ въ похвалу. Надо же хотѣть чѣмъ-нибудь потѣшить свое самолюбіе.

Наваровъ (*въ сторону про себя*). Какая хитрая и ловкая эта... (*Вслухъ*) А! это никакъ Сидоровъ? (*Князь со своимъ ящикомъ и стуломъ пробирается сторонкой къ своему флигелю*).

Флодомазовъ. Г-нъ Сидоровъ! Андрей Ивановичъ!

Люба. Петровичъ.

Флодомазовъ. Андрей Петровичъ, куда вы? (*Бѣжитъ за нимъ, хватаясь за рукавъ и приводитъ на сцену*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Князь.

Наваровъ. Ну что, нашли себѣ удобное мѣстечко?

Князь. Нашелъ.

Еня. Что же это вы вздумали прятаться. На дикаря не похожи.

Князь (*поздоровавшись съ Наваровымъ, кладетъ свой ящикъ на край скамьи, около Любы. Люба кладетъ на него свою руку, и тотчасъ же ее отнимаетъ. Князь садится на свой раздвижной стулъ съ муштабелемъ въ рукавъ*).

Сидоровъ (*Ахаровой*). Мы, кажется, и такъ ужъ порядочно надоѣли вамъ.

Князь (*Сидорову*). А далеко отсюда до твоей тетюшки?

Сидоровъ. Да какъ сказать, по желѣзной дорогѣ часа полтора ѣзды.

Наваровъ. Даже меньше, часъ съ четвертью.

Сидоровъ (*плетъ кофе*). Ну, это за-

висить, какой поѣздъ. А отъ станціи, на лошадахъ, рукой подать, верстъ 15 или четырнадцать.

Наваровъ (*князю*). Тамъ вы еще и не такіе виды найдете: паркъ чудесный, немного запущенный, но живописный; да и окрестности не дурны.

Сидоровъ. Да и типы тоже не дурны: напримѣръ, Евпланъ садовникъ—криворотый; нѣмецъ Миллеръ, тоже садовникъ, только ученый, и чуть-ли не заправляетъ всѣми оранжереями. Дьяконъ—Александръ, тоже своего рода типъ. А между крестьянами: иной, ну точно патріархъ,—копна сѣдыхъ волосъ на головѣ, а борода лопатой; тамъ и юродивые, и пьянчуги, всего насмотришься. Вотъ только женщины, какъ мнѣ кажется, подгуляли; я, по крайней мѣрѣ, въ Березовкѣ ни одной не встрѣтилъ красивой.

Князь. Какой тутъ ждуть красоты! При такой трудовой жизни, при такой грубой и часто недостаточной пищѣ, при такихъ мужьяхъ, которые, по невѣжеству, обращаются съ ними, какъ съ домашнимъ скотомъ, если еще не хуже! Если я и видѣлъ красивую деревенскую дѣву, такъ это дочь кулака, передъ которымъ мужики за версту снимаютъ шапку, за то, что онъ до чиста ограбилъ ихъ.

Наваровъ (*насутивившись*). Вы, можетъ быть, и въ газетахъ еще иногда пишсываете?

Князь. Да, иногда, какъ случится... Не брезгуемъ.

Наваровъ. Прозой, въ Некрасовскомъ духѣ?

Князь. Не знаю, можетъ быть...

Люба. Андрей Петровичъ!

Князь. Что прикажете?

Люба (*краснѣя*). Вы намъ не покажете вашего эскиза.

Князь. Не хочется показывать; но, чего добраго, вы подумаете, что я самолюбивъ и конфузливъ, какъ инстинтутка.

Люба. Да теперь, кажется, и инстинтутки-то не очень конфузливы.

Еня (*плетъ кофе*). И мнѣ тоже хочется видѣть.

Сидоровъ. Ну, коли вамъ хочется, онъ не устоить. Сейчасъ же раскроетъ свой ящикъ и покажетъ вамъ мастерство свое. (*Князь вынулъ изъ ящика доску съ эскизомъ на холстѣ, прихваченномъ къ доскѣ кнопками*).

Князь. Не дотрогивайтесь только пальцами, а не то надо будетъ отмывать ихъ скипидаромъ.

Еня. Ну, можно будетъ и лопухомъ вытереть... а вотъ, что рисункъ можно испортить, это будетъ непростительно. Ну, кажите... (*Всѣ смотрятъ рисунокъ, который князь не выпускаетъ изъ своихъ рукъ*).

Еня. А, да, теперь догадываюсь, гдѣ вы сидѣли: рѣка, плотъ и мальчишки на берегу. Чтò это они кунаться, что ли, собираются?

Князь. Кунаться!

Еня. Счастливыцы! Въ такой жаръ они будутъ купаться, а мы кофе пьемъ.

Наваровъ (*холодно*). Очень хорошо, только я не знатокъ въ этихъ вещахъ; не знаю-съ.

Флодомазовъ. Да нѣтъ, вы посмотрите, каковъ колоритъ, какая свѣжесть!..

Люба (*князю*). Вы это кончили?

Князь. Вы видите... Кое-гдѣ только намѣчено.

Люба. Жаль, если вы этого не кончите. Надо вамъ и завтра, и послѣ-завтра, въ тотъ же часъ, приходите на то же мѣсто, разумѣется, если погода намъ не измѣнитъ.

Князь. Очень-бы желать, но я съ княземъ пріѣхалъ, и съ нимъ уѣду.

Еня. Да князь еще не скоро уѣдетъ.

Сидоровъ. А почему вы знаете?

Еня (*лукаво смѣясь*). Да мы не пустимъ васъ.

Наваровъ. Она не пуститъ! Скажите пожалуйста.

Люба (*исподлобья взглядываетъ на*

отца). Максимъ Сергѣевичъ, не забудьте, что вы обѣщали намъ сегодня ваши стихи читать.

Еня. Стихи, непременно стихи! Сами обѣщали и извольте исполнить свое обѣщанье.

Флодомазовъ. Ужъ вы-то бы лучше не просили! Сами не разъ говорили, что вы въ моихъ стихахъ ничего, ни лысаго бѣса, не понимаете.

Еня. Ну, я не понимаю, другіе поймутъ. Не всѣ же такіе безтолковые.

Флодомазовъ. Что же я вамъ прочту? Тутъ, подѣ открытымъ небомъ, и резонанса не будетъ, да вотъ и осина шумитъ.

Еня. О, какой вы угловатый человекъ! Стихи, если они хороши, звучны, въ резонансѣ не нуждаются. А если они скрипятъ, то вы сами должны желать, чтобы не только осина, но и дубы, и клены, и сосны, и ели шумѣли и заглушали васъ.

Флодомазовъ. Да вотъ, и Мальвина Карловна до стиховъ не охотница.

Мальв. Карл. (*вставая*). Мнѣ не до стиховъ. Какіе тутъ стихи! Это забава для молодыхъ. Я уйду, не безпокойтесь. (*Уходитъ*).

Наваровъ. Ну, я, такъ и быть, послушаю.

(*Флодомазовъ вынимаетъ изъ кармана листъ исписанной бумаги; всѣ взоры обращены къ нему. Общее молчаніе. Флодомазовъ откашливается и читаетъ*).

Люди—жуки—тѣ, что любятъ навозъ.
Сколько надъ ними мы пролили слезъ!
Синіе ангелы съ неба глядятъ,
Ихъ жестокрылые знаютъ не хотятъ.
Эти жуки—не жуки, а невѣжды
Тѣ, что, лобзая зеленой надежды
Липкія складки, ползутъ ей вослѣдъ...
Плачь ты надъ ними, безумный поэтъ!
Все, что намъ свято—пророческій свѣтъ.
Радуга—вѣчнаго неба привѣтъ.
Вѣчность—на вѣки сомкнутыя вѣжды.

(*Голоса присутствующихъ сдержанно*). Bravo, bravo!

Князь. Ну, чѣмъ же это не звучные стихи!

Еня. Ничего не понимаю.

Сидоровъ. А я и такихъ стиховъ написать не сумѣю, хоть убейте!

Еня (Сидорову). И слава Богу... Нашли о чѣмъ сожалѣть!

Сидоровъ. Только, что же это? Какіе же это синіе ангелы? Почему синіе?

Князь. Ну, это символъ. Вообрази, что съ неба глядятъ на насъ мириады духовъ, если они сини, то и небо синее. (Люба смѣется).

Плодомазовъ. Спасибо вамъ, Сидоровъ! Вы именно попали пальцемъ въ небо. Это, дѣйствительно, символика, требующая особеннаго, напряженнаго вниманія. Да, декаденты и не рассчитываютъ на то, чтобъ все ихъ поняли. Спасибо, большое вамъ спасибо! (Порывисто жметъ ему руку).

Князь. Ну, еще что-нибудь.

Плодомазовъ. Для васъ, извольте... Кто не хочетъ слушать, пусть не слушаетъ. (Читаетъ).

Пусть муза прячетъ свой красный позоръ!
Здранаго смысла лѣтливый бугоръ
Лавры покроютъ навѣрное
Сердце лукавое и легковѣрное.
Видишь душло: тамъ слѣпая сова
Учить, какъ надо любить, соловьиное
Сердце клюетъ, ислеклаваши мышинное,
Желтыхъ собакъ, нашихъ тонкихъ страстей
Вой раздастся въ мглѣ сѣрыхъ степеней.
Тамъ и пѣвецъ нашихъ сладкихъ надеждъ...
Нить у него прежнихъ дарскихъ одеждъ...
Благословляю святыхъ заплатъ,
Старыхъ ранъ, Цирцеи любви,
Губы вампира, засохшую кровь,
Стоку стиховъ открываются пилузы
Медальница мелеть...

Несчастный! не плачь!

Будетъ мука, и на жертвенникъ музы
Ты положи вмѣсто лавра—калачъ.

(Голоса). Bravo, bravo!

Еня. Вотъ галиматья!

Наваровъ. Чортъ знаетъ, что такое!

Князь. Скажите, милѣйшій поэтъ, какъ вы сами понимаете ваше произведение?

Плодомазовъ. Это,—просто-съ, на-

строение минуты!.. Развѣ вы не слышите въ этихъ стихахъ—разладъ между поэзіей и дѣйствительностью...

Князь. О, да, вы, не шутя, декадентъ. Чего добраго и парижскихъ декадентовъ заткнете за поясъ.

Плодомазовъ. Вотъ и подите же! Французскихъ декадентовъ переводятъ, подражаютъ имъ, хвалятъ. А я мои стихи послалъ въ журналы, и никакого отвѣта. Одна только «Недѣля» удостоила отвѣчать, что стихи П—ва не могутъ быть напечатаны. Вотъ вамъ и справедливость!..

Князь (допивая кофе). Вотъ оно, что значитъ положить на жертвенникъ музы вмѣсто лавра—калачъ. Да и калачъ-то этотъ на иномъ жертвенникѣ непременно подгоритъ, и подгоритъ безъ всякаго благоуханія!

Плодомазовъ (смотритъ на него озадаченными глазами). Именно, именно!.. Удивительно какъ вы меня понимаете! А развѣ эти олухи-журналисты что-нибудь понимаютъ? Декадентская поэзія,—это нѣчто новое—не скоро еще будутъ цѣнить ее, какъ слѣдуетъ.

Наваровъ. Должно быть, очень не скоро. Ну, я пойду. Князь, не хотители, я покажу вамъ, ключъ у меня есть недалеко, и на довольно возвышенномъ мѣстѣ. Посоветуйте... можно-ли мнѣ будетъ провести эту воду въ садъ и устроить, если не фонтанъ, то хоть какой-нибудь бассейнъ для питья. Вода превосходная, чиста, какъ кристалль.

Сидоровъ. Почему же не пойти, пойдемте. (Распускаютъ зонтики и уходятъ).

Плодомазовъ. Что-жъ! Не все же намъ тутъ сидѣть, пойдемъ и мы куда-нибудь, искать вдохновенія.

Еня (исподлобья поглядывая на князя и Любу). Пойдемте.

Люба. Подождите меня.

Еня. Хорошо; мы вонъ тамъ, пока ты уберешься, подождемъ. Да не по-

звать-ли Оению? (Уходитъ по дорожке къ террасѣ).

Князь. У меня въ головѣ все еще какой-то сумбуръ отъ этихъ стихотвореній. Но у меня и отъ васъ порядочный сумбуръ въ головѣ. Никакъ не могу понять, видѣлъ-ли я васъ раньше, или это мнѣ только кажется.

Люба. Я, по крайней мѣрѣ, никогда не видала васъ.

Князь. Были вы въ прошломъ году въ Петербургѣ?

Люба. Была.

Князь. Были въ театрѣ, когда давали «Гугеноты», и не сидѣли-ли направо, въ бельэтажѣ, съ какой-то пожилой дамой и двумя кадетами.

Люба. Кажется... да... эта пожилая дама—сестра моего отца, Плеядова. У нея два сына, и оба кадеты.

Князь. Значитъ, это были вы?

Люба. Ну, была!.. что-жъ изъ этого?..

Князь. Что изъ этого?.. Нѣчто такое, чего нельзя забыть и не слѣдуетъ помнить.

Люба. Такъ поразила васъ опера!..

Князь. Не опера, а вы.

Люба. Такъ вотъ что вамъ не слѣдуетъ помнить!?

Князь. Да... потому, что я не князь, не богатъ, а просто какой-то Сидоровъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Картина первая.

Декорация та же, что и во второмъ дѣйствіи, явленіе I.

Князь и Сидоровъ, потомъ Люба и Мальвина Барловна.

Сидоровъ. Ну, что, уѣхали? Что, братъ! Скоро недѣля какъ мы застряли тутъ, эхъ!..

Князь. Досадно одно—не успѣлъ написать моей тетускѣ, послалъ ей преглупую телеграмму: «26 числа буду въ Березовку», а завтра 28 число. Надо будетъ какъ-нибудь похлопотать, или такъ устроить свои дѣлишки, чтобъ

завтра же уѣхать. Кузьма-то не уѣхалъ: ждетъ.

Сидоровъ. Не знаю, какъ ты, а я такъ вошелъ въ свою роль, что точно и въ самомъ дѣлѣ князь. Ей Богу!

Князь. А я, я въ такомъ глупомъ положеніи, что и самъ не радъ.

Сидоровъ (помолчавъ). Значитъ, рѣшено и подписано.

Князь. Да, тетуська, хоть и старая дѣва, а угадала. Другой такой Любы, чего добраго, я и не встрѣчу.

Сидоровъ. Что же ты, какъ намѣренъ поступать?

Князь. Остаться Сидоровымъ и дѣйствовать по-княжески.

Сидоровъ. Ну, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ?

Князь. А нашъ-то баринъ—того...

Сидоровъ. Да и барыня-то... того!.. Все же далеко ей до барина: тотъ не глупъ, только умъ-то его такой, знаешь, обыденный—у всѣхъ есть такой умъ... Очень ужъ хочется ему, чтобъ я за его дочку ухаживалъ...

Князь. А меня возненавидѣлъ за то, что я ухаживаю. Не только не говоритъ со мной, явно хочетъ показать, что не обращаетъ на меня никакого вниманія...

Сидоровъ (помолчавъ). Чѣмъ же все это кончится?

Князь (помолчавъ). Rira bien qui rira le dernier!

Сидоровъ. Гм!..

Князь. Уходи! Идетъ Люба,—оставь меня.

Сидоровъ. Ухожу съ горя въ паркъ—землянику ѣсть. (Уходитъ).

явленіе II.

Изъ сада выходитъ Люба.

Князь. Здравствуйте, милая Любовь Александровна.

Люба. Мы уже здоровались. (Подаетъ ему руку).

Князь. И опять, и опять, при каждой съ вами встрѣчѣ, готовъ съ вами здороваться, чтобъ имѣть случай по-

жать вамъ руку. (*Садится на скамью*). Садитесь, дайте поговорить съ вами хоть пять минутъ, хоть полминуты!.. Скажите, отчего вы такъ не веселы! Что случилось?

Люба (*потупляя глаза*). Ничего...

Князь. На-дняхъ, быть-можетъ, завтра, князь собирается уѣхать.

Люба. И вы?

Князь. Могу-ли я остаться? Вы сами видите, насколько я приятель здѣсь... Сами все понимаете...

Люба. Ну, Богъ съ вами, уѣзжайте! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... (*Молчаніе*). Который часъ?

Князь (*вынимаетъ часы*). У меня пятого три четверти.

Люба. Покажите-ка ваши часы. Чей это вензель?

Князь. Это часы не мои. Я свои отдалъ въ починку. У князя много часовъ, и онъ далъ мнѣ свои пока.

Люба. Онъ очень любитъ васъ?

Князь. Такъ, какъ никто никогда меня не любилъ.

Люба (*смотритъ на него, какъ бы сомнѣваясь въ словахъ его*). Будто бы никто, никогда?

Князь. А вы! Вы никого не любили?

Люба (*отклончиво*). Нескромный вопросъ. Неужели вы разсчитываете на откровенность... я, я такъ мало знаю васъ, что...

Князь. А я васъ такъ знаю, что, кажется, душу вашу вижу насквозь.

Люба (*недоверчиво*). Такой вы прощательный?

Князь. Одного не знаю, въ одномъ не увѣренъ. Скажите: если посвѣтается за васъ князь, выйдете вы за него замужъ?

Люба. Посвѣтается? Развѣ, я дала ему поводъ за меня свататься! Не шутите, пожалуйста.

Князь. Ну, а если бы. Почему вы знаете, можетъ, и онъ неравнодушенъ къ вамъ. Чужая душа—потемки.

Люба. Значить, и моя душа для васъ потемки.

Князь. «Свѣтъ и во тѣмѣ свѣтитъ», говоритъ священное писаніе; но вы мнѣ все еще не отвѣтили на мой вопросъ: ну, если онъ посвѣтается?

Люба. Ну, какъ вы думаете, пойду я за него?

Князь. Что вы его не любите, это я знаю; но если отецъ, мать,—всѣ, всѣ станутъ васъ уговаривать, умолять, устояте-ли вы? Вѣдь, онъ богатъ, не забывайте этого,—женихъ выгодный, какъ это принято говорить, великолѣпная партія.

Люба. Вѣдь, вы знаете, что я его не люблю.

Князь. Знаю.

Люба. За что же вы меня хотите оскорбить, предполагаете, что я за деньги, хотя бы за миллионы, могу продать себя! Не лестнаго же вы обо мнѣ мнѣнія, Андрей Петровичъ! Я не могу быть женой его.

Князь. Ну, а если бы вы полюбили бѣдняка, какъ бы вы отнеслись къ его предложенію?

Люба. Не знаю. (*Молчаніе*). Что это на васъ нашла охота меня исповѣдывать! Какое вамъ дѣло?

(*Съ террасы слышны голоса Мальвины Карловны: Люба!*).

(*Подходитъ М. К. Наварова и съ сердцемъ говоритъ своей дочери*).

Мальв. Карл. Чтò это значить, зову-зову, не дозовусь. Ступай домой.

(*Люба встаетъ и, не говоря ни слова, уходитъ въ домъ*).

явленіе III.

Князь и Мальв. Карл.

Князь. За что вы ее прогнали?

Мальв. Карл. Помилуйте, надо же и честь знать. Не все же гулять, можно и поработать немного. Нельзя же дѣвущкѣ весь день ничего не дѣлать, пріучаться къ праздности.

Князь. Строгая же вы маменька!

Мальв. Карл. Бываютъ и строже.

Князь. А что если я вамъ при-знаюсь?

Мальв. Карл. Въ чемъ это? Въ какомъ такомъ прегрѣшеніи?

Князь. А признаюсь въ томъ, что полюбилъ вашу дочь Любовь Александровну, и намѣреваюсь просить руки ея.

Мальв. Карл. (*озабоченная и какъ бы испуганная*). Проснитесь, если вы еще не выспались...

Князь. Я говорю вамъ серьезно, не шутя, говорю вамъ, что намѣренъ жениться на вашей дочкѣ.

Мальв. Карл. Да вы съ ума сошли! Образумьтесь! Ни я, ни ея отецъ не дадутъ ей на такой нелѣпный бракъ своего согласія. Да и дочь моя сама не пойдетъ за васъ. Ужъ не объяснялись-ли вы ей въ любви, тутъ сидя? А?

Князь. Успокойтесь, въ любви я не объяснялся. За кого вы меня принимаете?

Мальв. Карл. Разумѣется, за честнаго человѣка. Только вы съ ума сошли...

Князь. Значить, никакой надежды.

Мальв. Карл. Никакой! Выбейте себѣ пзъ головы такую блажь; вы человѣкъ бѣдный, безъ всякаго состоянія, и найдете себѣ жену, которая не привыкла ни къ свѣту, ни къ роскоши.

Князь. Словомъ, вы хотите, чтобы я женился на бѣдной... Да, вѣдь, и у вашей дочери ничего нѣтъ.

Мальв. Карл. Часъ отъ часу не легче! Кажется, вы видите, какъ мы живемъ!

Князь. Извините, мнѣ это лучше знать. Вы наканунѣ разоренія.

Мальв. Карл. (*съ ужасомъ*). Какая это ворона на хвостѣ принесла вамъ эту новость! Мы наканунѣ разоренія! Кто вамъ это сказалъ? Не вѣрьте, не вѣрьте.

Князь. Отчего же не вѣрить. Вѣдь, вотъ вы вѣрите же, что я бѣднякъ, и даже не столбовой дворянинъ. Развѣ

вы лазили въ мой карманъ, и развѣ вы читали мое метрическое свидѣтельство!

Мальв. Карл. Ахъ, какой вы! Какъ вы меня испугали! Скажите лучше, когда вашъ князь думаетъ отъ насъ уѣхать?

Князь. А когда мнѣ вздумается, тогда и уѣдетъ.

Мальв. Карл. Чтò же это—или онъ у васъ подъ башмакомъ, если вы такъ говорите?

Князь. Несомнѣнно. Что я скажу, то и будетъ. Безъ моего совѣта, онъ—ни-ни-ни! Захожу—останется, захожу—уѣдетъ.

Мальв. Карл. Чтò-жъ, онъ тряпка, повашему? Хорошо же вы рекомендуете вашего друга! А не бойтесь, что я на васъ наслетничаю. Передамъ ему ваши слова...

Князь. Сдѣлайте такое одолженіе, самъ князь подтвердитъ вамъ слова мои. Я сила. Онъ у меня въ рукахъ: что захочу, то и сдѣлаю...

Мальв. Карл. Не вѣрю я вамъ, не вѣрю, чтобы князь былъ такой... такой безхарактерный, такой ничтожный человѣкъ, что всякій можетъ изъ него веревки вить.

Князь. Да, хотите, побьемся объ закладъ. Захожу, чтобы онъ женился на вашей дочери—женится, не захочу—забудетъ и думать о нашемъ существованіи.

Мальв. Карл. Это невыносимо, что вы говорите! Невыносимо! (*На террасу выходитъ Наваровъ*). Мужъ! Александръ Даниловичъ! Поди-ка сюда. Послушай-ка, чтò онъ говоритъ!

(*Наваровъ льниво идетъ съ террасы*).

Князь. Ну, я высказался, съ меня довольно! Пойду куда-нибудь. За обѣдомъ увидимся. А о томъ, что я просилъ руки вашей дочери или намѣренъ былъ просить, прошу васъ покорно никому не говорить, даже вашему мужу, иначе я сегодня же уѣду,

уведу князя, и тогда проститесь со всеми вашими надеждами. (*Уходитъ*).

Мальв. Карл. Да что онъ? Чортъ? Дьяволъ? Бѣсъ окаянный! Смѣетъ такъ говорить со мной! Такъ я и испугаюсь.

явление IV.

Мальвина Карловна и Наваровъ.

Наваровъ. Ну, что ты, чего звала меня? что ты такъ, какъ будто, разстроена или встревожена... что случилось?

Мальв. Карл. Тутъ сейчасъ былъ этотъ чортъ, Сидоровъ.

Наваровъ. Ну, и что же? Ну, былъ Сидоровъ.

Мальв. Карл. Ну и Богъ знаетъ, что онъ тутъ мнѣ напелъ, увѣрялъ, будто бы мы наканунѣ разорены!

Наваровъ. Ахъ, бабюшка! Кто это ему такъ описалъ наше положеніе?

Мальв. Карл. Да еще что! Погоди, вотъ еще что: князь, изволите видѣть, у него подъ башмакомъ, и что если онъ захочетъ, то сегодня же увезетъ его.

Наваровъ. Какой хвастунишка!

Мальв. Карл. Захочу, говорить, чтобъ князь женился на вашей дочери—женится, не захочу—не женится.

Наваровъ. И врать, врать, какъ сильный меринъ, врать! Я князя изучилъ. Это человѣкъ съ характеромъ, да еще съ какимъ! Съ выдержкой. И если ничего не выходитъ—виновать не онъ, виновата эта дура, дочка ваша милая, Любовь Александровна. Ни разу сама не подошла къ нему, ни разу даже не улыбнулась, что бѣ онъ ни говорилъ. Просто злость беретъ. Въ кого она уродилась? Не видитъ своего счастья, упускаетъ такой случай, какой и не повторится.

Мальв. Карл. Ужъ я говорила ей.

Наваровъ. Ну, и что же?

Мальв. Карл. Да ничего, молчить. А намеки что еще, какую пулю отлила. Папа, говорить, очень недоволенъ моей кузиной Еней, что она кокетни-

часть, а вы хотите, чтобъ я кокетничала.

Наваровъ. Вотъ тутъ и воспитывай! Такая дура! Нѣтъ, матушка, не отсылай мы ее къ этой педанткѣ Плядоной, не наслушайся она этихъ дурацкихъ курсовъ, знала бы жизнь, какъ она есть, не была бы такой безчувственной, не предпочитала бы болтовни съ этимъ молокососомъ Сидоровымъ, не стала бы кивать ему головой въ знакъ, что она совершенно согласна съ нимъ. Ну, а еще что?

Мальв. Карл. Ну, довольно пока и этого. И такъ не весело, а тутъ еще Еня... да еще какой-то Сидоровъ навязывается... дерзости говорить. Не сумѣешь-ли ты его куда-нибудь спровадить?.. А?

Наваровъ. Ну, матушка! Куда я его спроважу? Не говори глупостей. Не пойдеть же онъ одинъ къ княгинѣ въ Березовку. Князь взялъ Сидорова сопровождать его. Какъ же тутъ его спровадить!

Мальв. Карл. Вотъ наказаніе Божіе, что въ наше общество, въ нашъ кругъ, втерся этотъ выскочка! (*Уходитъ и возвращается*). Вотъ еще что я хочу сказать тебѣ. Намекни, какъ-нибудь, князю, что это онъ дѣлаетъ? Онъ такъ разбалуетъ нашихъ людей, что съ ними и сладу не будетъ. Что это за глупости! Каждый день горничной и этому олуху Федоту даетъ по три рубля... На что это похоже!

Наваровъ. Ну, ужъ нѣтъ! Мѣшаться въ такой вздоръ я не намѣренъ.

Мальв. Карл. Вѣчно ты горячишься! Не намѣренъ! Съ тобой и поговорить-то нельзя по-человѣчески. (*Уходитъ разсерженная*).

Наваровъ. Понять не хочетъ эта барыня, до какой степени, передъ самымъ ихъ отъѣздомъ, глупо и даже безтактно говорить о такихъ пустякахъ. Какъ видна въ ней еще нѣмецкая жилка, хоть и родилась въ Россіи

Коробить ее, что князь на пять или на шесть рублей въ день разоряется. Да что ему шесть рублей? То же, что ей шесть копеекъ. Да и почему я знаю, съ какой цѣлью задобриваетъ онъ людей моихъ... О, Господи! Смилуйся, помоги! (*Уходитъ*).

явление V.

Входитъ Еня и становится въ тѣни куртины.

Еня. Ушелъ!.. Не хочу попадаться ему на глаза. Прoberусь къ Любѣ черезъ заднее крыльцо. Обѣдать не останусь, закушу что-нибудь на мельницѣ. Явно показываютъ мнѣ, что мое частое присутствіе въ ихъ семьѣ имъ неприятно, не желательно. Особенно Мальвинушка эта со мной не церемонится. Только и говоритъ, что я завлекаю князя, и что онъ будто бы заочно надо мной смѣется. Ну, смѣется! Я не такая дура, чтобъ ей повѣрила. (*Проходитъ Сидоровъ*). Князь, Илья Аркадьевичъ! сюда!..

явление VI.

Ахарова и Сидоровъ.

Сидоровъ. Ахъ, какъ я радъ! Давно не видѣлъ васъ, цѣлыя сутки!.. Гдѣ вы пропадали?!

Еня. Надо и честь знать. Пользуясь хорошей погодой, я безпрестанно здѣсь: всемъ глаза мозолю.

Сидоровъ. Ну, не всемъ... Бываютъ иногда и такія исключенія, которыя не подходятъ подъ общее правило.

Еня. Я не про васъ говорю. Мы съ вами друзья, хотя, можетъ, и не надолго.

Сидоровъ. Не стоитъ и дружитья, если не надолго.

Еня. Разумѣется, не стоитъ. Сегодня вечеромъ собирается ко мнѣ въ гости, въ мою усадьбу, нашъ декадентъ. Даль мнѣ объ этомъ знать и думать, что я буду ждать его!.. А я съ вечера заберусь къ вамъ въ самое глухое мѣсто парка, и буду ходить, какъ привидѣнье. Встрѣчу васъ,—пожалуйста не испугайтесь. Ахъ, да!.. Люба о

чемъ-то хочетъ попросить вашего пріятеля, словомъ, ей нужно очень что-то переговорить съ нимъ.

Сидоровъ. Гм! Я скажу это Сидорову. А если мы съ нимъ будемъ въ паркѣ около полуночи, пожалуйста, и вы не примите насъ за воровъ или за разбойниковъ.

Еня. У меня есть резонъ назвать васъ обоихъ ворами... въ нѣкоторомъ смыслѣ слова...

Сидоровъ. Какъ? Въ какомъ это смыслѣ?

Еня. Много будете знать, скоро состаритесь... А что если Люба согласится на то, чтобъ тоже явиться ночью въ паркъ и переговорить съ Сидоровымъ?

Сидоровъ. Ну, послушайте, конечно, это между нами, скажите мнѣ, какъ вашему другу, равнодушна ваша кузина, Люба, къ моему пріятелю?

Еня (*молчитъ и улыбается*).

Сидоровъ. Пожалуйста, скажите. И честно увѣряю васъ,—даже ему не проговорюсь. Честью увѣряю васъ!

Еня. Нѣтъ! Чего она сама не говорить, того я сказать вамъ не въ правѣ. Да и ни къ чему это не поведетъ.

Сидоровъ. О, какой скрытный народъ, эти барышни! Ну, а правда-ли, мнѣ сказалъ Александръ Даниловичъ,—за васъ сватается сосѣдъ Плодомазовъ?

Еня. Вамъ это дядя мой сказалъ! Да? Гм! Знаете, что я вамъ скажу, онъ еще три-четыре года будетъ за меня свататься, т. е. говорить со мной какими-то намеками, словомъ, нѣчто такое-же, не совсемъ понятное, какъ и его стихи. Стиховъ его я не понимаю, а его понимаю, и сама навязываться ему не хочу. По-моему такъ: или да, или нѣтъ, а если ни да, ни нѣтъ, то это все равно, что ничего. На такія тщедушныя страсти нѣтъ отвѣта у меня въ душѣ. Вотъ, что я вамъ скажу. Прощайте. (*Съ террасы*

слышенъ обѣдненный звонокъ). Слышите, зовутъ обѣдать. Я голодна, какъ собака, а все-таки туда не пойду... Ступайте, ступайте, вонъ уже и Сидоровъ съ Талемъ идутъ изъ флигеля. (*Закрывается между деревьями*).

Сидоровъ. Какова провинція! Никогда еще не встрѣчалъ такой *двучини*... Ей-Богу! Такъ иногда откровенна, что и не поймешь. Сильно она меня забираетъ. Ну, да не забывайтесь, господинъ Сидоровъ! Куда вамъ быть женихомъ! Такія дѣвушки не про васъ... Помощникъ присяжнаго повѣреннаго еще далеко не присяжный. Али юриспруденцію по-боку и заняться агрономіей. Не пойти-ли къ ней въ огородники! — Начитался-де графа Льва Толстого, и хочу въ землѣ копаться, землю рыть... Не возьметъ, чувствую, что не возьметъ. (*Другой звонокъ*). Ба! пока не придетъ вотъ этотъ самый князь (*указываетъ на себя пальцемъ*), тамъ и за столъ не сядутъ. (*Уходитъ*).

Занавѣсъ.

Картина вторая.

(Дуная ночь, въ концѣ запущеннаго парка, между деревьями, видна скамеечка).

явление VII.

Князь, Сидоровъ, Еня, потомъ Плодомазовъ.

Еня (*князю*). Подождите ее на этой скамеечкѣ. Можетъ, она и рѣшится придти сюда. Сомнѣваюсь, но чего-чего на свѣтѣ не бываетъ! А мы лучше найдемъ на дорогу, въ поле; тутъ мнѣ почему-то жутко. Пойдите, промелькнула какая-то тѣнь... кто-то идетъ. (*Подходитъ Плодомазовъ и не замѣчаетъ князя*).

Плодомазовъ. Вотъ вы гдѣ? Если вы на свиданіе сошлись, то...

Еня. Какое тутъ свиданіе! Что вы мелете! И сюда отъ васъ ушла и нечаянно встрѣтила милого князя.

Плодомазовъ. Гм! Отъ меня ушли! Что же я такое для васъ?

Еня. Да ничего. Если-бъ вы были для меня хоть чѣмъ-нибудь, я, конечно бы, дождалась васъ у себя на балконѣ.

Плодомазовъ. Странно вы говорите. Кажется, я ничѣмъ не заслуживаю вашего пренебреженія.

Еня. Да развѣ я пренебрегаю вами. Я, просто, сегодня, именно сегодня, не расположена видѣть васъ. Съ княземъ мы, по крайней мѣрѣ, подружались, а съ вами и дружить-то нельзя. Сейчасъ, Богъ знаетъ, что вообразите. Что вамъ дружба! Вамъ нужна вулканическая страсть, поэтическіе вздохи! А я—проза, настоящая проза! Слишкомъ холодна и благоразумна, ну, и оставьте меня...

Плодомазовъ. Нѣтъ, я васъ не оставлю; я долженъ беречь васъ.

Еня. Отъ чего беречь? Отъ вулканической страсти или отъ поэтическаго экстаза? Да, вѣдь, вы только этого и добиваетесь! Вы-то и есть самый опасный. Нечего вамъ меня остерегать отъ такихъ людей, которые ни о чемъ не мечтаютъ, а просто находятъ удовольствіе со мной болтать или бесѣдовать.

Плодомазовъ. Говорите, говорите! Только вы иначе выражались съ мѣсяцъ тому назадъ, когда еще и ночи были свѣжи, и соловьи пѣли.

Еня. А теперь соловьи улетѣли и не поютъ, а вонъ, слышите, сова кричитъ, та самая, должно быть, которая, сидя въ дуплѣ, учила васъ, какъ любить. Видите, какъ я помню ваши стихи, не забыла...

Плодомазовъ. Ну, берегитесь, Евгения Дмитриевна. Вы заговорили со мной не тѣмъ языкомъ, какимъ вы когда-то со мной говорили...

Еня. Говорили и—ничего путнаго не сказали.

Плодомазовъ. Ну, пока, я не мѣ-

шаю вамъ; только знайте, слѣдить за вами и за вашимъ поведеніемъ я не перестану до тѣхъ поръ, пока еще держится во мнѣ жизнь и не высохло сердце... (*Уходитъ*).

Еня. Онъ будетъ за мной шпионить. Хорошъ поэтъ!.. Э! да стѣбитъ-ли о немъ думать! Пойдемте... пусть онъ крадется за нами, какъ тѣнь... Смѣшно!

Князь (*со скамьи*). Ну, что, князь! Не говорилъ-ли я, проживемъ мы здѣсь съ тобой до дуэли.

Сидоровъ. Ну, что жъ, трусить не буду. (*Уходитъ съ Азаровой*).

Князь (*одинъ*). Все это время я точно больной, что-то такое со мной творится, чему я и самъ не радъ! И все это, можетъ быть, отъ того, что я—Сидоровъ: ношу не свое имя, и все тяжелѣе, тяжелѣе мнѣ становится носить его... И хорошо, что слобовы улетѣли и не поютъ. Въ такую ночь, мнѣ кажется, и слушать-то ихъ мнѣ было бы тошно... Вѣдь, не придетъ, знаю, что не придетъ! Не настолько любимъ, чтобъ она рѣшилась... Немножко нравлюсь, вотъ и все!.. Какая тишина! Какая лихорадочная тишина!.. Что-то зашелестило... Нѣтъ, не съ той стороны. Ужъ не Плодомазовъ-ли это крадется между деревьями. (*Молчаніе*).

До утра буду ждать. Мнѣ кажется, если не придетъ,—я уѣду, ни въ чемъ не увѣренный. И уѣду куда-нибудь на край свѣта, въ Китай, въ Индію, къ чорту на кулички! Ну, опять кто-то... (*Вслушивается*). Какіе поспѣшные шаги, точно... (*На тропинкѣ появляется Люба*). Неужели?..

явление VIII.

Князь и Люба.

Князь (*вставая*). Вы-ли это?

Люба (*останавливается, тяжело дыша*). Я... я... я... На три минуты... Я сама хотѣла видѣть васъ... Днемъ, вы знаете, слѣдять... У меня есть дѣло... есть просьба...

Князь. Дѣло? Просьба! Какая просьба?

Люба. Въ двухъ словахъ желала бы передать вамъ (*садится около князя*)... Не могу... Вотъ письмо отъ моего брата, изъ Петербурга... сами прочитайте, какъ вернетесь во флигель... сами... сами поймете, какое его положеніе... а я не могу ему помочь... Папа... папа тоже не можетъ. Онъ женился на той, которую онъ полюбилъ. Это была моя подруга... я ее знала и была рада за брата... и вотъ онъ проситъ 200 рублей. Скажите князю, не можетъ-ли онъ... послать... ему... Простите, ради Бога... Ну, вотъ и все... (*Хочетъ встать*).

Князь (*удерживая ее за руку*). Милая, дорогая Любовь Александровна! Клянусь вамъ, князь пошлетъ ему эти деньги, какъ брату, какъ другу, не 200, а 500, если хотите 1,000. Стѣнитъ мнѣ только сказать ему.

Люба. Такъ, значитъ, это не очень трудно будетъ вамъ...

Князь. Да развѣ есть для меня что-нибудь трудное, если я страстно, глубоко люблю васъ?

Люба (*вздрагиваетъ и закрываетъ лицо руками*). Къ чему? Зачѣмъ, зачѣмъ такое горе?

Князь. Одна искра вашей любви дороже мнѣ всего на свѣтѣ! Какое же горе? Какое? (*Цѣлуетъ ей руки*).

Люба. Не только любить,—думать, думать о васъ запрещаютъ.

Князь. Милая, милая, милая! Вѣдь, вамъ придти сюда и просить за родного брата тоже бы запретили, а вы, все-таки, пришли, вы, все-таки, передали мнѣ то, что подсказало вамъ ваше сердце... Неужели оно ничего, ничего уже больше не подскажетъ вамъ? Я уѣду... Хотите? Но что-нибудь одно: или съ тѣмъ, чтобы васъ забыть, или съ тѣмъ, чтобы трудиться, надѣяться, любить и ждать... Для меня нѣтъ другого исхода. Помогите, скажите «да», «нѣтъ»... что хотите?

Люба (*едва слышимымъ голосомъ, поспѣ-*

долгую молчанія и колебанья). О, да, да!.. (Плачетъ).

Князь. Милая моя, милая, дорогая моя! Знаете, что я скажу вамъ? Вѣдь, и гдѣть вамъ, я воплощенная ложь...

Люба (*отшатывается отъ него и глядитъ съ ужасомъ*).

Князь. Вѣдь, это я, князь-то! Съ Сидоровымъ только на время помѣнялись мы именами и фамиліями. Придумали это ради шутки на дорогѣ, когда ѣхали къ вамъ.

Люба. Вы меня искушаете... Не шутите со мной, Андрей Петровичъ.

Князь. Не Андрей Петровичъ, а князь Илья, клянусь вамъ!.. Только до конца моего пребыванія здѣсь позвольте мнѣ остаться Сидоровымъ. Мнѣ это имя стало дорого, потому что не князя, а бѣднаго Сидорова полюбили вы, и доказали... О! какъ я теперь вѣрю вамъ...

Люба. Тс... тише!.. (*За деревьями слышенъ голосъ Оени*).

Оеня (*за деревьями*). А какія здѣсь большія деревья... (*Люба бросается въ чащу*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Князь на той же скамейкѣ, Мальвина Карловна и Оеня.

Мальв. Карл. Кто это? (*Князь встаетъ*).

Князь. Я и самъ не знаю, кто я такой и что я такое.

Мальв. Карл. Это вы, Сидоровъ?

Князь. Если вамъ угодно—я, Мальвина Карловна.

Мальв. Карл. Что вы тутъ дѣлаете?

Князь. Какъ что дѣлаю? Ничего.—Ищу удивленія и сажу у васъ въ паркѣ. Что же мнѣ остается дѣлать! Вы приказали мнѣ *проспать*, а спать-то я и не могу...

Мальв. Карл. Не видѣли вы моей дочери?

Князь. Какими это судьбами? Развѣ она имѣетъ обыкновеніе гулять по ночамъ, когда всѣ спятъ.—Живу у

васъ недѣлю и, право, этого еще не замѣтить. А я каждую ночь ходилъ сюда. Слышите, какъ сова кричитъ.

Оеня. А! Это сова кричитъ! А я, барыня, думала, что душатъ кого-то.

Мальв. Карл. Куда же она дѣлась?

Оеня. Что за охота *мнѣ* такъ далеко уходить. Ночь душная-сь. Ну, встали, можетъ, и вышли пройтись гдѣ-нибудь около дома. Вѣдь, на парадное крыльцо мы съ вами не заглянули, можетъ быть и тамъ.

Мальв. Карл. Какъ все это подозрительно! Надѣюсь, что князь не подкупалъ тебя.

Оеня. Какъ не подкупить! (*Обиженно*) Разумѣется, подкупилъ, чтобъ я ему барышню по ночамъ въ садъ водила.

Мальв. Карл. Ну, ужъ ты начнешь... прилетать!

Оеня. Да помилуйте! Какъ вамъ не грѣхъ! Я не какая-нибудь, чтобъ можно было подкупить меня!

Князь. А если вы думаете, Мальвина Карловна, что князь, не спросясь меня, пошелъ на подкуны, то почему я знаю, можетъ быть, не Оеня, такъ кто-нибудь другой и помогаетъ его сѣятельству видѣться съ вашей дочкой.

Мальв. Карл. Вы очень дерзки, молодой человекъ! Очень!.. Дочь моя ни къ кому на randevu не пойдетъ. Вы даже и понятія не имѣете о моей дочери. (*Уходитъ съ горничной*).

Князь. Она-то воображаетъ, что понимаетъ свою дочь, да это было бы то же самое, если бы судомойка понимала музыку Бетховена... Уфъ! Точно гора съ плечъ... А все-таки не выдержалъ я своей роли—не выдержалъ—сознался... Никакъ не могъ поступить иначе... (*Хочетъ уходить и встрѣчаетъ Талю*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Князь и Талья.

Князь. Вотъ еще сюрприз! Вы тоже гуляете, Иванъ Оедоровичъ.

Талья. Да, я тоже гуляю. Знаете, размышляю...

Князь. А я къ себѣ въ постель... Знаете...

Талья. Походимъ еще немножко...

Князь. Пожалуй, только удивляюсь я вамъ. Когда вы спите?.. Ночью бродите и философскіе вопросы рѣшаете, а утромъ... встаете раньше всѣхъ... Удивительно!..

Талья. Ахъ, молодой человекъ, молодой человекъ!

Князь. Что это съ вами?.. Или опять Шопенгауеръ навелъ васъ на меланхолю?..

Талья. Не Шопенгауеръ, г. Сидоровъ... не Шопенгауеръ... нѣтъ. А вы... вы заставляете меня страдать.

Князь. Я?.. какими судьбами!

Талья. Зачѣмъ вы?.. Не стыдно вамъ!.. И нѣтъ у васъ совѣсти, г. Сидоровъ.

Князь. Увѣрю васъ, что моя совѣсть въ эту ночь гораздо покойнѣе, чѣмъ вчера, и всю эту недѣлю...

Талья. Я все видѣлъ, г. Сидоровъ. (*Утираетъ глаза платкомъ*).

Князь. Что же вы видѣли, милый мой Иванъ Оедоровичъ.

Талья. Видѣлъ-сь... Хорошо, что она убѣжала!—видѣлъ васъ, вотъ тутъ, на этой скамейкѣ... Знаю, что вы неравнодушны; но не грѣхъ-ли вамъ такъ смутить, такъ увлечь молодую, неопытную дѣвушку!.. Долго-ли погубить!? Ахъ, господинъ Сидоровъ!? Господинъ Сидоровъ!..

Князь. Я не губилъ... Я спасалъ ее, Иванъ Оедоровичъ!.. Я спасъ ее!..

Талья. Вы... вы... спасали?.. я въ десяти шагахъ отъ васъ—вопъ тамъ стоялъ, за этимъ деревомъ, и видѣлъ, въ какомъ она была горѣ... Что вы сдѣлали? Что вы съ ней сдѣлали, г. Сидоровъ?!

Князь. А то, что мнѣ подсказала моя совѣсть, то и сдѣлалъ.

Талья. Вы — нехорошій человекъ, Андрей Петровичъ... я не знаю, что

можете вы сказать мнѣ въ свое оправданье?

Князь. Такъ и быть... угѣшу васъ—скажу вамъ кое-что въ свое оправданіе... Какъ отцу родному признаюсь вамъ... Вообразите: князь желаетъ, чтобъ я за него просилъ у Наваро-выхъ руки вашей крестницы, и все, что я могъ сдѣлать—это уговорить ее покориться волѣ ея родителей, и выходить за князя; но я, вы знаете, я самъ неравнодушенъ къ вашей крестницѣ, самъ безнадежно люблю ее и никакъ не могу исполнить его порученія. Нѣтъ моихъ силъ на такой подвигъ. Выручите, Иванъ Оедоровичъ. Будьте сватомъ—замѣстите меня; скажите Александру Даниловичу, что князь настолько успѣлъ приглядѣться и оцѣнить достоинства Любови Александровны, что просить руки ея. Можете-ли вы это сдѣлать за меня, добрый Иванъ Оедоровичъ?

Талья. Это, знаете, вовсе не шутка—сдѣлать то, что вы просите!.. Чѣмъ же, собственно, вы могли уговорить ее.

Князь. А вы знаете, зачѣмъ она приходила? Она пришла сюда просить за бѣднаго брата,—я и не зналъ, что у нея есть братъ. Вы тоже мнѣ объ этомъ ни слова, Иванъ Оедоровичъ. Ну, я и сказалъ ей, что князь навдвухъ пошлетъ ему тысячу рублей. Она заплакала отъ радости, а я не утерпѣлъ, ну и сталъ ей руки цѣловать на прощанье. Вѣдь, я завтра уѣду, Иванъ Оедоровичъ... одинъ уѣду. Князь останется при васъ, при васъ, Иванъ Оедоровичъ.

Талья. О!.. какое стеченіе обстоятельствъ! Какое странное сплетеніе психологическихъ тонкостей. Такъ она изъ благодарности, за брата, рѣшается быть княгиней!.. Какъ это странно!.. Этого я не ожидалъ, Андрей Петровичъ, не ожидалъ!

Князь. И очень рады?

Талья. Я ничему впередъ не раду-

юсь, только отъ васъ я и знаю, что князь человекъ хорошій, что вы его очень любите, и что у него... у него только одинъ порокъ...

Князь. Какой порокъ?..

Таль. Любить актерствовать.

Князь. Да какой же это порокъ! Помилуйте! Ну, и такъ, завтра утромъ вы зайдете въ кабинетъ къ Александру Данилычу и такъ-таки прямо и скажете ему, что князь Шаловъ осмѣливается просить руки его дочери. Можетъ быть, эта новость его и порадуетъ.

Таль. О, непременно сообщу-сь. Не сомнѣвайтесь, великодушный молодой человекъ! Вы, ради счастья другихъ, жертвуете своей страстью! Не многіе на это способны. О, я теперь высоко цѣню васъ. (*Жметъ ему руку*).

Князь. Не говорите только, что встрѣтились со мной ночью въ этомъ сыромъ и заброшенномъ паркѣ. Слышите, какъ лягушки квакають, должно быть дождикъ будетъ...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тотъ же кабинетъ Наварова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Наваровъ въ халатѣ — то сидитъ у стола, то ходитъ по комнатѣ.

Наваровъ. Все одно къ одному. Вчера гости въ винтъ меня обыграли, а сегодня утромъ узнаю, что мой князекъ вернулся къ себѣ въ комнату, чуть не на разсвѣтѣ — одеть и впустилъ, и раздѣлъ, и узналъ, что онъ провожалъ мою племянницу... Значить, или всю ночь провелъ у ней, или гулялъ съ ней по лѣсу, да вмѣстѣ съ ней на луну глядѣлъ. И гдѣ онъ нашелъ ее? Вчера, и даже третьяго дня, она и не была у насъ. Ну, дѣвицы... Нечего сказать!.. Что-жъ!.. Такимъ-то только и везетъ! И если онъ женится, то... Да ни на комъ онъ, чортъ, не женится!.. Нечего тутъ и мнѣ себя обманывать,

Пропали все мои планы... все мои надежды — все пропало! Продадутъ съ молотка имѣнье, и что тогда скажетъ моя Мальвинуншка! Охъ, какъ тяжело! Какое отчаянье закрадывается мнѣ въ душу... Сколько напрасно потерянного времени! Сколько лишнихъ расходовъ! И для чего? Боже мой! Боже мой! — хоть плачь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Таль.

Наваровъ. Здравствуй, дружище! Заходилъ ночью князь къ своему приятелю, во флигель?

Таль. Нѣтъ, а мой сосѣдъ беспокоился, ждалъ его, даже въ садъ ходилъ, чтобъ какъ-нибудь съ нимъ видѣться, такъ и не видалъ... а я всю ночь не спалъ.

Наваровъ. Ну такъ! Почему же, когда князь возвращался домой, Сидоровъ не перехватилъ его на дорогѣ?

Таль. А не знаю я, почему! Сидоровъ у крыльца на тропинкѣ ждалъ его.

Наваровъ. Ну такъ! Значить, до утра проходилъ подъ окнами у моей дочери!..

Таль. Можетъ быть. (*Ходитъ, потирая руки, вздрагивая и волнуясь*).

Наваровъ. Ты, кумъ, какъ-будто что-то хочешь сказать мнѣ. Съ вытянутымъ лицомъ пришелъ.

Таль. Да ужъ не знаю, какъ и сказать.

Наваровъ. Да ужъ говори, кумъ — до рѣзываетъ.

Таль. Князь проситъ руки моей крестницы.

Наваровъ (*вскакивая*). Кого... крестницы!.. Моей дочери... хочешь ты сказать?!

Таль. Да, да... Любы, Любовь Александровны.

Наваровъ. Да что ты, помилуй!.. Не во снѣ-ли ты это видѣлъ? Можетъ-ли это быть?

Таль. Проситъ руки твоей дочери.

Наваровъ. Князь?

Таль. Князь!

Наваровъ. Самъ онъ далъ тебѣ такое порученіе...

Таль. Нѣтъ. Садись, кумъ, будь спокойнѣе... Тутъ надо быть какъ можно спокойнѣе. Такое дѣло, кумъ... Князь не самъ просилъ меня, а съ этой просьбой обратился къ своему другу Андрею Петровичу. Дескать, передай отцу мое искреннее желанье быть его зятемъ и узнай, какъ онъ на это дѣло посмотритъ. Ему легче будетъ тебѣ отказать, чѣмъ мнѣ.

Наваровъ. Ну?

Таль. А Сидоровъ не могъ взять на себя такое порученіе: это значило бы сдѣлаться сватомъ той самой дѣвушки, къ которой онъ, знаешь, самъ не совсѣмъ-таки равнодушенъ. Это и мнѣ, на его мѣстѣ, было бы тяжело... Понимаешь, какая тутъ психическая комбинація!

Наваровъ. Ну, понимаю!..

Таль. А Сидоровъ... это — это человекъ. Ты не справедливъ къ нему, кумъ. Ради счастья своего друга, онъ готовъ отказаться отъ своего личнаго благополучія... Понимаешь-ли ты, какъ это тяжело! Мы все утро объ этомъ проговорили съ нимъ.

Наваровъ. Ну, дальше, дальше.

Таль. Ну, вотъ, Сидоровъ и просилъ меня замѣстить его, и лично, сегодня же передать тебѣ, что князь проситъ руки твоей дочери...

Наваровъ. Ухъ! И слышу, и не вѣрю...

Таль. Князь же — сужу по словамъ его воистину примѣрнаго друга, — долго наблюдать, нарочно ухаживалъ за другою, хотѣлъ вполне узнать и изучить характеръ и качества твоей дочери — и, наконецъ... Конечъ очень обыкновенный: рѣшился просить у тебя руки моей крестницы.

Наваровъ (*вскакивая*). Кумъ! Ты меня огорочилъ!.. Ты... Дай мнѣ обнять

тебя. Ты воскресилъ меня... Значить! Ура! Наша взяла! на нашей улицѣ праздникъ.

Таль. Магнитъ! — говорилъ я тебѣ — магнитъ эта дѣвушка.

Наваровъ. Ахъ, чортъ возьми! Вотъ чего не ожидалъ! Господи, благодарю тебя! Даже не вѣрится, право... А ты радъ!

Таль. Эхъ, мнѣ-то тутъ чему радоваться! Вѣдь, уѣдетъ, и я больше ея не увижу. Канетъ, какъ въ воду. А мнѣ, на старости, только и было одно наслажденіе — любоваться на ея красоту и на расцвѣтъ ея молодости. Да, кумъ, мнѣ не весело и потому еще, что могу-ли я знать, будетъ-ли она счастлива... Не измѣнитесь-ли она къ худшему... особенно если...

Наваровъ. Если что?

Таль. Если ей нравится или больше по душѣ этотъ Сидоровъ.

Наваровъ. Ну, не уйдетъ отъ нея и Сидоровъ... Можетъ, послѣ и съ нимъ кокетничать, если только мужъ не будетъ слишкомъ ревновать ее. Кажется, князь и не изъ такихъ, чтобъ держать взаперти жену свою. Въ чувства человѣческія, особенно въ чувства барышень, я не вѣрю. Отъ ихъ измѣчивости никто не уйдетъ. Главное, обстановка и хорошія условія жизни — деньги, роскошь, свѣтъ, экипажи, лошади — это главное!

Таль. Отъ этого одного моя крестница не будетъ счастлива.

Наваровъ. Ну, толкуй! Такая же, какъ и всѣ, твоя крестница... Дай ей только поумнѣть — такая же! Не вдавайся въ твою философію, не напускай на себя меланхолю. (*Помолчавъ*). Будь другъ! Зайди въ комнату князя или постарайся его встрѣтить и какъ-нибудь, этакъ, дипломатично пригласи его ко мнѣ въ кабинетъ. «Пойдемте, дескать, поздороваться съ хозяиномъ». Ну, что ты думаешь! не слышишь?

Таль. Ты просишь, чтобъ князь пришелъ къ тебѣ. А?

Наваровъ. Прошу, очень прошу,—или онъ уйдетъ, и до обѣда я его не увижу.

ЯВЛЕНИЕ III.

Наваровъ одинъ.

Наваровъ. Каковъ поворотъ дѣла! Какова исторія! Нѣтъ, каковъ князь! Наблюдалъ издали, нарочно волочился за другой, прикидывался равнодушнымъ, и вдругъ. Ну, теперь, теперь нечего звать,—куй желѣзо, пока горячо. Этой истины никто не долженъ забывать. Куй, пока горячо. Все на свѣтѣ остываетъ, ничто на свѣтѣ не прочно,—лови моменты! Ахъ, что же это я? Уже 11 часовъ, а я еще не одѣтъ. (*Звонитъ*). Сажу въ халатъ.—Хорошъ я гусь!...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Входитъ Федотъ съ платьемъ.—Наваровъ встаетъ и начинаетъ переодеваться въ свой лѣтній костюмъ.

Наваровъ. Ну, что, Федотъ? Что нового!.. Встала Любовь Александровна? Федотъ. Давно уже изволили встать, сударь, съ Евгеніей Дмитриевной воробьевъ кормятъ.

Наваровъ. Опять съ Евгеніей Дмитриевной!

Федотъ. И, вѣдь, какіе смѣлые стали, такъ сами и лѣзутъ... Всякій страхъ потеряли...

Наваровъ. А ты былъ бы радъ, если бы наша барышня да вышла замужъ за князя. А!

Федотъ. Оченно это было бы хорошо, сударь, потому что хорошій баринъ, обходительный, дай ему Богъ здоровья.

Наваровъ. А много онъ давалъ тебѣ на водку?

Федотъ. Что-жъ, что давалъ. Нельзя же, сударь, не брать, такое наше положеніе...

Наваровъ. Ну да... Гм! (*Вслушивается въ шаги, садится у письменнаго стола*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Входитъ Сидоровъ, за нимъ Таль.
Наваровъ (*радостно*). А! Съ добрымъ утромъ, князь.

Сидоровъ. Здравствуйте, какъ ваше здоровье, Александръ Даниловичъ?

Наваровъ. Что мое здоровье? Такое же, какъ и всегда. А я очень радъ, что вы зашли ко мнѣ...

Сидоровъ. Не хотѣлъ васъ беспокоить, думалъ—заняты чѣмъ-нибудь.

Наваровъ. Какое безпокойство, какія занятія! Садитесь... Ну, какъ? Хорошо ли выспались?

Сидоровъ. Поздно вернулся; я хоть и не поэтъ, а все же поэтическая искорка у всѣхъ людей. Ни одинъ, не только пастухъ, я думаю, ни одинъ лакей не обходится безъ нѣкоторой дозы этой самой поэзіи; такъ и я. Ночь была лунная, тихая такая—свѣжая... Ну, что прикажете дѣлать, никакъ не могъ рѣшиться разстаться съ вашимъ паркомъ, съ вашимъ полемъ и до утра верстѣ-семь проколесилъ, ей Богу! Нынче всталъ около 10 часовъ и напился кофе. Какой у васъ кофе чудесный, просто, какой-то живительный! И какія сливки! Такіхъ сливокъ въ Петербургѣ не найдешь ни за какіе пряники.

Наваровъ. А съ Сидоровымъ не выдались? Вотъ Таль сказалъ мнѣ, что онъ всю ночь васъ поджидалъ къ себѣ.

Сидоровъ. Поджидалъ... Зачѣмъ же? Не зналъ я...

Наваровъ. Милѣйшій князь. Все это въ сущности пустяки. Я не хочу разыгрывать роль человѣка, который показываетъ видъ, будто бы онъ ничего и не знаетъ. Знаете-ли вы, князь, что Сидоровъ, вашъ вѣрный другъ, отказался отъ вашего порученія, и передалъ его вотъ ему, моему куму и старому другу.

Сидоровъ. Какое порученіе?
Наваровъ. Порученіе... Гм!.. Какъ будто вы сами не догадываетесь? Пожа-

луйста, не конфузьтесь. Порученіе—просить руки моей дочери.

Сидоровъ. Я!? Помилуйте, Александръ Даниловичъ, могъ-ли я...

Наваровъ. Грѣхъ вамъ... не простибельный грѣхъ относится къ намъ съ такимъ недоверіемъ, церемониться...

Сидоровъ. Я? Церемониться!.. Изъ чего же вы это заключаете?

Наваровъ. Да помилуйте!.. Зачѣмъ вамъ посредники? Развѣ вы не могли бы сами по-просту придти и сказать, что... вы... милѣйшій князь, дѣлаете намъ честь, просите руки нашей дочери.

Сидоровъ. Я... прошу руки!

Наваровъ. Такихъ шутокъ, сами согласитесь, быть не можетъ... Если вашъ Сидоровъ все это на васъ напелелъ... то мнѣ одно остается, — пристрѣлить его, какъ собаку.

Сидоровъ (*подумавши*). Гм!.. ну, положимъ, Сидоровъ, по своему легкомыслию, и сообщилъ вамъ черезъ Ивана Федоровича мое намѣреніе, такъ сказать, мою мысль, мое желаніе. Что-жъ изъ этого? Тутъ еще нѣтъ ничего официального...

Наваровъ. Къ чорту всякія официальности... всякія посредничества!.. Всякія сомнѣнія... и недоразумѣнія!.. Вы сами сейчасъ сознались въ своемъ намѣреніи, но неужели вы, не шутя, могли подумать, что я откажу вамъ.

Сидоровъ. Не вы... Александръ Даниловичъ... не вы; сама дочь ваша не пожелаетъ... дать мнѣ свое согласіе...

Наваровъ. А вы думаете, что она не будетъ рада!? (*Вытираетъ платкомъ потъ, выступившій на лбу*).

Сидоровъ. Я вовсе не хочу ея, такъ сказать, вынужденнаго согласія.

Наваровъ. Вы думаете, что мы одни изъ тѣхъ, которые насильно отдаютъ замужъ дочерей своихъ? Помилуйте, князь! Давно ужъ прошли эти времена.

Сидоровъ. Все это такъ, знаю, что

времена прошли, но, почему вы знаете, можетъ быть, она... любить другого.

Наваровъ. А кого ей любить! И будто мы не знаемъ сердца нашей дочери? Да и не такого она воспитанія, чтобъ любить безъ позволенія своихъ родителей... Не такъ воспитана... Быть доброй и честной женой, быть послушной мужу, такъ же, какъ она была послушна своей матери, вотъ чему мы учили.

Сидоровъ. И все-таки... почтеннѣйшій Александръ Даниловичъ. Я не увѣренъ, чтобъ она согласилась.

Наваровъ. А вотъ увидите... Посмотримъ, какъ она не дастъ вамъ своего согласія! (*Таль*) Голубчикъ, Иванъ Федоровичъ... Позови ко мнѣ дочь, она, кажется, на крыльцѣ, воробьевъ кормить... Этакій еще ребенокъ!.. Да пожалуйста... кумъ... того... не предупреди. Знаю, что это ее изумитъ и, можетъ быть, даже напугаетъ. Это ужъ обыкновенно-съ: дѣвушки всегда блѣднѣютъ при такихъ казусахъ, и это я понимаю.

Таль (*смущенный*). Значитъ, я... я же долженъ и позвать ее?

Наваровъ. Да, пожалуйста... Главное, не предупреди. (*Таль уходитъ*).

Сидоровъ. Вотъ вы сами, значитъ, боитесь предупредить ее, чего добраго, не придетъ... Не придетъ, спрячется... убѣжитъ. Вѣдь, и это бываетъ, не правда-ли?

Наваровъ. Я только не хочу раньше времени взволновать ее или обрадовать... Какъ бы мысленно, про себя ни радовалась молодая дѣвушка, всякое такое предложеніе, даже милое ей человѣка, не можетъ ее не испугать, такъ какъ тутъ ставится на карту вся ея жизнь... Это нисколько не должно васъ смущать... Это естественно. Не думайте только, что мы, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, будемъ насиловать волю нашей единственной

дочери... Наше дѣло совѣтовать... и только совѣтовать.

явление VI.

Тѣ же и Люба—Таль, а потомъ Мальвина Карловна.

Люба (*вселею*). Ты меня звалъ, папа!.. Здравствуй, мы еще съ тобой не здоровались... А, и вы здѣсь? Илья... Аркадьевичъ? Здравствуйте! (*Подаетъ ему руку*).

Наваровъ (*нервничательно*). Я послалъ за тобой, потому что... хоть мнѣ и жалко будетъ съ тобой разстаться; но, что дѣлать! Такъ угодно Богу... Князь проситъ руки твоей.

Люба (*хохочетъ*). Какой князь? папа!..

Наваровъ (*глухо*). Могу понять твою радость; но смѣха твоего не понимаю... Или это для тебя уже не новость... и вы съ княземъ давно уже сговорились и все порѣшили... Тебѣ смѣшно, что я, твой отецъ, только теперь узнаю... Хе-хе! Ну, въ такомъ случаѣ, нечего перемониться. Дайте другъ другу руки, и дѣло съ концомъ. Вотъ и мать твоя. Видно, сердце матери не могло не почувствовать, что здѣсь, въ этихъ четырехъ стѣнахъ, совершается, такъ сказать, судьба ея дочери... Мальвина, другъ мой, радуйся: князь насъ удивилъ, удостоиваетъ насъ чести, сватается за нашу дочь, и уже получилъ ее согласіе...

Люба. Я не давала своего согласія.

Сидоровъ. Ну, вотъ видите!..

Наваровъ. Если еще не успѣла дать, то никто тебѣ не мѣшаетъ...

Люба (*спокойно*). Не могу, папа, я дала уже слово другому.

Наваровъ (*блѣднѣетъ отъ гнѣва*). Какъ! Ты? Чортъ! Ты? Кому это ты дала свое слово?... Какому это висѣльнику смѣла ты дать свое слово?! Кому? Да я убью тебя, негодная дочь!.. Или ты хочешь уморить меня!..

Сидоровъ. Тихе, тихе, Александръ Даниловичъ. Ради Бога успокойтесь

Правда всего дороже, и я несколько не въ претензіи...

Наваровъ. Такъ мнѣ, мнѣ позвольте быть въ претензіи. Пусть, тутъ же, при васъ, скажетъ намъ, кому она дала свое слово... Ну, что молчишь, отвѣчай!

Люба. Тому, папа, кого я люблю.

Мальв. Карл. Ужъ не этому-ли Сидорову, который у меня вчера спрашивалъ, можетъ-ли онъ надѣяться... даже смѣлъ просить руки твоей!

Наваровъ. Я съ ума сойду... Мать! Ради Бога, уведи ее. Я собой не владѣю... уведи ее... (*Мальвина Карловна, уходя, толкаетъ въ спину дочь свою. Таль уходитъ за ними*).

явление VII.

Наваровъ и Сидоровъ.

Наваровъ. Сидоровъ! Сидоровъ! И онъ смѣлъ надѣяться—смѣлъ съ такими помыслами глядѣть въ лицо моей дочери?... Даже говорить объ этомъ съ женой моей! А!.. Негодяй!..

Сидоровъ. Да какой же онъ негодяй... Помилуйте! Чѣмъ онъ виноватъ, что онъ влюбленъ въ вашу дочь, и какъ я слышу, еще раньше меня просилъ руки ея... Въ чемъ же тутъ преступленіе. Я не отчаиваюсь. Не приходите и вы въ такое отчаяніе...

Наваровъ. Вы и не должны отчаиваться. А Сидоровъ—Сидоровъ сію же минуту... долженъ покинуть мой домъ. Это какъ вамъ угодно!.. Иначе я не могу...

(*Звонитъ; входитъ Одетъ*).

Закладывать тройкой нашу колясочку... съ верхомъ... И дать мнѣ знать, когда будетъ заложена, поторопи кучера... маршъ—ступай!..

(*Одетъ уходитъ*).

Его не будетъ... и... никто не станетъ смущать молодой, еще неопытной дѣвушки. Вы сами, князь, будете рады, что вышли изъ-подъ его опеки... Онъ... сами видите, не стоитъ вашего довѣрія. Не для него ваша тетусь-

ка хлопотала о томъ, чтобъ заранѣе расположить къ вамъ дочь мою, и не для него—не для какого-то неизвѣстнаго намъ Сидорова, мы вырастили и воспитали дочь свою. Повѣрьте... Она тотчасъ же пойметъ, что съ ней не шутятъ... опомнится, и вотъ вы увидите... Я сейчасъ пойду, и безъ всякой злости, по-отечески поговорю съ ней. (*Уходитъ*).

явление VIII.

Сидоровъ одинъ.

Сидоровъ. Ничего изъ этого не будетъ. И все это не столько забавно, сколько противно... Кажется, мы оба—и князь, и я, по уму и по образованію, другъ друга стоимъ... А перемѣнились именами, и тотчасъ же онъ превратился въ негодяя, а я... я въ милѣйшаго, честнѣйшаго и благороднѣйшаго... Чортъ знаетъ, что такое!.. Насильно навязываетъ мнѣ дочь свою... Тьфу! Князь, конечно, можетъ быть, и поневолѣ поставилъ меня въ такое нелѣпное положеніе. Оттого, должно быть, и ждалъ меня всю ночь, чтобъ предупредить меня. Ну, его увезутъ въ барской коляскѣ, да и мнѣ сегодня же придется уѣхать съ Кузьмой. Скажу ему, что надо ѣхать и посоветоваться съ тетуськой. А признайся я, что я не князь, чего добраго, въ такой придетъ ражъ, что бросится бить меня...

явление IX.

Князь, карабкаясь изъ сада въ окно, сперва высовываетъ голову, потомъ, видя, что никого нѣтъ въ комнатѣ, оглядывается и упирается руками въ подоконникъ.

Князь. Андрей!..

Сидоровъ. Тьфу! Какъ ты испугалъ меня. Что тебѣ?

Князь. Соглашайся на все, только какъ можно скорѣй передай эту записку Любѣ. Гдѣ ты пропадаешь всю ночь?..

Сидоровъ. А ты, ты что затѣваешь? Смотри, смотри, братъ.

Князь. А вотъ, ты увидишь, чѣмъ все это кончится... Меня выкуриваютъ... прощай!.. Ахъ, да! При тебѣ мой бумажникъ?

Сидоровъ. При мнѣ.

Князь. Отдай мнѣ пока. Нужны тебѣ деньги?

Сидоровъ. Нѣтъ. Своихъ еще не истратилъ, а твои раздавалъ, ad libitum, не считая.

Князь. Сколько же осталось?

Сидоровъ. Да еще не мало... около четырехъ съ чѣмъ-то тысячъ.

Князь. Ну, и отлично!

Сидоровъ. Идутъ.

Князь. Прощай! (*Схватываетъ бумажникъ и спрививаетъ въ садъ*).

явление X.

Входитъ Люба.

Люба. Ну, я дала свое согласіе... Что же дѣлать!.. Не могу же я такъ огорчать своего отца и мать... Дала свое согласіе.

Сидоровъ. Гм! Одному дали слово... и другому свое согласіе.

Люба. Да—быть женой милаго князя. Развѣ это не великое благополучіе?

Сидоровъ. Вотъ, тутъ и вѣр въ правоту и искренность женскаго сердца!.. И вы не шутите?

Люба. Нисколько не шучу.

Сидоровъ. А мой несчастный другъ? Вѣдь, сознайтесь, что вчера въ паркѣ вы дали ему свое слово?

Люба. Совѣмъ не въ паркѣ, а если хотите знать,—такъ я ночью увидела его на тропинкѣ и подозвала его къ моему окну. Мы поговорили кой о чемъ—и я дала ему слово.

Сидоровъ. И послѣ этого хотите быть моей женой?

Люба. Вовсе я этого не хочу;—съ чего вы это взяли?

Сидоровъ. Да, вѣдь, вы же дали мнѣ свое согласіе?

Люба. Отчего же мнѣ и не дать его, зная навѣрное, что вы на мнѣ не женитесь.

Сидоровъ. А если?

Люба. Что, если?

Сидоровъ. Повезутъ насъ съ вами въ церковь, да и повѣчаютъ.

Люба (*смѣется*). Ну, что же дѣлать!.. Значитъ, судьба.

Сидоровъ. Ахъ да, онъ просилъ вамъ передать эту записку; и какъ можно скорѣй!..

Люба. Давайте, давайте!.. Не запечатано. Вы не читали?

Сидоровъ. Не успѣлъ. Онъ мнѣ эту бумаженку сейчасъ въ окошко передалъ.

Люба (*садится въ сторону, читаетъ записку — сидитъ нѣсколько минутъ въ раздумьи — потомъ, вдругъ, встаетъ*). Ну, скажите моему папашѣ, что я согласна... выйти замужъ за милого князя. Такъ и скажите. Прощайте. (*Убѣгаетъ*).

явление XI.

Сидоровъ одинъ на диванѣ.

Сидоровъ. Не разъ приходилось мнѣ играть на домашнихъ спектакляхъ, а такой дурацкой роли еще ни разу играть не приходилось. Ему хорошо... Поѣдетъ къ тетушкѣ, напишетъ... или пришлетъ ее свахой—и дѣло въ шляпѣ. А меня—по шанкѣ! Да еще, чего добраго... вздумаютъ судомъ грозить, какъ я смѣлъ чужое имя себѣ присвоить... княземъ называться! Ну, это дудки! Это еще мы будемъ поглядывать...

явление XII.

Наваровъ и Сидоровъ.

Наваровъ. Ну, теперь, князь, вы убѣдились, поняли, что моя дочь на себя нагала, выдумала цѣлый романъ, чтобъ только испытать васъ. Сама покаялась, что на себя наклеветала. Вы ее видѣли?

Сидоровъ. Видѣлъ.

Наваровъ. Самолчно выслушали ея согласіе?

Сидоровъ. Да, она согласилась.

Наваровъ. А я сейчасъ носъ съ по-

сомъ встрѣтился съ вашимъ другомъ, и, представьте, совершенно успокоенный дочерью, встрѣтился съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Узнаю отъ него, къ немалому моему удовольствію, что онъ самъ собрался уѣзжать на своей ямщицкой тройкѣ, въ томъ самомъ тарантасикѣ, въ которомъ вы пріѣхали, и который такъ васъ растрясъ. Но я... я сказалъ ему: послушайте, будьте благоразумны. Можете ли вы, по совѣсти, оставаться въ нашей семьѣ или нѣтъ? Вы, по несчастью, влюбились въ мою дочь, Люба только что дала свое согласіе выйти замужъ за князя... Ну, можетъ ли это быть для васъ приятно... И ловко-ли вамъ оставаться послѣ всего того, что вы наговорили моей женѣ. Онъ совершенно со мной согласился. Былъ очень смущенъ, благодарилъ меня за хлѣбъ, за соль. Ну... я... тотчасъ же и говорю ему: любезнѣйшій, чѣмъ вамъ цѣлые два часа трястись на ямскихъ, не лучше-ли вамъ сѣсть въ мой экипажъ, и въ одинъ часъ до станціи доѣхать на моихъ лошадахъ. Если вы не будете мѣшкать, то пріѣдете какъ разъ къ отходу поѣзда. А я, чтобъ не было никакихъ прощальныхъ сценъ, прикажу кучеру моему Лукѣ подѣхать къ вашему флигелю со стороны дороги, такъ, чтобъ вы всѣ ваши вещи могли бы тамъ уложить, не переноса ихъ въ домъ, и уѣхать. Онъ очень меня благодарилъ—и, разумѣется, согласился. На этомъ мы и разстались. Словомъ, онъ самъ видитъ, что оставаться ему съ нами нѣтъ никакой возможности. Мало того, онъ и у тетушки вашей хочетъ пробыть только до завтра, уведомить ее о вашей помолвкѣ, и завтра же отправиться въ Питеръ. Тамъ у него и дѣло есть какое-то. Видите-ли, какъ все это мирно и тихо кончилось. Да что вы, точно васъ холодной водой окатили?.. Будьте повеселѣе.

Сидоровъ. Я весель, даже веселѣе, чѣмъ слѣдуетъ, только, какъ вы хотите, чтобъ я не былъ озадаченъ всѣмъ, что произошло. Не могу же я не думать...

Наваровъ. Ахъ, какая это дурная привычка—думать! Этакъ можно продумать всю свою жизнь. Вѣдь, пишутъ же не даромъ теперешніе умники, что гений—это безуміе; что все, что сдѣлано на землѣ великаго, сдѣлано сумасшедшими.

Сидоровъ. Что же это за великое дѣло—жениться! На это всякій дуракъ способенъ.

Наваровъ. А если, по-вашему, это... это вовсе не такое дѣло великое, то стоитъ-ли объ этомъ много думать.

Сидоровъ. Да я не объ этомъ... Мнѣ все кажется, что вы вынудили, вымучили у вашей дочери ея согласіе.

Наваровъ. Ахъ, вы свое!.. Какъ вамъ не грѣхъ! Я, конечно, ее уговаривалъ, я, даже признаюсь вамъ, негодовалъ, стыдилъ ее, и вдругъ-съ, вижу, глаза повеселѣли, на личикѣ показался румянецъ, и упрямства какъ не бывало—слѣду нѣтъ даже, съ нѣжностью обняла меня и поцѣловала. Тотчасъ же созналась, что ей хотѣлось васъ испытать, испытать васъ хотѣлось. Ну, утѣшилъ я васъ?.. Ахъ вы мой милый!.. Такихъ женъ, какъ моя дочь, вы теперь нигдѣ не найдете... Смѣло можете ей вѣрить—не обманетъ... Чѣмъ хотите поклянусь вамъ, даже ревновать ее вамъ не придется.

Сидоровъ. Что не придется мнѣ ее ревновать, это я и самъ знаю. Только, Александръ Данилычъ, нельзя-ли хоть до завтра не разглашать вамъ объ этой помолвкѣ, особливо между сосѣдями.

Наваровъ. Ну, отъ дома, отъ своихъ этого не скроешь. За обѣдомъ, по-семейному, мы поздравимъ жениха и невѣсту, чокнемся, выпьемъ за ваше

здоровье, поцѣловаться заставимъ васъ, и, я полагаю, до завтра никто еще изъ постороннихъ не узнаетъ объ этомъ событіи. (*Слышенъ стукъ пропѣвающей экипажа. Наваровъ всталъ и говоритъ, кланяясь въ окно*): Скатертью вамъ дорога, ваше благородіе! Дай вамъ Богъ всяческаго благополучія!..

Сидоровъ. Кому вы это?

Наваровъ. Развѣ не слышали—уѣхалъ... Я же стукъ моего экипажа, въ особенности, бубенчики, такъ хорошо знаю, что никогда не ошибусь.

Сидоровъ. А что, если онъ не къ тетушкѣ, а въ Москву уедетъ?

Наваровъ. А куда хочетъ. Мнѣ теперь, признаюсь вамъ, до него никакого дѣла нѣтъ—хоть на луну! Ну, милый мой князь, вижу, что и вы успокоились. Дайте же мнѣ отъ души поцѣловать васъ. Пойду узнать насчетъ завтрака и проч., и проч. (*Выходя, на порогъ встрѣчаетъ Ахарову*). Вы куда?

Еня. Поздравить князя.

Наваровъ. Ну, поздравьте, если это вамъ такъ хочется. (*Уходитъ*).

явление XIII.

Сидоровъ и Ахарова, потомъ Плодомазовъ.

Еня. Не вставайте, сидите, сидите!.. Я не беспокою васъ. Диванъ такой мягкій, день такой свѣтлый, а женихъ такой пасмурный. (*Жметъ ему руку и садится на диванъ рядомъ съ Сидоровымъ, слегка прижимаясь къ нему плечомъ*). Ну, поздравляю... Какъ это вы рѣшились?

Сидоровъ. Судьба!

Еня. Женитесь на дѣвушкѣ, которая явно не любитъ васъ.

Сидоровъ. Должно быть, по моей безхарактерности, женюсь, просто отъ того, что ее выдаютъ за меня ея родители, думаютъ, что я богатъ, а у меня почти что никакого состоянія... Я бѣднѣе васъ... Ей-Богу!

Еня. Не божитесь!.. Закурите вашу

папироску, вот я вам сейчас зажгу спичку, и не лгите на себя. Будь вы бѣдѣнъ, вы бы давно сказали это не только моему дядѣ, но и отъ меня бы не скрыли. Ну-съ, отчего же вы вдругъ, ни съ того, ни съ сего, такъ обѣдѣли?

Сидоровъ. Я?... Отчего обѣдѣлъ?... Да очень просто—заплатилъ долги отца... чортову пропасть. Да, оставшись съ 18-ти лѣтъ безъ всякаго руководства, прожилъ все, что имѣлъ, протранжирилъ.

Еня. А сколько же вы протранжирили?

Сидоровъ. Милліонъ.

Еня (*холочетъ*). А можно мнѣ за это васъ за уши выдрать!

Сидоровъ. Можете.

Еня. Жаль... Обнищали, милліонъ протранжирили, да еще, любя другую, берете за себя жену, которая непременно, рано или поздно, возненавидитъ васъ.

Сидоровъ (*одушевляясь*). Что вы сказали?... «Любя другую»?.. Кого же это я люблю, по-вашему, позвольте мнѣ это узнать, милостивая государыня?

Еня. Да, милостивый государь — я не вру: любите другую. Хотя и немножко, хоть чуть-чуть, — а все-таки гораздо больше, чѣмъ мою кузину. — О! гораздо больше!

Сидоровъ. Да кого же?

Еня. Да хоть ту самую, которую вы, вчера ночью, проводили за три версты до самой ея усадьбы.

Сидоровъ. И которая не пустила меня въ свой домъ — и не дала мнѣ отдохнуть.

Еня. И была даже нѣсколько огорчена тѣмъ, что вы, какъ видно — нисколько не заботитесь объ ея репутаціи. Какая же дѣвушка — живя одна, выпустить къ себѣ молодого человѣка въ глухую ночь, безъ риска быть оклеветанной, какъ бы ни была она честна, чиста и невинна.

Сидоровъ. И эта чистая душа оставила меня на жертву ея собакъ, которые погнались за мной по полю и чуть было меня не съѣли.

Еня. И все-таки собаки далеко не такъ злы, какъ люди, которымъ бы вы отдали ее на съѣденіе. Сегодня же черезъ людей по всему сосѣдству разнеслась бы молва, что такая-то кокетка приняла васъ къ себѣ въ домъ въ 3 часа пополудни.

Сидоровъ. И этимъ бы избавили меня отъ такого свата своей дочери, какимъ оказался сегодня этотъ папенька, Александръ Данилычъ. Онъ бы понималъ, что меня тянетъ совѣмъ-совѣмъ въ другую сторону, — совѣмъ не туда, куда ему хочется. — Это бы и для него было очевидно, если-бы я до утра отдохнулъ на вашемъ балконѣ, а утромъ вмѣстѣ съ вами напился бы кофе.

Еня. А потомъ вы — бы уѣхали, а я бы потеряла единственный домъ по сосѣдству, гдѣ у меня есть еще единственная въ мірѣ приятельница — Люба.

Сидоровъ. И не уѣхалъ бы — особливо, если бы вы сдѣлали меня вашимъ огородникомъ. Чѣмъ это хуже, чѣмъ быть помощникомъ присяжнаго повѣреннаго!

Еня. И это былъ бы единственный богатый князь, который бы пошелъ въ огородники.

Сидоровъ. То-то же и есть, что... не богатый... О! Если бы я былъ богатымъ! — непременно бы женился.

Еня. На комъ?

Сидоровъ. Да на той, которая — чуть было меня не затравила собаками.

Еня. Гм!.. Ну, дожидайтесь наслѣдства — тогда разбогатеете.

Сидоровъ. Какого наслѣдства?

Еня. Отъ своей сятельной тетуски...

Сидоровъ (*свиститъ*). Фью-фью!

Еня. Что вы свистите?

Сидоровъ. Нѣтъ у меня никакой, — а уже въ особенности сятельной тетуски.

Еня. Никакой! Ахъ, вы мой сердечный, сердечный!..

Сидоровъ. (*Молчаніе*). Знаете, что я думаю?

Еня. Что?

Сидоровъ. А то, что вы надо мной смѣетесь. Знаете нашъ секретъ — нашу проклятую игру, и оцѣниваете ее по достоинству — платите мнѣ точно такой же игрой.

Еня (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Игра? Секретъ? Что вы это... Какой секретъ!.. У васъ отъ меня секреты! Ничего не знаю.

Сидоровъ. А не знаете, такъ сейчасъ узнаете; только дайте мнѣ честное слово не выдавать меня.

Еня. Честное слово даю.

Сидоровъ. Гм!.. какъ бы это вамъ сказать!.. Князь это не я — а тотъ, который уѣхалъ, — а Сидоровъ, это я — я, вашъ покорѣннѣйшій слуга... не князь, а Сидоровъ. Поняли, какую мы на дорогѣ, ѣхавши сюда, игру придумали... Именами помѣнялись. Что? Озадачены! Эхъ! Нарушилъ я свое слово... проболтался вамъ... Да развѣ можно лгать, когда любишь.

Еня. Гм! Какъ это глупо и какъ это хорошо!

Сидоровъ. И вы не браните меня, не гоните меня, не презираете?!

Еня (*помолчавъ, порывисто обнимаетъ его одной рукой, и цѣлуетъ его три раза въ щеку*). Вотъ, какъ я васъ браню, вотъ какъ я васъ презираю. (*Отворяется дверь гостиной, и вдругъ является Плодомазовъ; останавливается посреди кабинета и, скрестивъ à la Napoléon руки на груди, безмолвствуетъ*).

Еня. Вы точно командоръ изъ оперы «Донъ-Жуанъ»... Самое лучшее, если вы возьмете со стола въ ящикѣ сигару, закурите ее и изъ истукана превратитесь въ обыкновеннаго смертнаго.

Плодомазовъ. Хорошъ вашъ совѣтъ —

закурить сигару! Ну... я буду курить... а вы... вы — цѣловаться!

Еня. Всякому свое — или кому что нравится. — Вы будете курить, — а я буду цѣловать моего кузена. — Развѣ вы не знаете, что мы почти родня: князь женится на моей кузинѣ.

Плодомазовъ. Никогда этого не будетъ — никогда Любовь Александровна за него не выйдетъ замужъ. — Я разстрою... я, я докажу ей... О, меня не проведете! Я далеко иду и далеко слышу.

Еня. Слышите, стоя у двери! этакъ-то и я слышу. А если вы далеко видите — такъ дальнозорки, то зачѣмъ вы не ограничиваетесь вашей дальнозоркостью, а вотъ уже второй день ходите по моимъ пятамъ... Куда я... туда и вы...

Плодомазовъ. Я уже сказалъ вамъ зачѣмъ: оберегаю васъ отъ всякаго сорта современныхъ Донъ-Жуановъ, отъ наглецовъ, отъ людей пресыщенныхъ своимъ золотомъ, отъ этихъ истощенныхъ сердецъ, которые на то только и годятся, чтобъ заражать міръ своей гнилью и своими язвами...

Сидоровъ. Я не сержусь на васъ, потому что я не Донъ-Жуанъ, не наглецъ, и не пресыщенъ золотомъ.

Плодомазовъ. Вы хуже — вы, какъ я слышалъ сейчасъ отъ Мальвины Карловны, жонки ея дочери — и доводите другую молодую дѣвушку до того, что она, какъ безумная, цѣлуетъ васъ. — Это по-вашему нравственно? Есть въ этомъ какой-нибудь смыслъ! Какъ вы думаете, ваше сятельство?!

Еня. Я пришла поздравить его, какъ друга и какъ своего будущаго роднаго, какъ будущаго мужа особы мнѣ дорогой и милой, а не говорить ему дерзостей. Онъ довелъ меня до того, что я его поцѣловала, а вы? Вы, въ продолженіе цѣлаго года не довели меня до того, чтобъ я пожалала вамъ руку крѣпче, чѣмъ слѣдуетъ. Я думала —

долго думала, что вы человекъ съ сердцемъ, что ваша страсть настоящая—а не фантастическая, не выдуманная или сочиненная вами для того, чтобъ наполнить ею вашу пустоту и до небесъ поднять ваше самолюбіе. Не понимала я вашихъ удивительныхъ стиховъ; но я не настолько глупа, чтобъ не понять, съ кѣмъ я имѣю дѣло, кто этотъ баринъ, который требуетъ какихъ-то вулканическихъ страстей, какаго-то поэтическаго экстаза, и думаетъ, что своими витѣватыми фразами можетъ меня покорить,—покорить совѣмъ не для того, чтобъ жениться и навсегда проститься со своими излюбленными фразами, а для того, чтобъ уѣхать въ Парижъ.—Развѣ вы не говорили мнѣ, что собираетесь въ Парижъ—испытать какія-то вѣдьмовыя страсти и настроенія... Ну... а я не такъ настроена, чтобъ вы могли играть на душѣ моей.

явление xiv.

Тѣ же, Мальвина Карловна.

Мальв. Карл. Еня... что ты такъ горячишься? Не видала-ли ты, куда ушла Люба—никакъ не могу найти ее.

Плодомазовъ. Въмѣсто того, чтобъ наблюдать вамъ за вашей дочерью, было бы гораздо лучше, если бы вы наблюдали за вашей племянницей. *(Уходитъ)*.

Мальв. Карл. Что это значитъ?

Еня. Спросите его.

Мальв. Карл. Ты давно здѣсь?

Еня. Пришла поздравить князя съ невѣстой и отъ души его поцѣловала.

Мальв. Карл. И тебѣ не стыдно?.. И ты не краснѣешь?

Еня. Вы, тетя, скоро сами поймете, что краснѣть мнѣ нечего.

Мальв. Карл. Что это она говорить, князь?

Сидоровъ. Знаю только, что говорить правду.—Вотъ все, что могу сказать.

Мальв. Карл. А что скажетъ, что подумаетъ та, которая согласилась сегодня быть вашей — на всю свою жизнь.

Сидоровъ. Что она скажетъ!.. Спросите ее... Конечно, она такъ умна и благородна, что не заподозритъ во мнѣ или въ Евгеніи Дмитриевичѣ ни грязныхъ побужденій, ни дурныхъ наміреній. Всякіе бываютъ поцѣлуи, и честные и безчестные, и корыстные и безкорыстные, и искренніе и *продажные*.

явление xv.

Тѣ же и Таль.

Мальв. Карл. Иванъ Федоровичъ, не видѣли-ли вы вашей крестницы. Куда могла уйти она?!

Таль. Какъ! Что? Моя крестница? Нѣтъ, я не видалъ ее. — Сидорова я видѣлъ — а ее не видалъ. Онъ шелъ изъ конюшни — гдѣ закладывали лошадей, гдѣ, знаете, ужь успѣли ему насплетничать. — Кучеръ Лука уже успѣлъ ему пожаловаться, что онъ давно не получаетъ жалованья, — и что не будетъ ли нашъ князь такъ добръ, что дастъ ему денегъ.

Сидоровъ. Я, съ большимъ удовольствіемъ—но не раньше, чѣмъ приѣду въ Березовку...

Мальв. Карл. Спасибо, князь! — Вы очень добры; но съ чего вы взяли, что я васъ буду просить платить домашніе долги мои. — Я не виновата. Зачѣмъ онъ не приходилъ за своимъ жалованьемъ во-время.—Вотъ, только вернись онъ... Мы и минуты не будемъ держать такого кучера, который смѣетъ насъ такъ порочить. Мы ему не заплатили! Ахъ, онъ негодный человекъ, пьяница! *(Уходя)* Еня, мнѣ надо кой-о-чемъ переговорить съ тобой. *(Уходитъ, за ней Еня)*.

явление xvi.

Сидоровъ и Таль.

Таль. Какъ это я такъ глупо, такъ неосторожно, — неделикатно такъ, передалъ слова Сидорова.—Ахъ, какъ это мнѣ неприятно!.. И знаете, отчего это... это отъ того, что я все время думалъ о моей крестницѣ... А,

что если она бросилась въ рѣку или что-нибудь этакое...

Сидоровъ. Вы себя пугаете, и меня напрасно пугаете.—Вы лучше знаете, что съ Любовью Александровной никогда ничего подобнаго произойти не можетъ. Сами же вы называли ее... уравновѣшенной. Ну, развѣ могутъ уравновѣшенныя, настолько же умныя, насколько и чувствующія, рѣшиться на самоуничтоженіе...

Таль. Ахъ, Илья Аркадьевичъ... Въ наше время такъ легко, знаете, такъ легко нарушить это равновѣсіе. Вотъ и вы... человекъ нормальный, а... понимаете ли вы, какую вы берете на себя отвѣтственность?

Сидоровъ. Эта-то отвѣтственность и пугаетъ меня, дорогой Иванъ Федоровичъ... Шутка сказать — жениться! Какая нужна симпатія между мужемъ и женой, чтобъ эти узлы не обрывались! Какое нужно взаимное пониманіе, или проникновенье въ чужую душу, чтобъ избѣгать недоразумѣній, этихъ подводныхъ камней супружескаго благополучія.

Таль. Ахъ! Какъ мнѣ нравится то, что вы говорите... Что-жъ, если Люба,—это милое дитя мое (я на рукахъ еще носилъ ее...),—если Люба не согласилась быть вашей женой, то, значитъ, не все еще ею звѣшено, не все обдумано... Только не спѣшите свадьбой, отложите ее, ну, хоть на 4 мѣсяца.

явление xvii.

Тѣ же и Наваровъ.

Наваровъ. Не чувствуете-ли вы, князь, что уже наступаетъ адмиральскій часъ—когда не худо бы и водочки выпить. Ну, что кумъ? Въ какомъ расположеніи духа засталъ ты моего милаго, родного мнѣ князя?

Таль. Очень въ хорошемъ расположеніи и очень я доволенъ всѣмъ тѣмъ, что услыхалъ отъ его сятельства.

Сидоровъ. Вашъ кумъ умный — сочувствуетъ мнѣ не торопиться свадьбой.

Таль. Да... я бы князю спѣшить не совѣтовалъ.

Наваровъ. Ха-ха-ха!.. Не спѣшить! Хорошо это говорить тебѣ, старому, въ дѣлахъ любви уже никуда не годному. А каково это молодому, такъ сказать, жаждущему вкусить плодъ законной любви,—овладѣть тѣми красотами, которыя сдаются ему, какъ крѣпость — побѣдителю... Кровь-то у него не наша—бурлить не по-нашему. Что бы сказала весна, если бы какой-нибудь воронъ этакій прокаркалъ бы ей: «не спѣши, подожди, голубушка, не расцвѣтай! Не распускай лепестки свои! Не приманивай къ цвѣткамъ своимъ пчелку-сладостлюбивую!» Подожди! Эхъ, ты, кумъ! Что выдумалъ! Не спѣшить. Да я думаю, невѣста, и та будетъ на моей сторонѣ. Нечего ей томить себя, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Вотъ, можетъ-быть, подѣ осень и племянница моя выйдетъ замужъ за нашего стихотворца Плодомазова. Чѣмъ не женихъ!.. Состояніе почти такое-же, какъ у ней. А стихи — чепуха! Какъ пойдутъ дѣти—бросить и стихи писать... Она же такъ его передѣлаетъ, что и самъ себя узнавать не будетъ! Умная бестія! Извините, князь. Сорвалось съ языка такое вульгарное слово, что, чего добраго, могло покоробить васъ... но я не циникъ, — а все же долженъ сказать, что...

(Мальвина Карл., пріотворяя дверь).

Мальв. Карл. Александръ Даниловичъ, пойдика сюда, надо мнѣ кой-что сказать.

Наваровъ. Что такое?.. Чего-нибудь къ завтраку недостаетъ? Такъ это не мое дѣло. Извините, князь... *(Уходитъ)*. Таль и Сидоровъ молчатъ, повиснувъ голову; за дверью слышенъ голосъ Наварова). Какъ?.. Что такое?.. Видѣли?.. Что это за вздоръ! Не мучьте меня, пожалуйста. *(Таль, испуганный, хочетъ броситься въ дверь и сталки-*

вается съ *Наваровымъ*. *Наваровъ, не замѣчая друзей, въ сильномъ волненіи ходитъ по комнатѣ*).

Наваровъ. Я этому не вѣрю? Это не можетъ быть! Не могла она рѣшиться на такой поступокъ!!

Таль (съ ужасомъ). Утопилась?..

Наваровъ. Э! Хуже, чѣмъ утопилась,—хуже, хуже!

Сидоровъ. Что съ вами, Александръ Даниловичъ? Вы испугали насъ.

Таль. Что же такое случилось съ моей милрой, съ моей...

Наваровъ. Ничего... Такъ, какія-то глупости! Чортъ знаетъ что, галиматья какая-то!

Сидоровъ. Не пугайте же насъ, ради Бога!

Наваровъ (уходитъ, не отвѣчая. За дверью слышенъ шумъ и крики. Черезъ минуту или двѣ Наваровъ, блѣдный, входитъ опять въ свой кабинетъ, съ нимъ жена, Еня, Плодомазовъ и Федотъ).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, *Наваровъ, Мальвина Карловна, Ахарова, Плодомазовъ, Федотъ.*

Наваровъ (обращаясь къ князю). Каковъ вашъ другъ! Каковъ... этотъ негодный, подлый Сидоровъ!? Въ моей же коляскѣ, на моихъ лошадяхъ, увезъ дочь мою!..

Еня (всплескиваетъ руками).

Сидоровъ (внутренно торжествуетъ).

Мальв. Карл. И несомнѣнно. Подкупилъ этого негодяя, этого пьяницу Луку,—нашего кучера.

Наваровъ. Ухъ! Я съ ума сойду или меня кондрашка хватить. Не знаю, что со мной!.. Во всю жизнь мою не было еще такого удара. Проиграть въ карты 40, 50 тысячъ—плевое дѣло, вздоръ въ сравненіи съ такимъ скандаломъ, съ такимъ позоромъ... Да не вздоръ-ли это? Кто видѣлъ?.. Федотъ! Ты видѣлъ? Видѣли: глупая Мароушка, старостиха, да на деревнѣ му-

жки какіе-то... А если и такъ, кто мнѣ поручится, что онъ не насильно увезъ ее? Можетъ-быть, она, по глупости, подошла проститься съ нимъ, онъ втащилъ ее въ экипажъ. Кучеръ хлестнулъ по лошадямъ, и они уѣхали.

Мальв. Карл. Да, говорятъ, очень скоро уѣхали. Кучеръ, пьяница, гналъ лошадей такъ, что, чего добраго, и загонитъ ихъ.

Наваровъ. Это уголовщина!.. Это.. это... Князь! что же вы молчите,—точно это до васъ нисколько не касается!

Сидоровъ. Вы сами понимаете, что, постъ этого, я уже не женихъ вашей дочери... и что, стало-быть...

Наваровъ. А если ее увезли насильно? (*Ходитъ*). Неужели и вы за меня не заступитесь!? Позвать сюда Феню, я самъ хочу допросить ее, быть не можетъ, чтобъ она ничего не знала... (*Федотъ уходитъ*). Какъ это могло такъ случиться, что никто ничего не знаетъ. Среди бѣлаго дня увозятъ барышню, и никто ничего не знаетъ... Не галлюцинація-ли это?.. Не приснилось-ли это старостихѣ?.. Не померещилось-ли мужикамъ съ ихъ пьяными рылами. А! Феня!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, *Федотъ и Феня (съ заплаканными глазами).*

Наваровъ. Вотъ ты теперь плачешь... а зачѣмъ помогала моей дочери... бѣжать отъ насъ! А если ты знала, зачѣмъ ты не предупредила насъ? Тотчасъ же не дала намъ знать?

Феня. Я ничего не знаю-съ...

Наваровъ. Такъ я тебѣ и повѣрю... Разказывай!

Феня. Нечего мнѣ разказывать. Все утро гоняли меня то туда, то сюда. Утромъ я видѣла, что барышня стояла у комода и что-то клала себѣ въ мѣшечекъ. Только некогда мнѣ было спросить ее. Потомъ, я еще разъ за минутку забѣгаю къ ней въ комнату—

вижу, что она въ свой боковой кармашекъ суетъ Евангеліе,—ту самую книжку, маленькую, которую крестный еще въ прошломъ году подарилъ ей. Тутъ опять позвали меня въ прачечную, и такъ, съ тѣхъ поръ, я и не видала... (*плачетъ*) мою милую... Лю-лю... Любовь... А... Александровну...

Сидоровъ. Ну... это... не похоже на насиліе. Ясно, что она съ утра готова была уѣхать при первой возможности. А что это у тебя за бумажка... въ рукѣ?

Феня. Это-съ?.. Я сейчасъ на ея туалетикѣ нашла. Сижу, плачу, вдругъ вижу словно письмо, заклеено, только безъ всякаго адреса; думала, что это ей кто-нибудь положилъ, а она не прочла... и... и... и... уѣхала.

Наваровъ. Давай сюда! (*Наваровъ разрываетъ конвертъ, садится у стола и читаетъ*):

«Милый мой папа и мама. Я свято исполняю вашу волю, выхожу замужъ за князя Шалова,—ѣду съ нимъ въ Березовку вѣнчаться,—прѣзжайте на свадьбу. За моими вещами князь сегодня же пришлетъ своего камердинера.

Ваша Люба.»

(*Встъ въ такомъ изумленіи, что долго сидитъ, какъ нѣмые. Сидоровъ блѣденъ и насупился*).

Наваровъ (постъ долгаго молчанія). Сидоровъ!

Сидоровъ. Я.

Наваровъ. Что ты съ нами сдѣлалъ! (*Падаетъ на столъ головой и рыдаетъ; жена тоже плачетъ, сидя въ углу на стулѣ*).

Сидоровъ. Я, конечно, виноватъ,—далъ честное слово князю, что все время, пока я у васъ, буду носить его имя.

Феня (на ухо). И не сдержали это честное слово. Мнѣ первой проговорились.

Наваровъ. Все нутро мое, ты, злодѣй мой, наружу вывернулъ. Что я теперь? Какъ, какими глазами я буду глядѣть на князя! Всякое уваженіе я потерялъ въ глазахъ его. Поблагодарить-ли меня старая княгиня за то, что мы такъ поступили съ ея племянникомъ?

Мальв. Карл. Кто же могъ это знать... Боже мой! Боже мой! Какъ я жестоко обходилась съ нимъ! И какъ это я не догадалась?

Таль (подходитъ къ Наварову). Кумъ! Это что-то невѣроятно... Это... это такая комбинація...

Наваровъ. Такая, братъ, комбинація, что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, никто, ни одинъ отецъ не былъ такъ жестоко одураченъ. Ахъ, Сидоровъ, если бы я былъ властный человекъ, какимъ, при крѣпостныхъ холодахъ, былъ мой дѣдъ,—я бы тотчасъ же, на первой осинѣ, повѣсилъ васъ.

Еня. Такъ бы я и дала вамъ повѣсить моего жениха. Если онъ виноватъ, то князь тоже виноватъ. Носилъ его честное имя. Что-же! Нешто вы бы и вашего зятя повѣсили, такого блестящаго, такого умнаго молодого человека? Каково ему было, любя вашу дочь, подъ именемъ бѣднаго Сидорова, добиваться взаимности. На это нужна сила воли. Какъ было бы глупо и даже пошло, если бы онъ не увезъ вашей дочери, а всталъ бы передъ вами на колѣнки и сталъ бы извиняться или ждать вашихъ извиненій за то, что вы, въ послѣднее время, явно относились къ нему съ обиднымъ пренебреженіемъ.

Сидоровъ. Еня, поступайте въ адвокаты, вы лучше меня защитите всякаго.

Наваровъ. Ну, что-же теперь дѣлать!

Сидоровъ. Что дѣлать? Я вамъ скажу что дѣлать: велите подать шампанскаго, и всѣ мы выпьемъ за здоровье жениха и невѣсты.

Еня. Да кстати ужъ поздравьте и меня и Андрея Петровича. (Сидорову) Не правда-ли?

Сидоровъ. Ты, милая моя Еня, лгать не умѣешь...

Еня. Значить, ты мой...

Сидоровъ. А это значить, что ты моя—взаимная собственность...

Мальв. Карл. Вотъ не ожидала!..

Еня. Если хотите, дядя, вмѣстѣ съ нами, соберитесь и поѣзжайте къ княгинѣ въ Березовку, несомнѣнно, она будетъ нашей посаженной матерью, такъ какъ я настою, чтобъ въ одинъ день, въ одной церкви и повѣчали насъ.

Наваровъ. Ѳедотъ! Сю минуту рас-

купори шампанское, разлей и подавай намъ сюда. Ухъ!.. Боюсь заболѣть...

Плодомазовъ. А я въ такомъ настроеніи отъ вашего водевиля безъ куплетовъ, что, извините меня... отъ шампанскаго не откажусь, а ужъ символически изображу васъ въ стихахъ, поражу васъ.

Наваровъ. Вотъ если бы не символически, а какъ-нибудь иначе вы изобразили меня, старога кутилу и корыстолюбца, ну... тогда, можетъ-быть, я бы и струсилъ, да и то бы не струсилъ, а подалъ бы на васъ жалобу въ диффамацин...

Занавѣс

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Стихотвореніе Д. Мережновскаго.

Столица ни на мигъ въ такую ночь	Всегда открытыя, безжизненные
не дремлетъ:	очи.
Едва вечерняя слетаетъ полутьма,	Уходитъ отъ земли свѣтлѣющая
Какъ снова блѣдная заря уже объем-	твердь...
летъ	Въ такія бѣлыя, томительныя ночи—
На небѣ золотомъ огромныя дома.	Подобенъ мраку свѣтъ, подобна
	жизни смерть.
Какъ перья, облаковъ прозрачныя	Когда умолкнетъ все, что духъ мой
волокна	возмущало,
Сквозятъ, и на домахъ безмолвныхъ	Я чувствую, что есть такая тишина,
и пустыхъ	Гдѣ радость и печаль въ единое
Мерцаютъ тускляя, завѣшанныя окна	начало
Зловѣщей бѣлизной, какъ очи у	Сливаются на вѣкъ, гдѣ жизни
слѣпыхъ,—	смерть равна.

Князь Иванъ.

Рассказъ С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы).

I.

Однажды, года три-четыре назадъ, приѣзжаю я изъ города домой,—я жилъ тогда близъ Петербурга, въ дачной мѣстности, на берегу Невы,—говорятъ мнѣ, что любимая моя собака «Танька», умная, ласковая, красавица, а главное, я не знаю ужъ какъ привязанная ко мнѣ—пропала. Утромъ, когда я уѣзжалъ, она ласкалась ко мнѣ, я погладилъ ее. Во время завтрака, ужъ безъ меня, тоже видѣли ее: она лежала на террасѣ. Передъ моимъ приѣздомъ спохватились—ея ужъ не было. Кинулись въ паркъ, думали, не ушли ли она въ калитку,—нѣтъ; на берегу—тоже нѣтъ. Собака выросла у насъ, привязана къ дому, чужому ни за что не подманить ее, и вдругъ, что называется, на глазахъ пропала. Я не съѣлъ обѣдать, пошелъ самъ ее искать, обошелъ весь паркъ, звалъ, свисталъ, прошелъ по берегу, спрашивая встрѣчныхъ, не видали-ли?—нѣтъ.

Мнѣ ее ужасно было жалко.

Я разослалъ во всѣ газеты публикаціи, назначилъ двадцать пять рублей награды, кто мнѣ доставитъ ее или укажетъ, гдѣ она. Прошелъ день—нѣтъ. Я повторилъ публикаціи и назначилъ награду въ пятьдесятъ рублей.

На третій день утромъ я гулялъ въ налисадникѣ, подвязывалъ цвѣты, какъ вдругъ услышалъ у калитки сухой, нарочный кашель: кто-то кашлялъ, видимо, желая обратить на себя мое вниманіе. У калитки стоялъ человекъ

довольно невзрачнаго вида, судя по платью, мастеровой. Я посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Вамъ что? Вы ко мнѣ?

— Насчетъ публикаціи о собачкѣ, отвѣтилъ онъ.

Я подошелъ къ калиткѣ, думая увидѣть и собаку, но онъ былъ одинъ.

— А гдѣ же собака?

— Ее можно найти.

— Да гдѣ она, вы знаете?

— Знаемъ-съ, тихо, совсѣмъ пониженная голосъ, сказалъ невзрачный человекъ.

— Да что-жъ вы съ собой ее не привели?

— Нельзя-съ.

— Да, можетъ, еще не она? съ грустью сказалъ я.

— Нѣтъ-съ, она самая! живо отвѣтилъ онъ.

— Вы почему же ее знаете?

— Знаемъ-съ. Собака извѣстная; кто-жъ ее тутъ не знаетъ?

— Такъ ведите скорѣй, получите пятьдесятъ рублей! воскликнулъ я.

— Мнѣ не довѣрять; развѣ они мнѣ довѣрятъ?

— Кто не довѣритъ?

— Они.

Я опять спросилъ кто, но онъ уклонился отъ отвѣта и сказалъ, что самое лучшее будетъ, если я самъ съ нимъ поѣду *туда* и выкуплю собаку.

Я взялъ извозчика; мы отправились.

— Далеко это?

— Нѣтъ, не очень.

— Да къ кому мы ѣдемъ?

— Къ князю.
 — Къ кому? переспросилъ я.
 — Къ князю.
 Онъ назвалъ фамилію князя.
 — Это онъ васъ и прислалъ ко мнѣ?
 — Они-съ.
 — Прочелъ публикацію и прислалъ васъ?
 — Такъ точно. Они всѣ публикаціи читаютъ.
 — А вы кто? Вы служите у него?
 — Служу при собакахъ.
 Фамилія князя была не изъ важныхъ, но я слышалъ ее. Я продолжалъ разспрашивать моего собесѣдника.
 — Что-жъ онъ дѣлаетъ, князь вашъ?
 — Да что! Ничего. Утромъ встанетъ, первое дѣло сейчасъ за сороковкой пошлетъ, потомъ, выпьетъ сороковку, пойдетъ въ трактиръ чай пить; а тамъ кто-нибудь придетъ или собаку новую приведутъ.
 — Да онъ что, торгуетъ ими, что-ли?
 — Торгуетъ. Онъ ужъ лѣтъ пять этимъ занимается.
 — Ему приводить, онъ покупаетъ, а потомъ продаетъ?
 — Такъ точно.
 — Да, вѣдь, этакъ онъ можетъ и краденую купить, на исторію можетъ налетѣть.
 Невзрачный человѣкъ какъ-то странно посмотрѣлъ при этомъ на меня и ничего не отвѣтилъ.
 — Вотъ я, напримѣръ, увѣренъ, что моя собака не сама сбѣжала, а кто-нибудь укралъ ее, сказалъ я и посмотрѣлъ на него.
 — Ужъ это неизвѣстно. Какое же до этого дѣло!
 — Какъ, какое? Я непременно спрошу его, кто ее къ нему привелъ, у кого онъ ее купилъ.
 — Они развѣ это скажутъ! проговорилъ страннаго вида человѣкъ и улыбнулся.

— Отчего-жъ? спросилъ я.
 — Да развѣ это имъ возможно? А, впрочемъ, спросите; я ничего не знаю.
 Мы прѣехали, между тѣмъ, совсѣмъ на окраину дачной мѣстности. Видѣлось ужъ поле; кое-гдѣ стояли отдѣльные домики-дачки, обитаемые, очевидно, только въ лѣтнее время.
 — Далеко еще? спросилъ я.
 — Нѣтъ, теперь сейчасъ.
 «Бѣдная моя Танька!» думалъ я, поглядывая на эти домики, — «какъ-то ты тамъ жила это время? Чуешь-ли ты, что я ѣду за тобой?» и спросилъ:
 — А давно она у васъ, собака моя?
 — Третьяго дня или, нѣтъ, вчера, кажется, ее привели.
 — Да, можетъ, еще не она?
 — Нѣтъ ужъ это безъ сумлѣнья, будьте покойны. Какъ не знать, собака извѣстная.
 — Послушайте, да вашъ князь, просто, кажется, собачникъ, держитъ притонъ краденыхъ собакъ, сказалъ я и сталъ смотреть на невзрачнаго вида человѣка.
 Онъ кашлянулъ и, не отвѣчая мнѣ, отвернулся и устался въ сторону. Я повторилъ вопросъ.
 — Да развѣ они, докладывая вамъ, могутъ знать, какая краденая собака, какая нѣтъ?
 — Ну, а почему вы вотъ мою собаку знаете? Почему вы знаете, что она извѣстная? Вѣдь, вы сами ее не видѣли, или видѣли? Вы скажите мнѣ прямо; я, вѣдь, все равно возьму ее, пятьдесятъ рублей вамъ заплачу.
 — Это ужъ не мнѣ—это князю.
 — Ну, все равно, ему.
 — Мнѣ ужъ, если милость будетъ, на чай что за всѣ хлопоты мои, поспѣшилъ сказать невзрачный человѣкъ.
 — И вамъ на чай будетъ. Вы мнѣ вотъ только скажите, украдена она? Вашъ князь знаетъ объ этомъ?
 Онъ опять промолчалъ.

— Кто ее привелъ къ нему? Вѣдь, это собачій воръ.
 Онъ не отвѣчалъ.
 — Что-жъ вы молчите, не говорите? допытывался я.
 — Намъ нельзя говорить. Какъ же это мы будемъ говорить! тихо произнесъ невзрачный человѣкъ и, по своему обыкновению, отвернулся въ сторону.
 Мы проѣхали сколько-то молча.
 — Онъ бѣдный, вашъ князь? опять началъ я.
 — Извѣстно, бѣдный! Какое же у него богатство?
 — И этимъ онъ и живетъ?
 — Этимъ и живетъ.
 — Женатый онъ?
 — Женатый, только...
 — Что—только? переспросилъ я.— Не живетъ онъ съ женой?
 — Нѣтъ; ушла она отъ него, къ нѣмцу одному ушла. Тутъ фабрика репшовая... Съ нимъ живетъ.
 — И дѣти есть?
 — Дочь одна. Эта при отцѣ живетъ.
 — Большая ужъ?
 — Лѣтъ четырнадцати, отвѣтилъ мнѣ невзрачный человѣкъ, и, обратившись къ извозчику, началъ объяснять ему, какъ проѣхать къ домику, одиноко стоявшему влѣво отъ шоссе.
 — Тамъ вы живете? спросилъ я.
 — Тамъ, коротко отвѣтилъ онъ мнѣ и продолжалъ растолковывать извозчику.— Вотъ ты съѣзжай съ шоссе и все прямо, прямо; а тамъ будетъ дорожка къ дачѣ.
 Желтый деревянный домикъ, довольно ветхій, съ маленькимъ мезониномъ, казался совсѣмъ необитаемымъ: ставни были затворены, окна въ мезонинѣ тоже; ни палисадника, ни двора—ничего.
 — Зачѣмъ же окна затворены у васъ? спросилъ я.
 — Жарко. Отъ солнца

Я не могъ понять, гдѣ же живутъ собаки, которыхъ, какъ говорилъ невзрачный человѣкъ, у нихъ имѣется—таки достаточно, и спросилъ объ этомъ.
 — Собаки въ другомъ мѣстѣ.
 — Далеко?
 — Нѣтъ, тутъ же, недалеко.
 Мы свернули на дорожку къ дачѣ, узенькую и всю въ выбоинахъ; и, когда осавалось проѣхать всего сажень пятьдесятъ, изъ-за дачи выбѣжала какая-то бѣдно-одѣтая дѣвочка и начала поспѣшно отворять ставни.
 — Увидали, самодовольно, хитро улыбаясь чужой человѣкъ.
 — Чей кивая на дачу, проговорилъ невзрачный человѣкъ.
 — Это его дочь—есть? спросилъ я, почему-то увѣренный, что непременно это она.
 Онъ, въ знакъ согласія, молча motionнулъ головой. Дѣвочка торопливо отворяла окна одно за другимъ и, когда мы подъѣхали совсѣмъ уже близко, пустилась бѣжать и исчезла опять за дачей.
 — Крыльцо съ той стороны, ты съѣзжай туда, сказалъ невзрачный человѣкъ извозчику.— За мной поѣзжай! спрыгнулъ съ дрожжекъ и пошелъ впередъ, очевидно, не съ тѣмъ, чтобы показывать дорогу, а чтобъ предупредить.
 II.
 Мы обогнули домикъ и подъѣхали къ крыльцу. Кругомъ было налито, грязь, бумажки, пустыя коробки отъ сардинокъ. Дверь на крыльцо была отворена, но тамъ, въ глубинѣ, такъ темно,—я сидѣлъ на дрожкахъ, не рѣшаясь встать и идти туда. Прошло минуты двѣ. Вдругъ, въ дверяхъ показался невзрачнаго вида человѣкъ и, обратившись съ удивленіемъ ко мнѣ, проговорилъ:
 — Что-жъ вы тутъ? Пожалуйте въ домъ.
 Я сошелъ съ извозчика, поднялся

по зыбучему, расштанному крыльцу, всё перильца которого были увёртаны грязными тряпками, и через темный сѣни, предшествуемый невзрачнымъ человѣкомъ, вступилъ въ маленькую комнату, подобіе передней. Одновременно съ тѣмъ, какъ мы вошли въ нее, противоположная дверь отворилась, и передо мной предсталъ, въ серомъ лостриновомъ пиджакѣ, въ накрахмаленной рубашкѣ, безъ галстука, высокій, полный мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ лицомъ загорѣлымъ и краснымъ, съ необыкновенно длинными, висящими черными усами.

— Очевидно, милости прошу! протягивая мнѣ руку и увлекая за собой, проговорилъ онъ.

Мы попали въ слѣдующую комнату, болѣе обширную, оклеенную дешевенькими желтенькими обоями и всю заваленную всякой старой рухлядью и хламомъ, начиная отъ драного красного ситцевого, ваточнаго одѣяла, изъ котораго ключьями торчала вата, до старыхъ сѣрыхъ брюкъ и трубы отъ самовара.

— Вы ужъ извините, по-домашнему. И потомъ, что за жара! началъ князь, показывая рукой на воротъ рубашки безъ галстука.

— Пожалуйста, что-жъ такое! отвѣчалъ я, не зная, куда положить шляпу, такъ какъ въ комнатѣ не было никакой мебели, кромѣ двухъ вѣнскихъ стульевъ и ломбернаго стола, заставленного остатками отъ завтрака или отъ ужина.

— Милости прошу! сказалъ князь, указывая рукой на одинъ изъ стульевъ и садясь самъ на другой.

Въ это время я замѣтилъ въ углу, на кучѣ мягкой рухляди, огромнаго бульдога съ перевязанной лапой; бульдогъ лежалъ, вытянувъ лапы и положивъ на нихъ морду, и смотрѣлъ на насъ. Я невольно, инстинктивно какъ-то сталъ негать глазами свою Таньку,

нѣтъ-ли и ея тутъ; но ея не было видно.

— Вы чаю не хотите-ли? Многие любятъ въ жару чай пить; это многие находятъ, что прохладяетъ, говорилъ князь, и, не дожидаясь моего отвѣта, крикнулъ: — Нелѣне, распорядись насчетъ чаю! — Но отвѣта ни откуда не послѣдовало. — Никанорка! снова крикнулъ князь.

Изъ двери показался мой старый знакомый.

— Скажи княжѣ, чтобъ чаю.

Сдѣлавъ это распоряженіе, князь, видимо, истощивъ весь запасъ любезности и деликатности, и, къ тому же, интересуясь сутью дѣла, по которому мы встрѣтились, отдулся, какъ бы послѣ подъема по высокой лѣстницѣ или отъ жары, и спросилъ меня:

— Да, вотъ случай какой съ вашей собачкой-то!

— Да-съ, случай! отвѣтилъ я.

— Хорошо еще, что попала ко мнѣ а то, вѣдь, могла просто пропасть.

— То-есть, какъ же это? невольно сорвалось у меня.

— А очень просто: могли продать ее въ Москву... на варшавскій вокзалъ...

— Да, вотъ какъ!

— А какъ же. Собака хорошей породы, всё ее знаютъ, известная. А вы думали, продолжалъ, немного помолчавъ, князь, — что я говорю въ томъ смыслѣ, что она пропала бы такъ, зря, къ собачникамъ, фурманщикамъ попала бы, и тѣ ее повѣсили бы? Нѣтъ, такая собака такъ, зря, не пропадетъ, ее и у фурманщиковъ выкупятъ; да они и сами ее не повѣсятъ, они тоже, вѣдь, толкъ-то знаютъ, закончилъ князь.

— Можно ее видѣть? спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ чаю подадутъ, какъ-то не то нерѣшительно, не то подозрительно проговорилъ онъ, и я замѣтилъ, что онъ пристально, испытующе смотритъ на меня.

Я тоже смотрѣлъ на него, припоминая, гдѣ я его видѣлъ; но видѣлъ только я его несомнѣнно, и недавно еще видѣлъ.

— Я занятой человѣкъ, князь, сказалъ я, — и если бы можно было поговорить...

— Сейчасъ, сейчасъ. Ее, вѣдь, надо еще приготовить; она не здѣсь, сказалъ онъ, продолжая все такъ же странно смотрѣть на меня.

— А гдѣ же? полюбопытствовалъ я.

— Здѣсь, недалеко, не на этой только дачѣ.

Ничего не понимая, я покорился своей участи, то-есть приготовился ждать. Онъ помолчалъ немного и продолжалъ:

— Читая вашу публикацію, я, конечно, сразу догадался, чья это собака, и потому, когда ее ко мнѣ привели, я за васъ заплатилъ обѣщанное вознагражденіе.

Я удержалъ улыбку и наклоненіемъ головы поблагодарилъ его.

Меня все подмывало спросить его, почему онъ знаетъ моихъ собакъ, но я удерживался сдѣлать это изъ опасенія, какъ бы у насъ не вышло по поводу этого какого-нибудь конфликта — отыскивай, возись, доказывай потомъ.

— Деньги тѣ, конечно, пустыя, опять началъ онъ.

— Я ихъ сейчасъ вамъ заплачу, сказалъ я, — какъ увижу, что это моя собака.

— Да въ этомъ вамъ сомнѣваться что же! Я, вѣдь, ее знаю.

Я едва удержался спросить, почему онъ ее, наконецъ, знаетъ; но онъ продолжалъ говорить и самъ это высказалъ:

— Еще прошлымъ лѣтомъ, проходя мимо вашей дачи, я нѣсколько разъ любовался на вашихъ собакъ.

— А вы изволили жить въ прошломъ году въ нашей мѣстности?

— Нѣтъ, такъ вообще, гуляя, проходя мимо вашей дачи. И потомъ, у

васъ таксика хороши. Одна таксика... эхъ, хороша! Откуда вы достали? Этакая длинная, лапки и пруть удивительныя, да вообще вся хорошимъ — грудъ, спина!

«Гм!» подумалъ я, «значить, нѣтъ опасность эта угрожала еще въ прошломъ году».

— А вотъ вы любитель; не купите-ли у меня понтерка черного? Эхъ, хороше! вспомнилъ князь.

— Я не люблю понтеровъ, сказалъ я. — А впрочемъ, покажите.

— Хороше!

— Чей? нерѣшительно проговорилъ я.

— Это изъ Москвы; я не знаю, навивно отвѣтилъ онъ. — Кажется, Хлудовскій.

— Хлудовскій, хорошей породы?

— Да, ужъ я вамъ говорю, знаемъ; ужъ это, слава Богу, собачекъ-то знаемъ, любимъ. Въ былое время держали; сорокъ смычковъ гончихъ было, да сто своръ борзыхъ было! Вы спросите-ка въ Тверской губерніи — до сихъ поръ насъ помнятъ.

Въ это время невзрачный человѣкъ внесъ на линючемъ, смятомъ подноси-кѣ стаканъ жидкаго чаю и въ стеклянной дешевенькой сахарницѣ нѣсколько кусочковъ сахару.

— Вы кладите по вкусу, сахаръ тутъ не положенъ. Нѣтъ? вскинулъ онъ глазами на человѣка.

— Нѣтъ, не положенъ.

— Понтерка московскаго, скажи, чтобъ тоже приготовили: вонъ баринъ хочетъ купить.

Невзрачнаго вида человѣкъ сказалъ: «слушаю-съ» и исчезъ.

— Это служашій у васъ? спросилъ я, — онъ при собакахъ?

— Какой чортъ! проговорилъ князь.

— Такъ, для посылковъ. Мой же бывшій крѣпосной. — И, помолчавъ, онъ продолжалъ: — На руку я тяжелъ, дашь тычка — обижаются; а этотъ, такъ какъ

свой, знает привычки... Держу вот если послать куда, узнать...

— Нѣтъ, такъ я спросилъ. Онъ говоритъ, что собакъ моихъ знаетъ, такъ я подумалъ, что онъ любитель, любить ихъ, знаетъ...

— Собаки у васъ хорошия, всѣ ихъ тутъ знаютъ. А еще что онъ вамъ болталъ? вновь подозрительно поглядывая на меня, спросилъ князь.

— Ничего, что-жъ еще! отвѣтилъ я.

III.

Я уже давно допилъ свой чай и теперь посматривалъ на князя, болталъ съ нимъ, разглядывалъ всю обстановку, понималъ горькую жизнь его и никакъ не могъ понять только, зачѣмъ и почему онъ тянетъ, не показываетъ мнѣ мою «Таньку»; видимо, онъ сидитъ безъ денегъ, и онѣ ему до зарѣзу нужны, отчего-жъ онъ не спѣшитъ получить ихъ съ меня?

И вдругъ мнѣ пришла въ голову страшная мысль: а не продалъ-ли ужъ онъ ее кому-нибудь дороже, то-есть, за вознагражденіе большее противъ того, которое я обѣщаль? Собака хорошая, породная, и за нее легко дадутъ ему и вдвое, и втрое дороже.

Но тогда онъ такъ бы и сказалъ: дескать, могу я вашу собаку достать вамъ обратно, но она будетъ вотъ столько-то и столько-то стоить. Но онъ не говорилъ этого и, потомъ, онъ прямо самъ же мнѣ сказалъ, что слѣдующее за нее вознагражденіе онъ заплатилъ уже, и мнѣ придется съ нимъ ужъ разсчитываться. Соображенія одно за другимъ лѣзли мнѣ въ голову. Я поглядывалъ на князя, а онъ между тѣмъ все разсуждалъ, ничего, повидимому, не подозрѣвая, разсказывалъ мнѣ объ охотѣ, о хозяйствѣ.

Вдругъ послышался стукъ колесъ, топотъ, и мимо окна, у котораго мы сидѣли, промелькнулъ шарабанъ, за-

пряженный парой кровныхъ рыжихъ лошадей въ шорахъ. У противоположнаго окна, по другую сторону дачи, шарабанъ остановился. Князь торопливо вскочилъ и кинулся къ выходной двери. Тамъ ему навстрѣчу попался невзрачный челоуѣкъ, но онъ на ходу далъ ему тычка, и тотъ, встряхивая волосами, поспѣшно посторонился, уступая ему дорогу. Я остался въ комнатѣ одинъ. Отъ нечего дѣлать, я подошелъ къ окну, передъ которымъ остановился шарабанъ, и увидѣлъ странную сцену. Въ шарабанѣ сидѣла женщина лѣтъ тридцати, съ красивымъ лицомъ, хотя и съ рѣзкими чертами, хорошо, даже богато одѣтая; въ рукахъ у нея были вожжи, которыя она свободно спустила, не боясь, что лошади станутъ шалить. Позади ея неподвижно сидѣлъ лакей, съ безучастнымъ выраженіемъ въ лицѣ, искривленномъ на англійскій ладъ. Въ тотъ моментъ, когда я подошелъ къ окну, къ дамѣ въ шарабанѣ подбѣжала вирипрыжку та самая дѣвочка, которую я видѣлъ, когда мы подбѣжали къ дачѣ князя. Дѣвочка поцѣловала протянутую ей руку въ перчаткѣ, а эта рука потомъ потрепала ее по щекамъ и погладила по головкѣ. Дама что-то говорила, а дѣвочка смотрѣла на нее и улыбалась; что онѣ говорили, я не могъ разслышать, потому что окно было заперто. Вслѣдъ затѣмъ къ шарабану, держа руку у ворота смятой грязной своей рубашки, подошелъ князь и тоже что-то началъ говорить. Дама совершенно покойно, сдѣлавъ только слегка пренебрежительную гримасу, слушала его. Лакей позади сидѣлъ, изображая самымъ идеальнымъ образомъ истукана; я даже нѣкоторое время смотрѣлъ на него: удивительно выдрессированъ. Слушая князя, дама продолжала время отъ времени поглаживать рукой въ перчаткѣ дѣвочку по головкѣ, а та улавливала моментъ и

цѣловала у нея руку въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается перчатка и видно тѣло. Такъ продолжалось минутъ десять. Я отходилъ отъ окна, потомъ опять подходилъ; они все говорили, и я догадывался болѣе или менѣе, кто эта дама, смотрѣлъ на нее и никакъ не могъ понять, какъ же это такъ: если она хоть немного любитъ свою дочь, зачѣмъ же она оставляетъ ее, во-первыхъ, здѣсь, а потомъ, неужели она не можетъ хоть одѣть-то ее прилично? И, наконецъ, воспитанія и обученія она, вѣроятно, вѣдь, никакого же здѣсь, у отца, не получаетъ. Дѣвочка—я теперь хорошо и близко разсмотрѣлъ ее,—была прехорошенькая, хотя больше напоминала отца, чѣмъ мать. Наконецъ, дама вынула изъ кармана маленькое портмоне, достала оттуда нѣсколько мелко свернутыхъ ассигнацій, расправила ихъ и подала небрежно князю; тотъ принялъ ихъ съ необыкновенно приниженной вѣжливостью. Потомъ она взяла изъ портмоне щепотку серебра и дала дѣвочкѣ; та почитательно поцѣловала руку. Затѣмъ, дама обмѣнялась съ ними еще нѣсколькими фразами, подобрала и натянула вожжи, и шарабанъ, сдѣлавъ оборотъ, покотился назадъ той же дорогой. Оставшіеся стоять на томъ же мѣстѣ, князь съ дѣвочкой провожали его глазами. Прошло минуты двѣ-три; въ передней послышался голосъ князя, громко съ кѣмъ-то разговаривавшаго, дверь отворилась, и онъ вошелъ ко мнѣ, извиняясь, что заставилъ такъ долго ожидать.

— Тутъ пріѣзжала одна дама по дѣлу, такъ нельзя было. Сейчасъ и собакъ намъ приготовить, добавилъ онъ.

Мнѣ ужъ стало скучно сидѣть такъ долго и ждать. Я началъ:

— Да можетъ, еще не та.

— Не та? Нѣтъ-съ; объ этомъ рѣши нѣтъ.—И потомъ, сдѣлавъ маленькую паузу, продолжалъ:—А вотъ мы пока

займемся условіями, счетикъ сведемъ; знаете, деньги счетъ любятъ.

Мнѣ показался онъ теперь вдругъ какимъ-то развязнымъ и даже какъ бы нѣсколько наглымъ, чего до сихъ поръ я въ немъ не замѣчалъ.

— Вознагражденіе, вы публиковали, пятьдесятъ рублей?

— Да-съ.

— Вознагражденіе, значить, пятьдесятъ рублей, проговорилъ онъ, записывая карандашомъ на бумагѣ,—двадцать процентовъ комиссіонныхъ—будетъ десять рублей, агенту десять процентовъ—это будетъ пять рублей, посылному рубль, содержаніе за три дня на привилегированномъ положеніи по пятидесяти копеекъ въ день—рубль пятьдесятъ копеекъ; ну, а ужъ прислугѣ на чай и водку, это сами, сколько хотите, дадите. Итого, значить, шестьдесятъ семь рублей пятьдесятъ копеекъ, проговорилъ князь, откинувшись на спинку стула и уставился на меня.

— Хорошо, сказалъ я,—я заплачу.

Онъ молча наклонилъ голову въ знакъ согласія и продолжалъ смотрѣть на меня.

— Какъ увижу, что это моя собака, такъ и заплачу, повторилъ я.

— Деньги вы, значить, съ собой захватили? спросилъ онъ.

— Захватилъ.

— Потому, изволите видѣть, это такого рода дѣло, что тянуть его нельзя, его надо сразу кончать; увидаль—такъ и бери. Потому, я ужъ ученъ; бывали со мной такіе случаи. Желаетъ людямъ добро сдѣлать, оказать услугу, а они вмѣсто того цѣлый ворохъ хлопотъ, неприятностей доставятъ потомъ.

— Какія же хлопоты? проговорилъ я.

— Ну, относительно того, откуда попала собака, да, можетъ, она не сбѣжала, а украли ее, и пр., и пр. Я-то почему знаю,—пристала ко мнѣ, я прочиталъ публикацію, далъ знать; я

очемъ знаю, краденая она или не-
раденая, сманили ее или сама она
убжала...

Я повялъ изъ всего этого, что дѣло
то, должно-быть, изъ рискованныхъ,
князь ужь не разъ бывалъ въ пе-
дѣлкахъ у полиціи и у мировыхъ
удей, и что мнѣ мою «Таньку» пока-
жетъ онъ при какихъ-нибудь исклю-
чительныхъ условіяхъ, т. е. я увижу
е какъ-нибудь особенно, не просто
приведутъ ее ко мнѣ, я отдамъ ему
деньги и возьму ее съ собой.

— Такъ какъ же, вслѣдъ затѣмъ
сказалъ князь, — вы здѣсь отдадите
деньги?

— Позвольте мнѣ ее сперва уви-
дѣть. Согласитесь, какъ же такъ? Вѣдь,
можетъ, это не моя еще собака здѣсь.

Князь подумалъ немного и прого-
ворилъ:

— Надѣюсь, что вы благородный
человѣкъ, и что у насъ по этому по-
роду не произойдетъ никакихъ недо-
разумѣній. Пожалуйте, добавилъ онъ,
указывая на дверь, — пойдѣте.

Я взялъ шляпу и пошелъ за нимъ.
Выйдя на крыльцо, онъ увидѣлъ моего
извозчика и спросилъ:

— Это вашъ? Въ такомъ случаѣ,
пойдемте—тогда это скорѣй будетъ.

IV.

Мы поѣхали назадъ, т. е. опять по
той же дорогѣ, по которой я сюда при-
ѣхалъ, и проѣхали, по крайней мѣрѣ,
съ версту, какъ вдругъ князь, какъ
бы случайно увидѣвъ, воскликнулъ:

— А, вонъ понтерокъ черный, ко-
торого вы хотѣли купить. Вы посмо-
трите. А? Прелестъ! Извозчикъ, подѣ-
зжай!

Я увидѣлъ, шагахъ въ полтораста
отъ насъ, прямо по лугу шелъ какой-
то мастеровой не мастеровой, лакей
не лакей и вель на длинной цѣпочкѣ
чернаго, дѣйствительно, великолѣпнаго
понтера.

— Подѣзжай, подѣзжай! крик-
нуть князь.

Извозчикъ повернулъ съ дороги.

Когда мы подѣхали ближе, князь
крикнулъ: «Эй!» Человѣкъ неопре-
дѣленнаго вида, съ собакой, остановил-
ся, а мы съ княземъ сошли съ из-
возчика. Неопредѣленнаго вида чело-
вѣкъ поклонился и покороче перехва-
тилъ цѣпочку. Понтеръ сталъ съ нимъ
рядомъ и смотрѣлъ на насъ своими
большими и недоумѣвающими глазами.

— Ну, что, хорошъ? а? спросилъ
князь.

— Хорошъ, отвѣтилъ я.

— Натасканъ удивительно, стойка
мертвая!

— Да ужь о стойкѣ не извольте
безпокоиться, замѣтилъ и неопредѣ-
леннаго вида человѣкъ.

— Покупайте; задаромъ отдамъ, ска-
залъ князь.

Я смотрѣлъ, соблазнился собакой.
Дѣйствительно, понтеръ былъ краса-
вецъ.

— Пятьдесятъ рублей, ну, и тамъ
за прокормъ, за содержаніе, перегово-
рилъ князь.

Я молчалъ.

— Дорого, или не нравится?

— Нѣтъ, не дорого, и мнѣ нравит-
ся, но мнѣ-то онъ не нуженъ, у меня
все гордоны.

— Ну, вотъ что: пятьдесятъ рублей,
и ничего больше, никакихъ расходовъ.

Но я сообразилъ, и въ самомъ дѣлѣ,
зачѣмъ онъ мнѣ? Мало-ли хорошихъ
собакъ, не покупать же ихъ всѣхъ.

— Не нуженъ онъ мнѣ, сказалъ я.—

Я, можетъ-быть, вамъ пришлю одного
моего знакомаго, онъ купитъ у васъ,
можетъ-быть; онъ любитель, охотникъ
до понтеровъ.

— Пришлите! уныло и съ сомнѣ-
ніемъ, махнувъ рукой, воскликнулъ
князь.— Жди, когда еще! А можетъ,
навернется охотникъ, я ему и продамъ
до того времени.

— Ужь это какъ знаете.

— Мнѣ хотѣлось бы вамъ ее пода-
рить; вы, я знаю, любитель. А то кому
еще достанется. Ну, вотъ что: хотите
сорокъ? вдругъ сказалъ онъ.

— Да нуженъ онъ мнѣ.

— Берите, говорю вамъ, берите.

— Собака-то рѣдкостная, цѣны ей
нѣтъ, сказалъ неопредѣленнаго вида
человѣкъ.

— Да мнѣ-то она не нужна, отго-
варивался я.

— А! махнувъ рукой, воскликнулъ
князь.— Ну, была не была! еще семнад-
цать съ половиной уступаю: — за свою
собаку вамъ слѣдуетъ заплатить шесть-
десять семь рублей съ половиной—да-
вайте сто рублей и берите обѣихъ.

Я колебался, остановился на мину-
ту. Собака была красавица, въ самомъ
дѣлѣ. Князь схватилъ меня за руку,
самъ расправилъ мнѣ пальцы, повер-
нулъ руку ладонью вверхъ и, не до-
жидаясь отъ меня никакого отвѣта,
шлепнулъ по моей рукѣ своей и про-
говорилъ:

— Ну, это любитель! Дай Богъ; отъ
всего сердца желаю. Вижу любителя.
Ну, вотъ! Еще разъ отъ всего сердца!
Останетесь довольны, не будете жалѣть.

Мнѣ оставалось только благодарить
его.

Мнѣ было смѣшно, я чувствовалъ
себя въ то же время какъ-то неловко.
Князь, улыбающійся, смотрѣлъ на
меня, прищуривъ глаза и вмѣстѣ са-
модовольно.

— Такъ вотъ что, обратился онъ
къ человѣку неопредѣленнаго вида,—
ты тутъ съ ней погуляй немножко, а
потомъ вотъ туда, къ тому лѣсочку,
подойди; ты насъ тамъ увидишь, я
махну тебѣ тогда.

Когда мы пошли садиться на дрож-
ки, чтобъ ѣхать дальше и, вѣроятно,
такъ же случайно, какъ будто на про-
гулкѣ, встрѣтить и мою «Таньку»,
князь коснулся моего локтя и спросилъ:

— А деньги вы за эту собачку
здѣсь, сейчасъ отдадите?

— Да ужь дождемъ, отвѣтилъ я.

— Ну, послѣ, все равно, все равно,
повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Мы опять поѣхали. До лѣсочка, на
который указывалъ князь, было около
половины версты. Я смотрѣлъ туда,
но никого тамъ не было видно.

— Вонъ ваша «Танька», опять
проговорилъ князь и указалъ.

Я, дѣйствительно, теперь увидѣлъ
какого-то неизвѣстнаго мнѣ человѣка,
такого же неопредѣленнаго вида, и съ
нимъ, на длинной перевѣкѣ, мою бѣд-
ную «Таньку».

— Туда вонъ держи, правѣй! ско-
мандовалъ я извозчику.

Но князь остановилъ меня, замѣ-
тивъ, что тутъ скоро свертка, и мы и
такъ поѣдемъ близко. Когда мы были
шагахъ въ пятидесяти, князь крикнулъ
и свистнулъ: «Танька!» Собака оста-
новилась быстро, оглядываясь, и, уви-
давъ меня, начала рваться и тянуть
за собой неопредѣленнаго вида чело-
вѣка, который едва ее удерживалъ.

— Стой! крикнулъ я извозчику и,
ужь не обращая вниманія на князя,
что-то говорившаго мнѣ, соскочилъ съ
дрожекъ и пошелъ, побѣжалъ почти
къ своей собакѣ. Та рванулась отчаянно,
потянула за собой неопредѣленнаго ви-
да человѣка (даже лицомъ похожаго
на предыдущаго), онъ ее выпустилъ,
и она буквально, прыгнувъ ко мнѣ на
грудь, обняла меня лапами, какъ че-
ловѣкъ руками.

— Ну, что же, та самая? спросилъ
меня подошедшій ко мнѣ князь.

— Она, отвѣтилъ я, оправляя и
успокоивая собаку.

— Значитъ, вы довольны; и я очень
радъ, говорилъ князь.

— Доволенъ, доволенъ, отвѣчалъ я.

Когда собака нѣсколько успокои-
лась, я вынулъ бумажникъ и началъ
отсчитывать деньги князю. Онъ ихъ

принять отъ меня важно и съ необыкновенно благородной осанкой и, не считая, положилъ въ карманъ своихъ широкихъ штановъ.

— Ну, на радостяхъ вы имъ на чай или на водку что-нибудь дайте, сказалъ онъ по-французски, указывая на неопредѣленного вида человѣка, стоявшаго съ веревкой въ рукахъ.

Я далъ ему рубль.

— А гдѣ-жъ у нея ошейникъ? тутъ только замѣтивъ, что собака безъ ошейника, спросилъ я.

— Ошейника не было, отвѣтилъ князь. — Ко мнѣ ее доставили, по крайней мѣрѣ, безъ ошейника.

Я не сталъ уже спорить...

Привели чернаго понтера; «Танька» подскочила къ нему, и они начали нюхаться и играть.

— И этому ужъ дайте на чай, опять по-французски сказалъ князь.

Я и этому «егерю», собачьему вору, далъ тоже рубль.

— Ну-съ, а теперь я домой поѣду. Мое почтеніе, сказалъ я, протянувъ князю руку.

Онъ съ достоинствомъ пожалъ ее и замѣтилъ, зачѣмъ же мнѣ самому трудиться везти, возиться съ собаками.

— Кто-нибудь изъ нихъ, онъ кивнулъ на егерей или собачьихъ воровъ,—доставить ихъ. Вы поѣзжайте; они за вами пойдутъ.

— То-есть, какъ же? удивился я, не понимая, какъ эти егеря поспѣютъ за мной.

Но князь понялъ это мое возраженіе въ томъ смыслѣ, что я имъ не довѣрю, и началъ успокаивать меня, ручаясь даже за нихъ своимъ честнымъ словомъ. Все-таки я предпочелъ лучше взять къ себѣ на дрожки обихихъ собакъ и держать ихъ всю дорогу, чѣмъ дѣлать еще этотъ новый опытъ. Собаки, обѣ привычныя, прыг-

нули ко мнѣ на дрожки, я ихъ усадилъ, и мы, раскланиваясь, тронулись въ путь. На сверткѣ дороги я оглянулся и увидѣлъ князя и его двухъ вѣрныхъ слугъ. Они шагали, направляясь, очевидно, домой

V.

Въ концѣ лѣта, въ послѣднихъ числахъ августа, когда ночи ужъ темнѣе, вездѣ зажжены фонари и скоро закроются загородные театры, я поѣхалъ въ одинъ изъ нихъ.

Въ антрактѣ я вышелъ пройтись по саду и увидѣлъ, какъ разъ подъ однимъ изъ электрическихъ фонарей, компанію—даму и съ ней двухъ кавалеровъ, статскаго и военнаго; они громко разговаривали и смѣялись.

Я сейчасъ узналъ эту даму.

Недалеко отъ нихъ я присѣлъ къ пустому столику и спросилъ себѣ чаю. Мнѣ хотѣлось теперь рассмотреть ее хорошо. Они пили шампанское, передъ ними стояла откупоренная бутылка, покрытая салфеткой. Статскій, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести-семи, былъ съ лицомъ необыкновенно сосредоточеннымъ, мрачнымъ и въ то же время глупымъ. Военный былъ тоже еще молодой человѣкъ, но красивый и вмѣстѣ съ тѣмъ, видимо, избалованъ по части женщинъ и необыкновенно высокаго мнѣнія о себѣ. Она нѣсколько ломалась съ ними, подражая въ манерахъ французенкамъ. Статскій молчалъ и смотрѣлъ сурово, даже мрачно; я думалъ, какъ бы сейчасъ не разыгралась какая-нибудь сцена ревности; но она время отъ времени обращалась и къ статскому, заговаривала съ нимъ, послѣ чего онъ дѣлался какъ будто веселѣе и не смотрѣлъ такимъ мрачнымъ, а потомъ опять.

— Ну, говорите, какую вамъ собаку? Вы какую хотите? спрашивала она военнаго.

— Я бы хотѣлъ огромнаго водолаза... или, нѣтъ, бульдога, знаете, мышиного цвѣта, и еще лучше—бульдога полосатаго, тигроваго цвѣта, желтаго съ чернымъ; есть такіе?

— Или! или! Вы говорите, какого же хотите? Она передразнила его, подчеркивая слово «или».—Или вы сами не знаете, чего вы хотите?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, лучше бульдога.

— Ну, бульдога, такъ бульдога. Полосатаго?

— Такъ, тигроваго.

— Хорошо.

— Откуда же вы возьмете?

— Это ужъ мое дѣло. А за цѣной вы не постоите?

— То-есть какъ? спросилъ офицеръ.

— Ну, однимъ словомъ, заплатите хорошо?

— Что будетъ стоить—заплачу. Ну, больше ничего. А вы откуда достанете? приставалъ офицеръ.

— Это ужъ не ваше дѣло.

— Я хочу знать.

— Хочу знать—скажите, пожалуйста!

— Когда же вы говорите, какую угодно собаку, значить, вы знаете такое мѣсто, гдѣ ихъ можно достать, отчего же вы не скажете?

— Не хочу.

— Скажите! протянулъ офицеръ.

Въ это время раздался звонокъ, извѣщавшій, что антрактъ кончился, и въ театрѣ сейчасъ начнется представленіе. Статскій поманилъ пальцемъ лакея, рассчитался съ нимъ, и они встали. Дама поправила на себѣ дорожную, длинную модную накидку, при чемъ офицеръ помогалъ ей; затѣмъ она взяла руку статскаго и, опираясь на него, пошла въ театръ; офицеръ за ними. Я тоже пошелъ въ театръ.

Они сидѣли вмѣстѣ въ ложѣ, наискосокъ отъ меня, и я могъ свободно все время видѣть ее. Она продолжала

и въ театрѣ вести себя точно такъ же. Офицеръ наклонился къ ней, что-то рассказывалъ, она смѣялась, отстраняла его кружевнымъ зонтикомъ со складной ручкой, который держала въ рукѣ, и все время играла съ нимъ глазами, на что статскій смотрѣлъ съ серьезнымъ и мрачнымъ сосредоточеннымъ видомъ.

Когда театръ кончился, и всѣ начали разъѣзжаться,—я опять увидѣлъ ихъ всѣхъ трехъ на подьѣздѣ. Они дожидались своего экипажа, и въ ожиданіи она болтала съ офицеромъ, опираясь на руку мрачнаго статскаго, видимо, терпящаго терпѣніе, потому что онъ нѣсколько разъ спрашивалъ разсылныхъ у подьѣзда, скоро-ли подадутъ ихъ экипажъ. Наконецъ, карета въ шорахъ подьѣхала къ подьѣзду; она простилась съ провожавшимъ ее офицеромъ, что-то сказала ему и вскочила въ карету. Сухо простился со своимъ соперникомъ мрачный статскій, неуклюже усаживаясь вслѣдъ за ней тоже въ карету. Дверца хлопнула, и сильныя, ужъ знакомыя мнѣ, рыжія лошади съ мѣста тронули полной рысью.

— Эта? спросилъ офицера его товарищъ, другой офицеръ.—Ничего!

— Ничего, передразнилъ онъ.—Понимаешь ты тутъ развѣ что-нибудь!

— И потомъ, ей ужъ лѣтъ тридцать, даже больше.

— Что изъ этого?

— Какъ—что?

— Знаешь, это противно даже слушать! Ничего ты не понимаешь въ женщинахъ, а берешься тоже судить.

Я не разслышалъ, что тотъ ему отвѣтилъ, потому что они оба повернули опять обратно въ садъ.

Ночь была отличная, лунная. Я гнѣшкомъ пошелъ къ себѣ домой на дачу. Дома мнѣ сказали, что сегодня вечеромъ, сейчасъ, какъ я ушелъ, какой-то человѣкъ отворилъ съ улицы

калитку въ палисадникъ, подманить къ себѣ одного изъ таксиковъ и уже началъ было привязывать его за ошейникъ на веревку, какъ изъ дома выбѣжали, и тогда неизвестный бросился наутекъ, скрылся на улицу. Мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что князь хвалилъ моихъ таксиковъ и все разспрашивалъ у меня, откуда они, гдѣ я ихъ досталъ. Но, вспоминая объ этомъ, мнѣ пришла также на мысль его жена: «можетъ, это по ея заказу для другого какого офицера хотѣли своровать у меня такса», невольно подумалъ я.

VI.

Нѣсколько дней спустя, послѣ обѣда, когда набѣгали ужъ сумерки, я сидѣлъ съ однимъ пріятелемъ у себя на дачѣ въ садикѣ на террасѣ, которая у меня выходитъ на улицу. Съ нами была и моя Танька, ни на шагъ не отстающая отъ меня дома. Вдругъ она отчаянно залаяла и кинулась къ ограду, отдѣлившей садикъ отъ улицы. Я поглядѣлъ туда и увидалъ того самаго неопредѣленнаго вида человѣка, егери или собачьяго вора, на попеченіи котораго была Танька, когда она находилась въ плѣну у князя; онъ пробирался вдоль самой рѣшетки, очевидно, не замѣчая ни меня, ни моего знакомаго, сидѣвшихъ на террасѣ, — именно не шель, а пробирался, заглядывая въ садъ.

— Эй, послушайте, почтеннѣйшіи! Вы что тутъ дѣлаете? крикнулъ я.

Онъ быстро обернулся, снялъ фуражку и съ самымъ невиннымъ выраженіемъ въ лицѣ подошелъ ко мнѣ.

— Вы что же тутъ дѣлаете?

Онъ вмѣсто отвѣта показалъ мнѣ коробку съ папиросами.

— Князь посылали въ табачную.

— Это откуда, оттуда?

— Они вотъ тутъ на скамеечкѣ.

Они на скамеечкѣ присѣли, а меня

послали: «сходи, Егорка, купи папиросъ».

— А кто это на-дняхъ являлся сюда и чуть было таксика не украсть у меня? Смотрите! Я, вѣдь, не стану больше шутить; вы теперь, если что, не раздѣляетесь; я, вѣдь, знаю теперь все о васъ; я ваше гнѣздо разорю! Смотрите! Вы лучше не трогайте меня!

Неопредѣленнаго вида человѣкъ нерѣшительно оправдывался, отпѣкивался, говорилъ, что онъ тутъ ни при чемъ, знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ.

— Пойдемте, я вамъ главнаго собачьяго вора покажу; хотите? спросилъ я моего знакомаго.

Мы заперли калитку и пошли туда, на берегъ Невы, гдѣ, по указанію неопредѣленнаго вида человѣка, сидѣлъ князь, въ ожиданіи, пока ему принесутъ папироски. Неопредѣленнаго вида человѣкъ пошелъ за нами, болтая что-то о собакахъ, о томъ, что онъ вовсе даже и не любитъ ихъ, и пр.

— Это я вижу, что вы ихъ не любите: если бы вы ихъ любили, Танька не бросилась бы на васъ, какъ только почувяла васъ; какъ почувяла, такъ сейчасъ и заметалась.

— Ей Богу-жъ, я ходилъ за ней хорошо; она у насъ все время на двойномъ паикѣ была, оправдывался онъ.

На берегу, дѣйствительно, мы скоро увидали князя, сидящаго на скамейкѣ.

Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ у его ногъ бульдога тигроваго цвѣта, полосатаго, чернаго съ желтымъ, какъ разъ такого, какого заказывалъ нѣсколько дней назадъ его женѣ красивый офицеръ. Это совпаденіе невольно приходило въ голову; связь очевидная у нихъ была, она доставляла ему практику, устраивала заказы, сбывать.

Увидавъ меня, князь очень изумился, особенно, вида при этомъ и

своего человѣка; онъ даже какъ будто смутился, вѣроятно, отъ предположенія, что ужъ не былъ-ли этотъ его человѣкъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, признался, что онъ, князь, здѣсь, и я иду теперь къ нему съ жалобой.

Онъ поднялся со скамейки и вопросительно смотрѣлъ на меня.

— Здравствуйте, князь, сказалъ я, протягивая ему руку.—Я узналъ, что вы здѣсь, и съ просьбой къ вамъ.

Онъ внимательно слушалъ меня, замѣтно успокоенный моимъ дружелюбнымъ тономъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, продолжалъ я,—три-четыре дня назадъ ко мнѣ въ садикъ забрался кто-то и хотѣлъ, было, увести одного моего таксика, ужъ привязалъ на веревку, но его увидали...

Князь покачалъ головой: дескать, скажите, пожалуйста, какая наглость!

— А вотъ сейчасъ этотъ человѣкъ, продолжалъ я,—что-то очень внимательно расхаживалъ вокругъ моего забора.

— Я ничего-съ, попробовалъ возразить неопредѣленнаго вида человѣкъ, но князь цыкнулъ на него, и тотъ замолчалъ.

Князь опять пожалъ плечами и покачалъ головой.

— Я его за папиросками послалъ въ лавочку, сказалъ онъ.—А, народъ какой! Ну, что вы съ такимъ пародомъ подѣлаете! Пошлешь за папиросками, а онъ вотъ что!

Этотъ оборотъ, какой онъ далъ моему заявленію, былъ очень хорошъ; но я продолжалъ съ серьезнымъ лицомъ:

— А вы, князь, ужъ, пожалуйста, прикажите имъ оставить меня въ покоѣ. Вѣдь, если что, вы не раздѣляетесь со мной; я многое, очень многое знаю, многозначительно сказалъ я,—и прошу васъ гарантировать непремѣнно мнѣ неприкосновенность.

— Да, Боже мой!

— Ну, такъ пожалуйста.

Онъ былъ очень доволенъ, что все кончилось такъ благополучно, мирно и разсыпался въ увѣреніяхъ и любезностяхъ.

— А что мой понтерокъ? спросилъ онъ потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ничего, живеть.

— На охотѣ еще не были съ нимъ?

— Нѣтъ.

— Удивительный! Вѣкъ будете благодарить за него.

— А это что за собака у васъ? спросилъ я, указывая на лежавшаго возлѣ его погъ тигроваго бульдога.

— Это вотъ одной дамы.

— Что наемдни привѣзжала, когда я у васъ былъ?

Онъ быстро обернулся, взглянулъ на меня и сказалъ:

— Да. А вы ее знаете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.—Видѣлъ тогда у васъ въ окно.

— Просила подержать у себя нѣсколько дней. Хорошъ очень бульдогъ. Главное, рубашка, цвѣтъ очень рѣдкій. Завтра, послѣзавтра, должно-быть, пришлетъ за нимъ.

— Это у нея своего завода?

— Нѣтъ, это ей по Варшавской дорогѣ привезли.

— Князь, сказалъ я,—вы все знаете. Какъ это здѣшнихъ собакъ отправляютъ въ Москву и по Варшавской дорогѣ, а тѣхъ сюда? Значить, это цѣлая организованная торговля?

Онъ посмотрѣлъ на меня, потомъ на моего знакомаго, внимательно его слушавшаго и разсматривавшаго, и спокойно, чуть-чуть улыбаясь, отвѣтилъ:

— Я не знаю. Вѣроятно, такъ.

— И это, должно-быть, выгѣдное дѣло?

— Должно-быть, если занимаются имъ. Однако, поздно ужъ, добавилъ

онъ съ улыбкой.—А мнѣ еще далеко идти, я, вѣдь, пѣшкомъ хожу сюда отъ себя.

Я повторилъ еще разъ мою просьбу насчетъ неприкосновенности своей.

Онъ не далъ даже говорить мнѣ:

— Будьте увѣрены. Я имъ задамъ...

И вслѣдъ затѣмъ, сдѣлавъ намъ общій поклонъ, съ важной и гордой осанкой пошелъ по дорогѣ вдоль берега.

VII.

Хоронилъ я весной одну свою землячку, которая была здѣсь на курсахъ. Я зналъ ее, когда она была еще дѣвочкой лѣтъ пяти-шести. Потому она была въ гимназій, кончила тамъ и поступила на курсы. И вотъ мы ее теперь хоронили. Это очень тяжелая драма, которой я не буду здѣсь разсказывать.

Весна была еще ранняя; снѣгъ стоялъ, но еще не весь, и на улицахъ была грязь. Печальная процессія тянулась по Среднему проспекту Васильевскаго острова, направляясь на Смоленское. Какъ всегда бываетъ это съ бѣдными похоронами, гробъ везли скорѣе обыкновеннаго, и на углу Девятой или Десятой линіи мы нагнали другую процессію, тоже направляющуюся туда же, но болѣе богатую, съ газетовымъ гробомъ, съ багдахиномъ, хотя и неважнымъ, но все-таки съ перьями, съ фонаричками и съ духовенствомъ впереди. Избѣгая грязи, я шелъ по тротуару. Когда мы нагнали эту вторую процессію, поневолѣ и мы пошли тише, а провожавшіе этого передняго покойника смѣшались съ нами, такъ какъ, тоже избѣгая грязи, шли по обоимъ тротуарамъ. Впереди, шагахъ въ пятидесяти, шла какая-то дама, вся въ глубокомъ траурѣ, и съ нею дѣвушка, гораздо ниже ея ростомъ, тоже вся въ траурѣ. Такъ мы прошли ужъ довольно. Я видѣлъ ихъ издали, но не видѣлъ съ лица, такъ какъ онѣ не оглядыва-

лись. За ними ѣхала карета въ шорахъ, мѣрно покачиваясь на выбоинахъ и на кучахъ не убраннаго и не стаявшаго еще снѣга. Вдругъ возлѣ себя я увидѣлъ знакомую фигуру, увидалъ и сталъ всматриваться: это былъ тотъ неопредѣленнаго вида человекъ, котораго я въ первый разъ видѣлъ съ моей собакой и потомъ у своего забора, когда онъ подозрительно заглядывалъ въ мой садикъ. Онъ тоже сразу узналъ меня, потому что снялъ фуражку и поклонился. Онъ не отставалъ, не опережалъ: очевидно, тоже шелъ за покойникомъ.

— Вы провожаете кого-нибудь? спросилъ я.

Впереди видѣлся еще третій покойникъ.

— Какъ же-съ; вонъ, князя, отвѣтилъ онъ.

— Какъ—князя! воскликнулъ я.

— Скончались они, третьяго дня скончались.

Это было какъ-то неожиданно, или мысли мои были далеко въ это время, но я никакъ не могъ освоиться съ этой новостью.

— Отчего-жъ онъ умеръ? Долго болѣлъ?

Неопредѣленнаго вида человекъ замаялся немного, но потомъ сказалъ:

— На другой день послѣ того, какъ эта исторія у нихъ съ однимъ баринномъ вышла, и онъ ихъ помялъ тогда.

— Какая исторія?

— А все тутъ изъ-за собакъ.

— Баринъ его за что же помялъ? Поймалъ его?

— Поймалъ. Никанорку изволили знать, котораго къ вамъ прислали съ извѣстіемъ, что Танька ваша у насъ? Такъ вотъ они съ нимъ, князь-то, пошли на работу, да и наскочили; оказались, ужъ ихъ поджидали. Ну, Никанорка-то отдышетъ, должно-быть; а князю-то больше подало, они не пере-

несли, ночь всю пострадали, какъ ихъ доставили домой, а къ утру третьяго дня и Богу душу отдали.

— Это ужасъ!

— Да, вѣдь за это рукоделие, продолжалъ неопредѣленнаго вида человекъ,—все одно, какъ за конокрадство, смертнымъ боемъ бьютъ. Оно, точно, выгодно, но ужъ если попался—бѣда.

Я посмотрѣлъ на него; онъ мнѣ показался такой блѣдный, къ тому же кашлянулъ.

— А вы попадались когда-нибудь? спросилъ я.

— Грѣха что таить, три раза былъ въ передѣлкѣ; два-то раза такъ себѣ, а одинъ—здорово подало; грудь съ тѣхъ поръ болитъ воть у меня.

Мы прошли, молча, нѣсколько шаговъ.

— Это что-жъ, жена его идетъ впереди?

— Жена-съ.

— И дочь?

— И дочь. Она еще съ осени ее къ себѣ взяла. Какъ она ее взяла, князь еще больше началъ пить и еще отчаяннѣе стали, на всякій рискъ пошли. Извѣстно, когда выпьетъ человекъ, онъ

ужъ ни о чемъ не думаетъ, не соображаетъ, не боится ничего.

Мы еще прошли, молча.

— Вотъ теперь, такъ безъ мѣста насъ трое и осталось, продолжалъ неопредѣленнаго вида человекъ.—Занятій искать какихъ себѣ—одежишки нѣтъ приличной, а такъ кто же возьметъ. У васъ нѣтъ-ли какого мѣстечка; у знакомыхъ, можетъ, есть; порекомендовали бы, оправдаю рекомендацію.

Когда послѣ похоронъ я сѣлся на извозчика, чтобы ѣхать съ кладбища, онъ опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— У меня къ вамъ дѣло-съ.

— Какое?

— Дѣйствительно, куда ужъ тамъ рекомендовать меня! А если бы милость ваша была, дали бы теперь на поминъ души князя сколько-нибудь. Признаться, ни копейки не имѣю при себѣ; не знаю, гдѣ даже ночь эту ночевать.

Я далъ ему сколько-то мелочи.

«Въ своемъ родѣ все-таки, значить, столпъ былъ, давалъ людямъ опору, положеніе; рухнулъ—и они безъ него не знаютъ, что дѣлать, сиротами остались», рассуждалъ я дорогой на извозникѣ.

ПОЗДНЯЯ БАБОЧКА.

Стихотвореніе А. М. Федорова.

Ея явленье было тайно,
Какъ грѣза свѣтлая въ бреду,
Въ морозный зимній день, слу-
чайно,

Я видѣлъ бабочку въ саду,—
Быть-можетъ, пламенное лѣто
Малютка тихо проспала,
Личинкой теплою одѣта,
На днѣ глубокаго дупла.

Но садъ теперь, какъ вѣшнимъ цвѣ-
томъ,

Сребристымъ инеемъ покрытъ,
И съ бодрымъ, ласковымъ привѣтомъ
На вѣтви бабочка летитъ...
Сверкаетъ солнце въ искрахъ снѣга,
Вокругъ—нѣмая тишина,
А ей?—Ей, юной, снится нѣга,
Цвѣты, подруги и весна!...

Расплата.

Рассказ Франсуа Коппе.

Переводъ съ французскаго.

I.

Чортъ побери, что за холод!

Туманъ сгустился до того, что, казалось, можно было рѣзать его ножомъ; настоящій рождественскій туманъ! Газовые рожки, зажженные несмотря на раннее время дня,—было всего четыре часа пополудни,—бросали желтоватый отблескъ на тротуары, по которымъ, словно тѣни, мелькали прохожіе, засунувъ руки въ карманы, поднявъ воротники пальто и притоптывая ногами.

Кашляли они, чихали. Катарръ царилъ на всемъ протяженіи Шоссе д'Антенъ. Гм! Гм! Чхи!.. Извозчикъ, ежившійся подъ своимъ теплымъ плащомъ, модистка, дрожавшая въ легкой жакеткѣ съ воротникомъ изъ фальшиваго барашка, уличный мальчишка въ толстомъ кашне, грѣвшій руки у жаровни продавцовъ каштановъ, модный франтъ въ тяжелой шубѣ,—все платили дань бронхиту и насморку.

Въ такіе туманные зимніе дни пріятнѣе всего сидѣть дома. Этого мнѣнія придерживался и аббатъ Муланъ, старый викарій церкви Св. Троицы. Въ своемъ скромномъ помѣщеніи, въ третьемъ этажѣ одного изъ домовъ улицы Клиши, онъ сладко дремалъ за чтеніемъ требника, положивъ ноги на каминную рѣшетку.

Превосходный человѣкъ былъ этотъ аббатъ Муланъ, хотя совершенный простакъ, который, какъ говорится, не выдумалъ бы пороха. Съ его слѣпою вѣрою и устарѣлыми добродѣтелями, являлся онъ исключеніемъ среди парижскаго духовенства, вообще, ловкаго, свѣтскаго, почти свѣтскаго. У аббата Мулана долгое время былъ приходъ въ предместьи, и тамъ, въ кварталахъ, населенныхъ бѣдняками, проявлялъ онъ свое безхитрое высокое милосердіе. Когда его родовое наслѣдіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ франковъ годовой ренты, истощилось до послѣдней копейки, онъ сталъ дѣлать долги, съ которыми было трудно развязаться. Въ высшихъ сферахъ надъ нимъ подсмѣивались, но въ то же время его уважали, и когда онъ очутился окончательно

безъ гроша, его пожалѣли и назначили викаріемъ въ богатый приходъ Троицы, гдѣ, по крайней мѣрѣ, въ виду частыхъ приглашеній на обѣды къ состоятельнымъ прихожанамъ, онъ не рисковалъ умереть съ голода. Старый пастыръ отнесся къ своему новому назначенію довольно равнодушно, хотя поспѣшилъ принести за него епископу свою всепокорнѣйшую благодарность. Теперь, разъ въ недѣлю, онъ обѣдалъ за столомъ богатаго мѣнялы, другой разъ у аукціонера, жена и дочери котораго отличались благочестіемъ. Одна бывшая опереточная пѣвица, оставившая сцену вслѣдствіе своей все увеличивающейся дородности, также разъ въ недѣлю приглашала его; она, какъ замѣтная примадонна, переживала ту пору жизни когда сильно пожившая женщина обращается уже въ ханжу.

Аббатъ отнюдь не былъ гастрономомъ, и въ глубинѣ души сожалѣлъ о своей прежней пастырѣ, о трипичникахъ въ Бюль-о-Кайль, которыхъ еще такъ недавно ежедневно вечеромъ обходилъ съ большою, точно кухарка, корзиной на рукѣ, рассыпая на своемъ пути, какъ изъ рога изобилія, сахаръ, кофе, шерстяные чулки, фланелевыя фуфайки, лѣкарства и другія полезныя вещи. И каждое утро, просыпаясь, онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на висѣвшее въ его спальнѣ надъ наломъ распятіе, сдѣланное изъ раковинъ,—подарокъ на память отъ его трипичниковъ.

Конечно, аббатъ былъ очень скоро понятъ и оцененъ своимъ духовнымъ начальствомъ въ лицѣ виднаго, представительнаго настоятеля церкви Св. Троицы, человѣка лѣтъ подъ пятьдесятъ, который съ манерами прелата соединялъ все преимущества *habitué* аристократическихъ салоновъ и въ молодости прославился своимъ поразительнымъ сходствомъ съ однимъ знаменитымъ актеромъ:—почтенный служитель церкви тотчасъ же удалилъ аббата—ораторское краснорѣчіе котораго было нѣсколько тяжеловѣсно—съ каедедры и запрягъ его въ ярмо многотрудныхъ будничныхъ обязанностей, въ родѣ преподаванія катехизиса, проводовъ покойниковъ, раннихъ и позднихъ обѣдней.

Въ прошломъ году еще аббатъ Муланъ жилъ среди своей бывшей паствы, трипичниковъ, которые, несмотря ни на какія бѣдствія, размножились, какъ кролики, и на Рождество истратилъ послѣдніе гроши на покупку ихъ дѣтямъ полезныхъ подарковъ—бѣлья и обуви. Въ этомъ году кошелекъ его былъ пустъ, и пришлось ему отказаться отъ этой радости.

На послѣднемъ обѣдѣ у жены аукціонера, гдѣ подавались чудесные омары, и у отставной примадонны, гдѣ пили только шампанское высокой марки, Муланъ попытался, было, за жаркимъ возбудить состраданіе гостей къ маленькимъ трипичникамъ, но, взявшись за это крайне неумѣло, потерпѣлъ неудачу.

Волей-неволей онъ былъ принужденъ мириться съ мыслью, что уже нечѣмъ ему быть полезнымъ своимъ старымъ друзьямъ. Не удастся ему даже отнести конфетку съ десертнаго стола жены аукціонера хотя бы пяти сироткамъ, которыхъ подобрала старая бабушка, торговка въ улицѣ Крульбарбъ, ни даже принести бутылку стараго вина маленькой анемичной Селестѣ, дочери востоника Жюля, которая нуждается въ этомъ винѣ, конечно, гораздо больше, чѣмъ толстая отставная пѣвица, рисковавшая каждый день умереть отъ апоплексіи. Нечего и думать теперь о бракѣ между Александриной, работавшей фальшивые жемчуга въ улицѣ Ферья-Муланъ, и Жозефомъ, обжитавшимъ торфѣ въ улицѣ Арбалетъ. Если онъ, аббатъ, у котораго они обручились, не добудетъ имъ, какъ можно скорѣе, нѣсколькихъ сотъ франковъ для перваго обзаведенія, то влюбленная парочка способна обойтись безъ церковнаго благословенія... Этого только недоставало!

Аббатъ Муланъ размышлялъ именно объ этомъ грустнымъ обстоятельстве, когда громкій звонокъ у входныхъ дверей вдругъ заставилъ его очнуться. Онъ не держалъ прислуги, самъ убиралъ себѣ постель и довольствовался тѣмъ, что привратница иногда являлась стирать пылъ въ его комнатѣ. Онъ поспѣшно всталъ и съ лампой въ рукахъ пошелъ отпереть двери. Передъ нимъ очутился высокій плотный господинъ въ дорожномъ плащѣ съ двойною пелериной, въ широкополой войлочной шляпѣ и съ замѣтельно рѣшительнымъ лицомъ, обрамленнымъ длинною сѣдою бородой безъ усовъ, по американской модѣ.

— Я имѣю честь видѣть господина аббата Мулана? спросилъ посетитель, снимая шляпу.

— Рекомендуюсь: Адамъ Гаррисонъ изъ Чикаго, торговецъ соленой свининой. Прошу васъ, господинъ аббатъ, принять и выслу-

шать меня. Не извольте пугаться моей длинной бороды и довольно дикою наружности, прибавилъ онъ, желая успокоить хозяина, видимо смущеннаго его неожиданнымъ визитомъ.— Вы, безъ сомнѣнія, охотно окажете мнѣ маленькую услугу, о которой я намѣренъ васъ просить, а я, чтобы не остаться въ долгу, не забуду вашихъ бѣдныхъ.

Послѣднія слова сразу подѣйствовали на аббата. Онъ ввелъ въ комнату и подвинулъ ему къ огню кресло.

— Прежде всего сядемте, заговорилъ онъ съ радушною улыбкой,—и потрудитесь объяснить мнѣ, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ. Американецъ услыхъ, не заставляя себя просить, бросилъ шляпу на коверъ, разстегнулъ плащъ и, скрестивъ ноги, приблизилъ къ огню свои тяжелые башмаки на двойныхъ подошвахъ. Потомъ, послѣ небольшого молчанія, онъ вдругъ спросилъ:

— Вы въ самомъ дѣлѣ принимаете меня за американца?

Только теперь аббатъ замѣтилъ, что его гость говорилъ по-французски безъ малѣйшаго иностраннаго акцента.

— Но... началъ, было, онъ.

— Видите-ли, прервалъ незнакомецъ,—дѣло въ томъ, что хотя я, дѣйствительно, живу въ Чикаго и прямо прибылъ отсюда сегодня вечеромъ съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Гавра, хотя я, дѣйствительно, торгую соленой свининой, но зовутъ меня не Адамъ Гаррисонъ. Это, такъ сказать, мой псевдонимъ. Я лучше сразу покажу вамъ свои карты, это будетъ проще. Я Ренодель... бывший банкиръ въ улицѣ Фобуръ-Сентъ-Оноре, тотъ самый Ренодель, который въ 1886 году бѣжалъ съ кассой и заочно приговоренъ судомъ къ двадцати годамъ тюремнаго заключенія.

Аббатъ Муланъ съ невольнымъ страхомъ отодвинулъ свой стулъ подальше.

— Вы знаете меня, господинъ аббатъ, хотя никогда не видали, продолжалъ банкиръ,—вы были духовникомъ моей покойной жены... Если бы она жила, я, быть-можетъ, остался бы честнымъ человѣкомъ... Я былъ вдовцомъ уже три года, когда совершилъ преступленіе, о которомъ вы, навѣрно, слышали, такъ же какъ и о приговорѣ суда.

Аббатъ, молча, утвердительно кивнулъ головой.

— И я также зналъ васъ заочно. Моя бѣдная Юлія часто рассказывала мнѣ о своемъ аббатѣ Муланѣ, священникѣ трипичниковъ. Поэтому, зная васъ за добраго и честнаго человѣка, неспособнаго меня выдать, я явился къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ. Ошибся я или нѣтъ?

Минимый американецъ всталъ и устремилъ

на аббата пристальный «стальной» взгляд. Он уже не был похож на финансиста, но скорее на одного из тех искателей приключений, которые при малейшем поводе хватаются за нож или за револьвер.

Довѣрие такого господина, было вовсе не лестно аббату, и он не знал, что отвечать.

— Конечно, вамъ нечего меня опасаться, началъ, было, онъ.—Мое званіе... моя обязанность... предписываютъ мнѣ самое широкое милосердіе... Но чѣмъ, собственно, я могу вамъ служить?

Ренодель не могъ удержаться отъ улыбки: — Признайтесь лучше прямо, господинъ аббатъ, что мое посѣщеніе доставляетъ вамъ мало удовольствія, и что вы меня считаете отвѣтственнымъ негоднемъ.

— Вы смѣтаетесь, сударь, отвѣтилъ, не смотря на свою природную робость, старикъ, — но развѣ я не имѣю права помнить, что вы совершили очень дурной поступокъ, разорили нѣсколько семействъ и надѣлали много зла?

— Но если я явился сюда, чтобы исправить все это! И бывший банкиръ, вынуждъ изъ кармана бумажникъ, положилъ его на столъ рядомъ съ требникомъ аббата.

— Въ этомъ бумажникѣ, продолжалъ Ренодель,—заключается въ переводныхъ векселяхъ на первые парижскіе банки два миліона двѣсти восемьдесятъ три тысячи сто пятьдесятъ три франка, что, вмѣстѣ съ процентами на капиталъ, составляетъ какъ разъ ту сумму, которую я долженъ четверемъ моимъ самымъ крупнымъ вкладчикамъ. Эти деньги предназначаются имъ; больше мелкихъ кредиторовъ я уже удовлетворилъ по почтѣ. Отъ васъ, господинъ аббатъ, я жду вотъ какой услуги: возьмите этотъ бумажникъ, и я дамъ вамъ адреса моихъ четырехъ кредиторовъ, которые я узналъ въ Чикаго черезъ справочную контору. Я останусь здѣсь, у васъ, поддерживать огонь въ каминѣ и съ вашего позволенія выкурю сигару. Вы же сядете въ мою карету,—извозчикъ повезетъ васъ хорошо, онъ заранѣе получилъ отъ меня на чай фундуръ,—и поѣдете по адресамъ; вашъ санъ дастъ вамъ свободный доступъ всюду. Вы вручите четверемъ лицамъ мои векселя, не сообщая имъ о томъ, что я въ Парижѣ, и получите взаменъ расписки, уже заготовленные для подписи въ томъ же бумажникѣ. Когда вы ихъ привезете подписанными, а въ той же каретѣ уѣдете на вокзалъ Сентъ-Лазарь, чтобы поспѣть на отходящій въ полночь въ Гавръ курьерскій поѣздъ. Мои вещи останутся въ Гаврѣ на храненіи у станціоннаго сторожа. Завтра утромъ, въ половинѣ девятаго, отходить трансатлантическій пароходъ «Нор-

мандія», который навсегда увезетъ меня въ Новый Свѣтъ. Ваши бѣдные получатъ тысячу франковъ. Согласны вы?

Аббатъ совершенно растерялся. Что за диво! Во-первыхъ, въ его квартирѣ воръ, и они мирно бесѣдуютъ вдвоемъ у каміна, какъ старые пріятели; и при этомъ гость его, мошенникъ, кандидатъ въ каторжники, вдругъ является, чтобы вернуть своимъ кредиторамъ весь долгъ до послѣдней копейки, и милліоны дождемъ льются изъ его кармана. А главное—тысяча франковъ для бѣдныхъ. Тысяча франковъ! Да на это можно задать роскошный пиръ всѣмъ трипичникамъ Бюти-о-Кайль, одѣть съ ногъ до головы пять сиротъ въ улицѣ Крульбарбъ, оставивъ каждому про запасъ по двадцати франковъ, обезпечить на всю жизнь маленькой большой Селестѣ пріемы рыбаго жира и хиннаго вина, и соединить предъ алтаремъ Богоматери, подъ торжественные звуки органа, Александрину и Жозефа!..

Нѣтъ, этого быть не можетъ... Аббатъ всталъ съ кресла, чтобы убѣдиться, что все это наяву.

— Согласны вы? повторилъ Ренодель.

— И вы можете еще спрашивать? удивился Муланъ. — Исправить сдѣланное зло, вернуть состояніе разореннымъ вами людямъ, да это такой чудесный поступокъ... И я, разумеется, готовъ...

Но внезапно мелькнувшее сомнѣніе остановило достойнаго священника. Откуда эти деньги? Каковъ источникъ ихъ полученія? Безъ сомнѣнія, онъ не чистый, быть-можетъ, даже кровью пахнетъ. Быть-можетъ, этотъ экс-банкиръ, съ пошибомъ разбойника, во главѣ шайки краснокожихъ съ оринными перьями въ прическѣ и кольцами въ носу, ограбилъ какой-нибудь поѣздъ и скальпировалъ всѣхъ пассажировъ?..

— Однако... извините меня... Позвольте предложить вамъ нескромный вопросъ... запынаясь, проговорилъ аббатъ.—Эти два миліона, эта огромная сумма... какъ она вамъ досталась?

— Вполнѣ честнымъ путемъ, безъ колебанія отвѣчалъ Ренодель,—разумеется, по-американски, другими словами — трудомъ, смѣлостью и терпѣніемъ. Эти два миліона и еще небольшой запасной капиталъ, оставленный мною дома для продолженія моего дѣла, я приобрѣлъ исключительно благодаря торговлѣ соленой свинойной; они принадлежатъ мнѣ на самомъ законномъ основаніи. Сказавъ вамъ, что я бѣжалъ съ кассой, я выразился невѣрно: я бѣжалъ лишь тогда, когда касса была совершенно пуста. Какъ я, вообще, дошелъ до этого? Представьте себѣ человѣка, терпющаго обожаемую жену,

который хочетъ забыться, подавить свое горе, и который, утративъ всякій интересъ къ жизни, ищетъ забвенія въ кутежахъ. Можете себѣ представить мою безутную жизнь, мою безумную расточительность... Разъ затронуты деньги вкладчиковъ, остается только попытаться счастья на биржѣ, гдѣ рискуешь или вдвойнѣ наверстать потерянное, или потерять все... И я кончилъ послѣднимъ. Но все равно. Вѣрте только, господинъ аббатъ, что, когда я сошелъ съ парохода на набережную Нью-Йорка съ моимъ маленькимъ сыномъ на рукахъ,—у меня есть восьмилѣтній сынъ, рожденіе котораго стоило жизни его матери,—въ моемъ карманѣ не было двадцати франковъ. Нѣтъ, не краденными деньгами началъ я вновь созидать свое состояніе. Деньги, находящіяся въ этомъ бумажникѣ, заработаны честно, за это я вамъ ручаюсь. Но въ вашихъ глазахъ я все еще вижу сомнѣніе. Будете со мною откровенны, не стѣсняйтесь, я выслушаю все.

— Хорошо, пусть будетъ такъ! отвѣтилъ аббатъ.—Простите, если я васъ оскорбляю, но вы такъ мало похожи на кающагося грѣшника... Я бы желалъ знать, что именно побудило васъ вернуть деньги?

— Вы несколько меня не оскорбляете. Вотъ видите, въ прошломъ году въ это время я былъ очень далекъ отъ мысли разыскивать своихъ кредиторовъ. Я спокойно жилъ въ Америкѣ подъ именемъ Гаррисона, выдавая себя за англичанина, воспитаннаго въ Марселѣ. Съ Европой у меня все было покончено, я началъ новую жизнь, и счастье мнѣ улыбалось. Я уже обладалъ большимъ состояніемъ и говорилъ себѣ: все идетъ хорошо! Ренодель умеръ, да здравствуетъ Гаррисонъ! Какъ вы совершенно вѣрно замѣтили, я отнюдь не былъ кающимся грѣшникомъ, угрызения совѣсти тревожили меня весьма мало. Удивительно, какъ скоро забываеся прошлое. Къ тому же, признаюсь вамъ съ сожалѣніемъ, я человѣкъ вовсе не вѣрующій; и тѣмъ не менѣе, если честность во мнѣ проснулась, то лишь благодаря прошлогоднимъ рождественскимъ праздникамъ.

Священникъ, видимо, удивленный, поднялъ голову.

— Вы знаете, продолжалъ Ренодель,—какое значеніе имѣетъ Рождество для англичанъ и американцевъ. Въ прошломъ году жена одного куца въ Чикаго, съ которымъ у меня были дѣла, устроила дѣтскій вечеръ, куда я повезъ моего Виктора. Долженъ вамъ сказать, что, несмотря на извращеніе моихъ лучшихъ чувствъ, одно, по крайней мѣрѣ, осталось нетронутымъ, это любовь къ сыну. Я обожаю моего мальчика, который напоми-

наетъ мнѣ покойную жену и то время... когда еще моя совѣсть была чиста. Виктору теперь восемь лѣтъ, онъ уже маленькой мужчиной, но я ухаживаю за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, и каждый вечеръ самъ укладываю его въ постельку. На елкѣ онъ игралъ съ другими дѣтьми, а я изъ-за чайнаго стола смотрѣлъ на него и былъ счастливъ его радостью. Хотя я не религіозенъ, но этотъ рождественскій праздникъ христіанъ, этотъ дѣтскій праздникъ, во время котораго счастье малютокъ отражается на помятыхъ жизнью зрѣлыхъ людяхъ, имѣлъ для меня большую прелесть. Въ первый разъ за всѣ долгіе годы моего лихорадочнаго существованія я былъ растроганъ до глубины души и испытывалъ какое-то давно-давно забытое смутное и сладостное чувство... Въ эту минуту маленький Тотто влѣзъ ко мнѣ на колѣни и положилъ головку на мое плечо. Онъ вдоволь наигрался, и ему хотѣлось спать. Конечно, у меня былъ для него приготовленъ на слѣдующее утро подарокъ, и, унося его съ вечера домой, я шепнулъ ему на ухо: «Смотри, не забудь положить твои башмаки въ каминъ». Онъ открылъ сонные глаза и отвѣчалъ: «Не забуду, папа... И знаешь, мнѣ хочется, чтобы Младенецъ Христовъ привнесъ мнѣ янчикъ съ оловянными солдатиками въ красныхъ штанахъ, какъ тѣ живые, что я видѣлъ въ большомъ саду, когда былъ совсемъ маленькимъ и гулялъ съ няней. Помнишь, этотъ большой садъ, гдѣ много статуй, и деревья въ зеленыхъ кадкахъ? Еще мы туда шли по улицѣ съ арками, помнишь? Я тогда носилъ юбки, какъ дѣвочка, и меня звали Тотто Ренодель...» Проговоривъ это, утомленный ребенокъ заснулъ. Я помергивалъ, дрожа пробѣжала по моему тѣлу. Викторъ, которому во время нашего бѣгства было всего четыре года, помнилъ свое раннее дѣтство и опозоренное мною имя Ренодель! Не смыкая глазъ, просидѣлъ я всю ночь у изголовья моего сына. Ужасная была эта ночь, господинъ аббатъ! Если Викторъ не забылъ своего настоящаго имени, то какой-нибудь случай можетъ ему открыть, что это имя вора, бѣглаго каторжника. Мнѣ была невыносима мысль, что мой сынъ узнаетъ правду, почувствуетъ за меня стыдъ и съ отвращеніемъ отъ меня отвернется. Тогда я поклялся вернуть своимъ бывшимъ вкладчикамъ все у нихъ украденное до послѣдней полушки, съ процентами на проценты, и заручиться отъ нихъ письменными доказательствами, которыя я могъ бы на случай несчастья, на случай, если Викторъ узнаетъ о моемъ преступленіи, представить ему и сказать: «Да, но я все возвратилъ!» и у меня

будет надежда, что он пожалится и простит меня. Приняв это решение, я немедленно реализовал все свое состояние, но сумма его была все еще ниже суммы долга. Целый год я усиленно работал, и теперь не только могу расплатиться до конца, но у меня отложено еще несколько тысяч долларов, с которыми я составляю новое состояние для Тото, и на это состояние уже никто, кроме него, не будет иметь права.

Аббат встал и подошел к Реноделю с протянутыми руками.

— Я весь к вашим услугам, сказал он, — и готов врать сейчас же. Потрудитесь дать мне последние указания. Но предупреждаю вас, что я непременно должен вернуться к завтрашней в церкви Св. Троицы, следовательно, к полуночи.

— В полночь уходит мой поезд, отвечал Ренодель, пожимая руку аббата. — И так же мало расположён опоздать на поезд, как вы в церковь. Парижский воздух мне вреден, — вы знаете, почему, — и теперь, когда в вашем лице я нахожу вполне надежного посредника, мне здесь нечего больше делать, разве только дожидаться своих расписок. Теперь обдуманное время, всё сидеть дома; я уверен, что вы заставите моих четырех кредиторов и отлично справитесь с возложенным на вас поручением. Вот список, продолжал он, вынимая из кармана вчетверо сложенный лист бумаги. — Вы начнете с Луи Дюбля. Это литератор; улица Аббесс. Вы ему вручите вексель на двести пятьдесят одну тысячу триста девятноста франков. Это был длинноволосый юноша, с грязными ногтями, ведший развратную жизнь парижской богемы. Потом, кажется, он имел известный успех на литературном поприще. Если он врет своим прежним привычкам, то всё его доходы уходят в кафе, на кутежи с товарищами. Потом — дёвица Латурьер; улица кардинала Лемуана. Там у нея маленькая школа. Вексель на триста шестьдесят пять тысяч четыреста сорок три франка. Надеюсь, этой суммы будет достаточно на покупку всевозможных пиллоу и минеральных вод, которыми почтенная дёвица любит себя пичкать. Апри Бюртал, архитектор; улица Рениш. Я помню его красивым мальчиком, страшным ловеласом... Вексель на пятьсот шестьдесят семь тысяч восемьсот девятноста девять франков. Говорят, он женился. Это будет приданое его дочерям, если он у него есть. Наконец, боже всёх пострадавших жертв моего банкротства, маркиз Кандеанг; бульвар Мальзерб. Вы посетите его на

возвратном пути. Он член Жюкей-клуба, потомок знаменитых предков, вбивших под Азенкурмь и Павией, Мальплаке и Росбахом. Без них, как видите, не обошлось ни одно проигранное сражение. Маркиз сильно пожил в молодости. Пять лет тому назад он уже спустил огромное состояние и, оставшись без гроша, женился на деньгах. Моя покража, как говорят, заставила его позолотить свой герб жемчужной на дочери Мардока — финансиста, пользующегося очень дурной репутацией. Все равно, я полагаю, что вексель в миллион семьдесят восемь тысяч четыреста двадцать один франк будет для него все же приятной неожиданностью. Скажите, пожалуйста, моим четырем кредиторам, что в мои намерения отнюдь не входит являться после этого в суд, хотя бы для самооправдания, но что я, просто-напросто, хочу с ними расквитаться. Можете, если хотите, сказать им, что Ренодель переменил имя и отчество и для них больше не существует. Но прежде всего требуйте расписок, чтобы, в случае беды, показать их Виктору... Итак, вот вам бумажник и адреса... Теперь половина шестого, времени терять нельзя. Еще раз спасибо от всего сердца за великую услугу, господин аббат, и до скорого свидания.

Ренодель, взяв лампу, проводит аббата в прихожую, помог ему одеться, отпер дверь на лестницу и запер ее за ним. Потом он вернулся в комнату, усажившись в кресло перед огнем, вынул из портсигара необыкновенной величины гавайскую сигару и, положив ноги по-американски на мраморную доску камина, стал пускать клубы дыма, на подобие отчаливающего парохода.

II.

У поэта.

На улице холодный, пронизывающий до мозга костей туман стелется еще больше. Стояла непроницаемая мгла.

При слабом свете каретного фонаря аббат еще раз просмотрел список адресов и, усаживаясь в карету, сказал кучеру первый из них. Лишь только захлопнулась дверца экипажа, — озябший извозчик погнался свою лошадь. От лошади пошел пар, как из известковой ямы.

Несмотря на неплотно затворившиеся окна, из которых дуло, и запах гнилой соломы и сырого сукна, которым карета была пропитана, аббат чувствовал себя на седьмом небе. Он безбрежно ошупывал карман своей сутаны бумажник, заключавший несколько состояний, и решил,

что в конце концов данное ему поручение очень приятно, и что не каждый день приходится сдѣлать счастливыми столько людей.

Отъ Клиши до Монмартра не далеко. Блеснули сквозь туман ярко освещенные окна какого-то увеселительного заведения, потом опять все погрузилось во мрак, и, наконец, карета остановилась в улицѣ Аббесс.

— Мосе Луи Дюбля здѣсь живет? спросил аббат, отворил дверь в каморку привратницы, откуда ему так и ударил в нос запах рагу.

— В пятом этажѣ, дверь прямо, отвечала привратница — особа в блонь чепцѣ, съ сильной растительностью над верхней губою.

Словно макбетовская вѣдьма, она возилась над дымившимся котелком, перемѣшивая в нем «печень жида, кровь обезьяны и желчь вепря, покрывающего своих девять дѣтенышей». На самом дѣлѣ это была баранина съ бобами, которая нигдѣ въ мирѣ не готовится так вкусно, как въ каморках парижских привратников.

Жалкий вид старухи и убогое освѣщеніе лестницы обрадовали аббата. Именно так должен жить бѣдный поэт, постоянно нуждающийся въ деньгах. Квартиря въ пятом этажѣ, — отлично! И священникъ, свѣдѣнія котораго о домашней обстановкѣ литераторов ограничивались немногими классическими воспоминаніями, представлялъ себѣ мрачную, непопленную мансарду и въ ней на жалкомъ ложѣ Луи Дюбля съ карандашом и бумагой въ рукахъ, съ растерянными волосами, обнаженной грудью и лихорадочнымъ блескомъ глазъ, — обычнымъ признакомъ поэтического вдохновенія. Думая такъ, навивный аббатъ вспоминалъ нѣкоторыя гравюры прошлаго столѣтія, видѣвшаго имъ мелькомъ въ лавочкѣ букиниста. Кто знаетъ, можетъ быть, несчастный молодой поэтъ, доведенный нуждой и лишениями до крайности, въ эту самую минуту посягаетъ на свою жизнь, можетъ-быть, придется выломать дверь и найти его полузадохшимся отъ дыма жаровни...

И весь взволнованный, старикъ-священникъ, несмотря на свою астму, почти бѣжалъ наверхъ; но «питый» этажъ оказался далеко не послѣднимъ этажомъ дома, и аббатъ очень удивился и даже почти рассердился, увидѣвъ приличную дверь, которая могла бы быть дверью почтеннаго буржуа.

Шевельски одѣтый молодой человекъ — самъ Луи Дюбля — впустилъ его. Онъ былъ одѣтъ для вечера, въ черномъ фракѣ и блонь галстукѣ. Оказалось — онъ собирался на пер-

вое представленіе какой-то пьесы и хотѣлъ равнѣе пообѣдать въ своемъ ресторанѣ.

Когда аббатъ Музэнъ назвалъ себя и попросилъ удѣлить ему нѣсколько минутъ, Луи Дюбля ввелъ его въ большую комнату, которая когда-то служила юному художнику мастерской, а теперь была убрана хотя не роскошно, но вполне удобно; стѣны скрывались подъ книжными полками, на большомъ, освѣщенномъ лампою, столѣ были разбросаны бумаги, догоравшій огонь въ каминѣ распространялъ приятную теплоту, и все говорило о трудовой, но полной довольства жизни молодого хозяина.

Аббатъ все еще не могъ придти въ себя отъ изумленія; его мрачныя фантазіи разлетѣлись, какъ дымъ.

— Чему я обязанъ честью вашего посѣщенія? спросилъ Луи Дюбля, садясь противъ аббата на какой-то готическій стулъ.

«И этому-то господину», подумалъ аббатъ, — «который слыветъ поэтомъ, но не терпитъ, какъ бы слѣдовало, особенной нужды, и принимаетъ меня съ холодной вѣжливостью министра, я привезъ больше четверти милліона!»

И достойный священникъ не могъ воздержаться отъ желанія произвести «большой эффектъ».

Онъ запустилъ руку въ карманъ сутаны и вытащилъ сначала табакерку, потомъ четки, потомъ восемь су, потомъ футляръ съ очками и, наконецъ, знаменитый бумажникъ. Отправивъ обратно въ карманъ четки, су и табакерку, онъ методично надѣлъ на носъ очки, не спѣша открылъ бумажникъ, перебралъ векселя, досталъ тотъ, который былъ помѣченъ именемъ Дюбля, и округленнымъ движеніемъ подаль его молодому человѣку.

— Вотъ единственная цѣль моего посѣщенія, сударь, сказалъ онъ съ добродушною улыбкой. — Разумѣется, вы будете такъ любезны, дадите мнѣ расписку въ полученіи.

— Какъ? Что? — говорилъ Дюбля, взглянувъ на бумагу. — Двѣсти пятьдесятъ одна тысяча триста девятноста франковъ! Вексель на мое имя? Что за мистификація!

— Нисколько, отвечалъ аббатъ. — Это только значитъ, что господинъ Ренодель...

— Мой бывший банкиръ, этотъ подлый воръ!...

— Почувствовалъ угрызеніе совѣсти и возвращаетъ своимъ вкладчикамъ все, что онъ у нихъ похитилъ, съ двойными процентами.

— Какъ... Эту огромную сумму? Все мое родовое достояніе... и даже больше?

— Все это Ренодель вамъ возвращаетъ, не имѣя другого желанія, какъ только примириться со своею совѣстью. Говорить о немъ больше мнѣ запрещено.

— Но... Боже мой... Ведь, это какой-то волшебный сон!... Этот, извините, мошенник оказывается честным человеком?...

И Луи Дюбэ разразился нервным смехом.

— Он должник, платящий свои долги, сударь, почти строго сказал аббат.

Мудрец немного сердился на этого молодого человека, похожего в своем большом наряде скорее на начинающего карьеру дипломата, чем на бедного, вечно нуждающегося, труженика пера. И потом разочарование было уже слишком велико: — ни мансарды, ни соломенного ложа, ни разбитой кружки для воды, ни вёрной собаки, лижущей свившуюся руку умирающего поэта!..

Между тем Луи Дюбэ приложил руку к сердцу, будто прислушиваясь к его биению. «Мое сердце бьется не слишком сильно, сказал он с горделивой улыбкой. — Я доволен собою».

Только теперь он заметил изумленную и недовольную мину аббата.

— Вы как будто удивлены, господин аббат, обратился он к нему, — что я не обнаруживаю особенно большой радости и от счастья не прыгаю до потолка? Признайтесь, вам хотлось бы рассказать Реноделю, что вы видели человека, почти обезумевшего от неожиданного счастья. Но нет, я солгал бы, если бы стал покрывать поцелуями этот ключок итемпельной бумаги... Я доволен, но в то же время несколько встревожен. Благодаря этим деньгам, я буду больше принадлежать сам себе, буду независим: теперь уже не нужно кропать во что бы то ни стало по две статьи в неделю ради квартиры и обѣда, теперь я могу приняться за давно задуманную мною трагедию из современной жизни, которая часто по ночам не дает мне спать. Но именно в силу этого я должен быть благодарным и прежде всего не впасть в свои прежние ошибки, не поддаться присущей мне склонности к лжи и мечтательности. Послушайте, господин аббат, вы кажется мне превосходным человеком, и я убежден, что образ действий Ренодела вас глубоко растрогал. Хотите, я дам вам возможность обрадовать этого раскаявшегося вора и успокоить его угрызения совести? Скажите ему только, что, ограбив меня до чиста, он оказал мне величайшую услугу.

— Услугу? с изумлением переспросил аббат.

— Да, и огромную. Пока я был богат, я был лжив и неизвестен; неожиданно обеднев, я стал работать, у меня оказался талант, и я уже пользуюсь некоторым успе-

хоть. Если вы можете уделить мне четверть часа, я расскажу вам в коротких словах свою историю, и вы передайте ее этому честному плуту, который своим грабежом принес мне такую пользу, и позднее расскажите которого — кто знает? — быть может, нанесет мне тяжкий вред...

— Я очень сгубу, отвечал аббат, — хотя, признаюсь, мне очень интересно...

— О, это займет немного времени, я буду краток. Представьте себе молодого олуха, слишком рано получившего в свои руки значительное состояние, мечтающего о поэзии и влюбленного в литературу до такой степени, что один запах свежееотпечатанного листа бумаги опьяняет его не меньше шампанского. Таким я был в двадцать лет. Я просто глотал книги, читал без разбора все и всем восхищался; какой-нибудь глупейший рыцарский роман, или бесодержательная болтовня бульварного романиста внушали мне что-то в родъ благоговѣнія. Каждый день я начинал писать какое-нибудь капитальное произведение, долженствовавшее быть подражаніем прочитанного мною накануне в постели. Увы, мои стихотворения не шли дальше третьей строчки, а трагедии неминуемо оканчивались описанием первых декораций: «Театр представляет здесь...» и т. д. В сущности, это было счастливое настроение духа, — отсутствие тонкого вкуса и всегда хорошей аппетит. В то время я встретился и вскоре подружился с одним молодым человеком, года на два старше меня, но уже лысым; он знал наизусть два-три фразы из критических статей и брил себя усы, чтобы быть похожим на одного известнаго актера. Он осѣбнил, уничтожил меня своим превосходством и удостоил ввести меня в два кружка молодежи, из которых один собирался в известной пивной Латинского квартала, другой — где-то на Монмартре. Собственное достоинство, с которым мой новый приятель открыл передо мной врата этих двух храмовъ музъ, такое произвело на меня впечатлѣніе, что с этих пор я и начал видеть в нем «поэта будущего», слава которого когда-нибудь заполонит Париж и, следовательно, весь мир. Я, в качестве его ученика, старался идти по его стопамъ, осыпал моего новаго учителя всевозможными вещественными любезностями, начинал с бесчисленных кружек пива, а он за это сыпал передо мною перлы своего гения и учил меня презирать всѣх, кромѣ его самого... Хотите знать, каковы были его взгляды на литературу, а следовательно и мои? В прошломъ, говорили мы, нет ни одного замѣчательнаго писателя,

если не считать нѣсколькихъ непризнанныхъ гениевъ, которые, впрочемъ, также не чужды недостатковъ; писатели настоящаго времени стоятъ немногаго, лучшихъ изъ нихъ можно пересчитать по пальцамъ... Иногда начинался счетъ, то на первомъ мѣстѣ оказывался, конечно, мой лысый приятель, потомъ я (изъ вѣжливости, разумеется, такъ какъ я давалъ средства на изданіе журнала) и, наконецъ, небольшая кучка другихъ молодыхъ людей. Прежде всего воспрещалось принимать въ соображеніе публику: истинный талантъ писать самое большое для двадцати пяти читателей, и то много. Каждый, кто имѣетъ хотя бы самую ничтожную долю успѣха, — филистеръ, ограниченный человекъ, ничтожество. Вотъ, господинъ аббат, здоровья и живительнаго истины, которыми я нѣсколько летъ пробавлялся... Но этотъ миръ для васъ чуждъ... Боюсь, что вы меня не понимаете?..

— Совсемъ напротивъ, я стараюсь понимать... я понимаю... Продолжайте, пожалуйста, заговорилъ аббатъ, начинавший уже примиряться съ молодымъ поэтомъ.

— Благодаря моему состоянию, я былъ возведенъ въ достоинство мецената. Нашъ учитель, лысый поэтъ, велѣлъ мне основать періодическое изданіе, — какъ онъ выражался, для защиты нашихъ идей. — и я начал издавать выходящій два раза въ мѣсяцъ журналъ «Мгновеніе», первая страница котораго была украшена виньеткой, изображавшей молодую особу въ черныхъ чулкахъ, верхомъ на фотографическомъ аппаратѣ. Каждый вечеръ сотрудники сходились въ одномъ изъ небольшихъ ресторановъ; я председательствовалъ и ежемѣсячно улачивалъ длиннѣйшій счетъ за выпитое честной компаніей пиво и съѣденные ужины. Молодые сотрудники многообщавшаго «Мгновенія» дѣлились на два лагеря: такъ-называемые «безпристрастные», то-есть прозаики, которые, ссылаясь на Стендаля, каждое утро наблюдали свое собственное состояніе духа, докладывая о немъ читателямъ съ приправой невысокой пробы юмора, и обстоятельно анализировали, какъ свою несчастную любовь, такъ и несвареніе желудка; потомъ поэты самой новѣйшей формации, аллегористы, которые, питая отвращеніе къ благозвучной римѣ, пользовались созвучіями и для этой цѣли обирали языкъ шестнадцатаго вѣка. Первый крикунъ среди нихъ, по происхожденію чиліецъ, настоятельно требовалъ, чтобы каждое слово вызывало какое-нибудь физическое ощущеніе. Онъ увѣрялъ насъ, что когда произносить слово «меланхолія», ему кажется, что онъ проводитъ рукою по бархату, и что названіе города Перпиньянъ напоминаетъ вкусъ чеснока. Въ общемъ наше

«Мгновеніе» безжалостно разбивало въ прахъ и прахъ всѣхъ знаменитостей, а на сходкахъ въ ресторанахъ мы заходили еще дальше и клеймили своимъ презрѣніемъ даже литературныхъ посѣтителей сосѣдняго кафе, хотя они еще не были знаменитостями. Только изъ ненависти къ «романтическому направлению» мы еще щадили нѣкоторыхъ классиковъ. О Викторѣ Гюго иначе не отзывались, какъ «этотъ бѣдный Викторъ Гюго». Мы великодушно признавали нѣкоторыхъ заслуги за Боссюэ и Расиномъ, хотя, собственно, хорошенко не знали, почему именно за ними двумя. Все это было далеко не симпатично, потому что молодымъ фантазерамъ не доставало энтузіазма и юношескаго воодушевленія; самые наши восторги были дѣланые. Но я все-таки восхищался нашимъ изданіемъ... изъ деликатности, такъ какъ давалъ на него средства, а можетъ быть, просто, отъ крайняго утомленія, такъ какъ ни разу въ то время не ложился раньше двухъ часовъ ночи, всегда достаточно отгуменный пивомъ и эстетикой. Отъ времени до времени я печаталъ въ журналѣ свое собственное коротенькое стихотвореніе, надъ которымъ мои дорогіе сотрудники, должно быть, громко хохотали за моей спиной, такъ какъ мои стихи, хотя въ общемъ слѣдовали установленному ими типу, все-таки имѣли что-то въ родѣ смысла и не обходились безъ римы. Изданіе существовало уже три года и вмѣсто всякихъ выгодъ принесло мне лишь дубль, — пришлось обмѣняться выстрѣлами съ однимъ оскорбленнымъ литераторомъ, а другой разъ противъ меня было возбуждено судебное преслѣдованіе. Тогда-то Ренодель бѣжалъ въ Америку съ остаткомъ моего капитала, который я, впрочемъ, растратилъ бы и безъ его помощи на печатную бумагу и литературные ужины.

— П у васъ не останется ровно ничего, несчастное дитя? съ состраданіемъ воскликнулъ аббатъ.

— Ни сантима. Я былъ разоренъ до чиста, и при этомъ, не забудьте, лживъ и расточителенъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я жилъ, продавая свои книги, мебель, платье, и уже былъ на краю ужасной нищеты, когда меня спасъ одинъ изъ бывшихъ моихъ со товарищей по литературному кружку. Съ той минуты, какъ онъ напечаталъ въ одной известной газетѣ два-три хорошо отдѣланныя и остроумныя статьи, мы клеймили его измѣнникомъ и отъ него отвернулись. Но онъ былъ добрый малый, не поминившій зла, и доставилъ мне занятіе въ той вечерней газетѣ, сотрудникомъ которой состоялъ самъ. Это была очень скромная должность мелкаго репортера, такъ сказать,

литературного размышления, к тому же только на время; для испытания. Но что делать, нужно было жить чьим-нибудь, и я строил «Разные известия» как можно скорее и как можно лучше, чтобы заработать десять франков. Тут уже некогда было, следуя предписанию нашего чилипа, задаваться вопросом, пахнут-ли слова розами или газом, гладить-ли змею или ангорскую кошку. Это одно уже вырабатывает стиль, и только педанты утверждают, что журнальная работа его портит... Первое время было трудно... Что за суета, за тревожения! Прямо с благотворительного бала я бжал на площадь Рокетт, присутствовать при казни преступника. Облхавъ пол-Франции въ экстренномъ поѣздѣ президента и побывавъ на двадцати банкетахъ съ тостами, я долженъ былъ присутствовать на пикникѣ анархистовъ. Быть съ ними вдобаву и записывать ее кислымъ виномъ. Но это была жизнь, настоящая, животрепещущая жизнь, которая поглощала меня всего, и я кончилъ тѣмъ, что полюбилъ мое ремесло. Любить его—значило хорошо его исполнять. Въ газетахъ, гдѣ я работалъ, меня замѣтили и стали цѣнить. Продолжая вести свой репортерскій отдѣлъ подъ псевдонимомъ, я въ то же время подъ своимъ настоящимъ именемъ помѣстилъ нѣсколько рассказовъ и одну довольно большую повѣсть. Въ то время, какъ я писалъ, я, къ стыду своему, думалъ о читателѣ, старался ему понравиться, заинтересовать его. Да, они заблуждались, крикуны «Мгновения»: писать нужно для публики, и Теофиль Готье былъ правъ, говорилъ, что недостаточно быть дуракомъ, чтобы имѣть успѣхъ. Да, господинъ аббатъ, я добился того, что мои произведения раскупаются публично. Нужда заставила меня работать; работѣ я обязанъ талантомъ. Недавно я вынулъ въ свѣтъ мой первый романъ; въ короткое время онъ выдержалъ нѣсколько изданій, пресса до сихъ поръ еще говоритъ о немъ... И это черезъ шесть недѣль! Рѣдкій успѣхъ, не правда-ли? У меня уже есть завистники, меня начинаютъ разносить... Въ тѣхъ кафе, которыхъ я больше не посѣщаю, меня торжественно продали отлученію. Хорошій знакъ, превосходный! Жду съ нетерпѣніемъ статьи, въ которой читалось бы между строкъ, что я «лутую въ картахъ, или служу въ тайной полиціи. Съ того дня я могу безбоязненно смотреть въ будущее... такъ какъ, знаете, господинъ аббатъ, нѣтъ зауровъ, которымъ бы не предшествовали гнилыя яблоки. О, я не страдаю маніей самообольщенія! Моя книга полна ошибокъ. Ея единственное достоинство то, что она не сострапана по какому-нибудь модному шаблону. Я намѣренъ совершенствоваться и,

конечно, достигну большаго, будьте въ этомъ увѣрены... Итакъ, если я въ эти пять лѣтъ замѣнилъ свою лѣнь трудолюбиемъ, тщеславіемъ—здравымъ смысломъ, фантазію—художественнымъ чутьемъ, если я вкусилъ отъ того винограда, отъ котораго всѣ лишены таланта отворачиваются со словами: «Онъ зеленъ, ягодки нѣтъ зрѣлой...»—то атимъ я обязанъ исключительно потерѣ состоянія и спасительному режиму голода и нужды. Для споткнувшагося человѣка нѣтъ ничего полезнѣе здороваго тумака отъ судьбы. Вы можете сказать или написать Реноделю, что я обязанъ ему своей карьерой и считаю его своимъ благодѣтелемъ.

Теперь расхолодившійся молодой поэтъ окончательно завоевалъ симпатіи аббата, который охотно бы продолжалъ разговоръ при всей малопонятности для него техническихъ выражений и прочей литературной тарбарщины, если бы не вспомнилъ, что до полудня остается ему еще три визита.

— Я въ точности передамъ Реноделю сущность нашего разговора; но, какъ я уже вамъ сказалъ, я очень спѣшу... Будьте такъ добры, подпишите эту расписку.

Молодой человѣкъ подписался и отдалъ расписку аббату; потомъ, еще разъ пробжавъ весель, вполголоса проговорилъ: «Итакъ, привѣтъ тебѣ, туго набитый кошелекъ! Не смѣй только отрывать меня отъ работы... Я отказался принять участіе въ ужинѣ у моего пріятеля Гюреля, хотя тамъ будетъ хорошенькая блонкурая Марго изъ Вэриета, а хорошо бы!.. Кошелекъ, кошелекъ, боюсь ты соберешь меня съ пути истины...»

Священникъ, приведенный этимъ а рате въ нѣкоторое замѣшательство, началъ прощаться.

— Простите, господинъ аббатъ, сказалъ Луи Дюблэ.—Я только теперь вспомнилъ, что, вѣдь, это рождественскій подарокъ... Мнѣ хотѣлось бы чѣмъ-нибудь отблагодарить въ свою очередь... Сегодня вечеромъ всѣ банки закрыты, и я не могу получить этой большой суммы. Но у меня въ столѣ есть пятьсотъ франковъ, полученныхъ за послѣднее изданіе моей книги. Вотъ они... Навѣрное, вы знаете бѣдныхъ дѣтей, для которыхъ пригодятся эти деньги.

— Сердечно благодарю васъ, сказалъ аббатъ, принимая пять кредитныхъ билетовъ.—Въ моемъ прежнемъ приходѣ—квартирѣ ветошниковъ, есть какъ разъ пять сиротокъ.

— Не слѣдуетъ забывать и стариковъ, замѣтилъ молодой человѣкъ.—Вчера я встрѣтилъ пѣвца Шарлье, который, несмотря на свои шестьдесятъ восемь лѣтъ, плелся по слюкоту и холоду, направляясь въ трактиръ для извозчиковъ, гдѣ онъ обѣдаетъ за однимъ

столомъ съ рабочими и вмѣсто платы за обѣдъ поетъ имъ свои пѣсни. Теперь онъ вышелъ изъ моды, старый бардъ, но въ молодости имѣлъ успѣхъ. Онъ, должно-быть, очень боленъ, этотъ бѣдняга Шарлье; вчера на улицѣ съ нимъ сдѣлался такой припадокъ кашля... Теперь, когда я разбогатѣлъ, и ему можно слѣлать рождественскій подарокъ.—отправлю его на югъ, гдѣ онъ, можетъ-быть, еще найдеть пѣсни.

Награжденный растроганнымъ взглядомъ аббата, Луи Дюблэ весело прибавилъ:

— Вотъ видите, и у насъ, въ мѣрѣ искусства, есть свои ветошники!

И онъ съ милою, радостною улыбкой проводилъ старика до дверей.

III.

Школа для дѣвочки.

«Совершенно справедливо», размышлялъ аббатъ, снова усѣвшись въ карету и направляясь въ отдаленную улицу Лемуанъ,— что деньги не могутъ дать ни таланта, ни славы, и даже иногда мѣшаютъ успѣху. Кто знаетъ, быть-можетъ, Ренодель, возвращая этому молодому человѣку богатство, лишаетъ Францію какого-нибудь образованаго произведенія литературы... Но что это! Такихъ мыслей нельзя высказывать вслухъ. Заповѣдь «не укради» прежде всего, и ужъ, конечно, я ничего не скажу Реноделю. Воры, возвращающіе украденное ими, рѣдки,—нельзя ихъ обезкураживать».

Лошадь, которую извозчикъ покормилъ во время остановки передъ домою поэта, бжалла теперь бодрѣе прежняго, и не было еще семи часовъ, когда карета остановилась у подъѣзда.

Туманъ нѣсколько порѣдѣлъ; струившійся сквозь него голубоватый свѣтъ луны позволялъ видѣть куполь Пантеона и узкую улицу съ высокими домами. Выйдя изъ кареты, аббатъ увидѣлъ черную вивѣску съ крупною надписью: «Школа для дѣвицъ мадемуазель Латурнюръ».

Онъ позвонилъ.

Дверь отворила молоденькая служанка со свѣчю въ рукѣ. Сутана и сѣдые волосы гостя внушили сейчасъ же ей большое почтение.

— Барышня обѣдаетъ... но это ничего. Войдите, господинъ аббатъ, заторопилась она И, проведя его, дѣвушка услужливо открыла дверь, изъ которой вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ вырвался веселый дѣтскій смѣхъ.

Тутъ была классная комната бѣдной школы, съ выкрашенными желтой краской стѣнами и черной каедрой, надъ которой рядомъ съ картами Европы и Франціи висѣла таблица мѣръ и вѣсовъ. Комната была при-

брана по-праздничному—пюпитры и скамьи разставлены вдоль стѣны, а посреди комнаты, за накрытымъ столомъ, сидѣла пожилая дама и маленькія дѣвочки.

Дама эта, хранившая слѣды былой красоты, во времена генерала Кавейяка, должно-быть, была, какъ тогда выражались, пикантной брюнеткой. Еще теперь черные глаза ея были полны жизни, на лицѣ играли здоровый румянецъ, только длинные локоны казались бѣлымъ шелкомъ и выдавали возрастъ, который безъ этого можно было бы назвать среднимъ. Въ ея улыбкѣ было много доброты, и вся она дышала бодростью и здоровьемъ. Въ ту минуту, какъ вошелъ аббатъ, она, прищипнувъ сафетку къ парадному черному атласному платью, только что всадила ножъ въ жареную индѣйку, изъ которой виднѣлся ароматный фаршъ изъ каштановъ.

Нужно было видѣть блестящіе глазки и слышать радостные возгласы маленькіхъ дѣвочекъ при этой церемоніи. Безъ сомнѣнія, онѣ не каждый день ѣли индѣйку съ каштанами.

Однако, эти дѣвочки, повидимому, не принадлежали къ рабочему классу, гдѣ хорошо ѣдятъ, пожалуй, только разъ въ недѣлю и посылаютъ дѣтей въ бесплатную школу. Нѣтъ, это были дѣти скромныхъ буржуа, стыдлившихся своей бѣдности и вносящихъ плату за ученіе, чтобы дать дочерямъ болѣе широкое образованіе.

Прежде чѣмъ отпустить дочку на обѣдъ къ «мадемуазель», мать—жена бѣднаго лаборанта или маленькаго, плохо оплачиваемаго, чиновника—все-таки завила ей волосы, приколола къ волосамъ пестрый бантикъ, надѣла чистый воротничокъ. Но, несмотря на это, видно было съ перваго взгляда, что индѣйка—цѣлое событіе для маленькаго общества, привычнаго къ скуднымъ домашнимъ обѣдамъ изъ вчерашняго супа и подогрѣтаго мяса.

О, чудная индѣйка!

Птица, правда, была не изъ большихъ и жирныхъ, а въ сравненіи съ огромными, напихиванными трюфелями индѣйками, которые красуются въ витринахъ гастрономическихъ магазиновъ, она казалась даже чахоточной. Аббатъ Муленъ видѣлъ за обѣдомъ у своихъ богатыхъ прихожанокъ гораздо болѣе откормленные экземпляры, но никогда еще не случалось ему любоваться такою дѣтскою радостью по поводу жаркого, и это радовало его. Что его особенно удивило—это веселый и здоровый видъ дамы, сидѣвшей въ члѣ стола. Ренодель изобразилъ ему м-ль Латурнюръ брюзливой и болѣзненной женщиной. Что же это значило?

При входе священника, маленькія дѣвочки почтительно поднялись съ мѣста. Пожилая дама также встала, не выпуская изъ рукъ пожа.

— Я имѣю честь видѣть м-ль Латурнюръ? спросилъ аббатъ, увѣренный, что здѣсь какое-то недоразумѣніе.

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ аббатъ, отвѣтили ему.

— Искренно сожалѣю, что вынужденъ прервать вашъ обѣдъ, но я приношу вамъ важное извѣстіе... которое поразитъ васъ самымъ пріятнымъ образомъ. Я желаю бы одну минутку поговорить съ вами наединѣ.

— Ничего не можетъ быть легче этого, съ нѣкоторымъ волненіемъ сказала м-ль Латурнюръ и, обратившись къ служанкѣ, прибавила: — Клемансъ, проводите господина аббата въ приемную. Я иду за вами, господинъ аббатъ.

Она положила свой большой ножъ на столъ и оглядѣла дѣвочки:

— Вы подождете нѣсколько минутъ, милая дѣтки? Будьте умницами...

— Да, мадемуазель, отвѣчала хоромъ дѣвочки, но это былъ скорѣе хоръ древнихъ трагедій, столько въ немъ слышалось подавленныхъ жалобъ и сдержанныхъ слезъ.

Какъ! Сидѣть, сложа руки, и смотрѣть на чудесную дымящуюся индѣйку съ плавающими въ соусѣ каштанами, которая превкусно пахнетъ, да еще изъ вѣжливости послушно отвѣчать: «да, мадемуазель...» Гадкій священникъ!

Аббатъ чувствовалъ себя неловко подъ обращенными на него взглядами, полными навѣянаго негодованія, и поспѣшилъ за служанкой.

Въ крошечной приемной, гдѣ давно уже не было топлено, старая дама и аббатъ усѣлись.

Вѣднѣй Мулонъ былъ плохимъ дипломатомъ. Онъ не имѣлъ понятія объ искусныхъ предисловіяхъ и другихъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгаютъ, когда нужно কোনো-нибудь подготовить къ большому перевороту судьбы въ ту или другую сторону; поэтому онъ едва не надѣлалъ бѣды, брякнувъ сразу ями Ренодела и подавъ м-ль Латурнюръ блестящую гербовую бумагу съ красиво выведеннымъ числомъ 365,443 франка.

Свѣжій цвѣтъ лица старой дѣвочки сдѣлался багрово-краснымъ, и она непремѣнно пала бы жертвой апоплексическаго удара, если бы не обогрѣла ее потокъ слезъ, за которымъ послѣдовалъ потокъ безсвязныхъ словъ. М-ль Латурнюръ благодарила аббата, Бога, Святую Дѣву и всѣхъ святыхъ, сокрушаясь о непопеленой печкѣ и осыпала благословеніями этого негодяя... нѣтъ, этого высоко-

уважаемаго Ренодела. Почти одновременно съ этимъ служанка получила приказаніе затра же утромъ выкупить изъ ломбарда серебряныя ложки и щипцы для сахару, такъ какъ срокъ заклада черезъ три дня.

Вдругъ въ классной комнатѣ послышался прозвительный крикъ, за которымъ послѣдовалъ громкій плачь.

— Это Эрнестина! воскликнула м-ль Латурнюръ, вскакивая съ мѣста. — Вѣрно, изъ-за индѣйки... Вы понимаете, избалованная крошка пяти лѣтъ... Разумѣется, я не должна забывать моихъ бѣдныхъ малютокъ потому только, что у меня такая радость... Пойдемте, вѣдь, мы можемъ бесѣдовать при дѣтяхъ, не правда-ли?

Съ этими словами она отворила дверь, и ея появленіе вызвало у дѣвочки крикъ радости. Эрнестина, сидѣвшая возлѣ пустого мѣста учительницы—за неизмѣнимъ дѣтскаго креслица—на двухъ толстыхъ книгахъ, положенныхъ на обыкновенный стулъ, тотчасъ же перестала плакать.

— Клемансъ, еще приборъ для господина аббата, сказала м-ль Латурнюръ, снова занимая предсѣдательское мѣсто и вооружаясь ножомъ. — Вы, навѣрное, еще не обѣдали, господинъ аббатъ? Если бы вы оказали намъ честь?..

Бѣднѣй аббатъ былъ очень голоденъ и при другихъ условіяхъ непремѣнно принялъ бы приглашеніе, но онъ долженъ былъ до полуночи сдѣлать еще два визита и, кромѣ того, не хотѣлъ уменьшать безъ того небольшое блюдо. Онъ отказался, взявъ только бисквитъ и рюмку вина.

Индѣйка была разрѣзана на маленькіе куски. Каждая дѣвочка получила по ломтику, а также немного каштановъ и сосисокъ. Клемансъ съ безпристрастіемъ Соломона наблюдала за равнымъ распределеніемъ порцій, и, наконецъ, малютки занялись лакомымъ блюдомъ, при чемъ Эрнестина не замедлила выпачкать соусомъ подбородокъ до самыхъ ушей. М-ль Латурнюръ сіяла счастьемъ, оглядывая маленькую компанію.

— Видите-ли, господинъ аббатъ, начала она, — я не богата или, вѣрнѣе, я не была богата пять минутъ тому назадъ, и моя маленькая школа едва приноситъ мнѣ самое необходимое для существованія. Но каждое Рождество я обѣдаю съ тѣми изъ моихъ ученицъ, которыхъ дома не получаютъ подарковъ, и мы пьемъ индѣйку съ каштанами... Клемансъ, налейте дѣтямъ воды съ виномъ, онѣ, вѣрно, давно хотѣли пить... Этотъ обѣдъ—мой единственный кутежъ за весь годъ. Но скажите сами, господинъ аббатъ, не правда-ли, вѣдь, это прелесть, какъ хорошо!..

И, сразу переѣвивъ тонъ, она обратилась къ одной изъ дѣвочки:

— Мари Дюваль, сдѣлай одолженіе... Не облизывать пальцы и кушать прилично... Большая девятилѣтняя дѣвочка... И тебѣ не стыдно?—А теперь я богата, продолжала она, обращаясь къ аббату. — Знаете-ли хорошую новость, Клемансъ? Теперь вамъ не придется ссориться съ угольщикомъ и молочницей, мы будемъ платить имъ аккуратно... Теперь, когда я получила назадъ свои деньги, я буду содержать эту школу единственно изъ удовольствія собирать у себя дѣтей, съ той разницей, что впредъ буду устраивать подобныя пирушки каждый церковный праздникъ, и что жаркое при этомъ будетъ огромныхъ размѣровъ... Слышите, дѣтки?

Три или четыре дѣвочки постарше подняли на минуту склоненныя надъ тарелками головки и почтительно отвѣтили: «Да, мадемуазель!»

Но въ общемъ блестящія обѣщанія наставницы не произвели большого впечатлѣнія, такъ какъ будущее для дѣтей не существуетъ; маленькія, онѣ были вердѣлою положены настоящимъ, то-есть индѣйкой.

Аббатъ сдѣлалъ свой бисквитъ и поставилъ на столъ пустую рюмку.

— Простите мою нескромность, началъ онъ, собравшись съ духомъ,—но я не только удивленъ, я совершенно сталъ втупикъ, видя въ васъ здоровую, веселую женщину, принимающую живое участіе въ удовольствіи другихъ, которое въ то же время дѣло вашихъ рукъ. Могу-ли я сознаться, не рискуя васъ оскорбить, что Ренодель говорилъ мнѣ о васъ...

— Какъ объ эгоисткѣ, прервала м-ль Латурнюръ съ веселымъ смѣхомъ. — Что-жъ, Ренодель сказалъ вамъ правду.

— Какъ? Быть не можетъ!

— Въ самомъ дѣлѣ; я была смѣшной старой дѣвой, вѣчно со страхомъ думающей о своемъ здоровьи, жалующейся на плохое пищевареніе и на тысячу другихъ воображаемыхъ болѣзней. Да, именно такую меня зналъ Ренодель... Хотите удивить этого честнаго вора? Да? Прекрасно; скажите ему только, что, разоривъ меня, онъ мнѣ вернулъ здоровье и хорошее расположеніе духа.

Въ эту минуту вошла съ яблочнымъ тортомъ въ рукахъ Клемансъ, и ея появленіе вызвало у дѣвочки единодушный крикъ восторга. Она поставила тортъ передъ м-ль Латурнюръ, которая, прежде чѣмъ начать его разрѣзывать, обела маленькое общество испытующимъ взглядомъ.

— Эмили Шарронъ, строго сказала она,—держись же прямо, если не хочешь быть горбатой, а ты, Софи Беланже, чтобъ я больше не видѣла твоихъ локтей на столѣ!

Но добрая старушка не умѣла бранить, въ особенности, сегодня, за этимъ праздничнымъ столомъ, среди своихъ ученицъ; лицо ея сіяло внутреннимъ довольствомъ, а голосъ, которому она усиливалась придать строгость, звучалъ ласково и нѣжностью.

— Господинъ аббатъ, продолжала она,—возьмите, пожалуйста, еще бисквитъ и еще рюмочку вина; я въ короткихъ словахъ расскажу вамъ исторію своей жизни. Я не вышла замужъ потому, что посвятила себя заботамъ о больному старикѣ-отцѣ. Онъ умеръ, когда мнѣ исполнилось сорокъ пять лѣтъ, какъ разъ въ день моего рожденія,—этого дня я никогда не забуду. Въ послѣднюю минуту, когда уже не оставалось никакой надежды спасти его, я въ отчаяніи послала еще за однимъ знаменитымъ врачомъ, профессоромъ. Онъ пріѣхалъ, закутаный въ дорогую шубу, констатировалъ смерть моего отца и спросилъ за визитъ 500 франковъ.

Я осталась сорока пяти лѣтъ, совершенно одинокой, ничѣмъ не привязанная къ жизни и съ сильной потребностью отдыха, такъ какъ мой бѣдный отецъ былъ—къ чему скрывать?—вслѣдствіе своей болѣзни, очень требователенъ и капризенъ. Я сказала себѣ, что теперь сама нуждаюсь въ заботахъ, и съ тѣхъ поръ ни о чемъ болѣе не думала, какъ только о своемъ здоровьи. Въ дѣйствительности, я была только утомлена, но болзна; но вскорѣ, благодаря всевозможнымъ лѣкарствамъ, разстроила свое здоровье уже не на шутку. Минутельность моя доходила до того, что стоило кому-нибудь при мнѣ заговорить о какой-нибудь болѣзни, какъ я уже воображала, что болзна именно этимъ недугомъ. Меню каждого обѣда было для меня важнымъ, чуть-ли не государственнымъ событіемъ, процессъ пищеваренія—цѣлой драмой. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я попеременно то лѣчилась молокомъ, то прибѣгала къ вегетарианству. Да, господинъ аббатъ, я лѣчилась въ десяти докторовъ и перепробовала всевозможные методы лѣченія, бѣгая то къ гомеопатамъ, то къ сомнамбуламъ, словомъ, ко всевозможнымъ шарлатанамъ, которые только рекламировали себя въ газетахъ. Мой отъ природы мягкой характеръ ожесточился. Я требовала ото всѣхъ сочувствія, и каждый, кто недостаточно интересовался моимъ здоровьемъ, дѣлался мнѣ ненавистнымъ. Наконецъ, я стала въ тягость и себѣ, и другимъ. Въ это время Ренодель бѣжалъ, оставивъ мнѣ всего на всего нѣсколько тысячъ франковъ. Это было моимъ спасеніемъ, господинъ аббатъ: приходилось работать, либо умирать съ голоду. Узнавъ, что эта маленькая школа продается, я купила ее на послѣднія средства, и дѣти

искоря зажгли в моем сердце тот огонек материнской любви, который теплится в сердце женщины, даже старой дѣвы. Если до того времени я была эгоисткой и страдала, то только потому, что мнѣ нечего было дѣлать и некого любить. Прежде, когда я влачила праздную жизнь воображаемой больной, я не могла переварить без помощи пещина самых тонких блюд; теперь мой желудок отлично справляется съ чѣмъ угодно. Зарабатывать свое пропитаніе—лучшая гигиена. Кромѣ того, въ семьяхъ этихъ дѣтей я видѣла столько гордой и стыдливой бѣдности, что это послужило мнѣ урокомъ...

Нужно-ли вамъ говорить, господинъ аббатъ, что мнѣ случалось переживать очень тяжелые дни? Ученицъ мало, плата за учење незначительная, и часто трудно заплатить за квартиру. Но беззаботность и веселость дѣтей заразительны, и я, благодаря Бога, выучилась жить сегодняшнимъ днемъ. Вотъ и теперь, чтобы купить эту индюшку для сегодняшнего обѣда, я должна была заложить въ ломбардъ свою перидскую шаль. Вы возвращаете мнѣ мое состояніе—тѣмъ лучше. Но не думайте, чтобы я стала снова обогащать аптекарей... Нѣтъ, я не оставлю школы, но такъ какъ я стара, то возьму себѣ въ помощницы одну бѣдную молодую дѣвушку съ блѣдными щеками, которая только-что выдержала экзаменъ на званіе учительницы. Я окружу ее заботами, и щеки ея снова порозовѣютъ. Мы, навѣрное, будемъ друзьями... Въ моемъ буфетѣ всегда будетъ что-нибудь про запасъ для тѣхъ дѣвочекъ, которыя приходятъ въ школу не съ очень сытнымъ завтракомъ. А главное, что теперь уже не нужно требовать отъ бѣдныхъ матерей платы за учење и видѣть, какъ онѣ со вздохомъ достаютъ изъ стараго кошелька послѣдній двадцатифранковикъ. Разумѣется, я постараюсь до самой смерти не выходить изъ этой дѣтской атмосферы, полной веселаго смѣха и шумныхъ шгръ, буду глядѣть въ эти чистые, невинные глазки... Моя маленькая школа сослужила мнѣ самымъ большуу службу для того, чтобы я ее оставила... Передайте мои слова Реноделю вмѣстѣ съ распиской, но ни слова благодарности за деньги... вѣдь, въ концѣ концовъ, онъ только исполнилъ свой долгъ. Тѣмъ не менѣе, я отчасти обязана ему моимъ перерожденіемъ и въ душѣ ему благодарна.

Послѣднія слова мадемуазель Латурнюръ должна была почти прокричать, такъ какъ яблочный тортъ былъ уже съѣденъ до послѣдней крошки, и маленькія дѣвочки, приведенныя вкуснымъ обѣдомъ въ самое веселое настроеніе, затѣли звонкую болтовню, подобіе щебета молодыхъ птичекъ въ

ясное весеннее утро. Только лакомка Эрнестина спала крѣпкимъ сномъ, положивъ уставшую головку на сложенный возлѣ пустой тарелки руки.

Конечно, аббатъ Музэнъ былъ въ восхищеніи, что бѣдность послужила на пользу этой милой старой дѣвѣ; но при всемъ томъ не могъ не пожалѣть, что въ близкомъ его сердцу мѣстѣ трагичниковъ эта же бѣдность давала совсѣмъ другіе результаты, иногда доводя людей до болѣзни и смерти, или до порока...

— Отъ души поздравляю васъ съ исцѣленіемъ, сказалъ онъ, вставая. — Разумѣется, деньги не могутъ дать здоровья, а иногда даже бываютъ причиной противоположнаго, какъ это и было съ вами... Однако, между моими бѣдными есть тринадцатилѣтняя анемичная дѣвочка, которой слѣдовало бы ѣсть хорошее мясо и пить старое вино... а для этого...

— О, я понимаю, что вы хотите сказать, смѣясь, прервала его м-ль Латурнюръ. Липенія—хорошее лѣкарство только для того, кто былъ богатъ. Пришлите мнѣ адресъ вашей маленькой протѣеѣ и не беспокойтесь, съ этихъ поръ у нея всегда будетъ и вино, и мясо. А теперь простите, господинъ аббатъ, если я не буду больше васъ удерживать, но мнѣ нужно одѣть всѣхъ моихъ маленькихъ гостей и отвести ихъ къ родителямъ.

Аббатъ откланялся, счастливый сознаниемъ, что для его бѣдныхъ открывается такая свѣтлая перспектива. Служанка проводила его до улицы, гдѣ кучеръ, сойдя съ козелъ, давно уже притопывалъ ногами, чтобы согрѣться отъ прохватававшего его мороза. Луна сияла полнымъ блескомъ, и туманъ стался по землѣ слабымъ голубоватымъ дымкомъ.

«Удивительно! сказалъ про себя аббатъ, снова сидя въ каретѣ, — неужели я такъ и не встрѣчу бѣдняка, которому эти негодныя деньги доставили бы неограниченное удовольствіе?»

IV.

Мать и дѣтя живы и здоровы.

Четверть часа спустя, аббатъ вышелъ изъ кареты передъ новымъ домомъ въ улицѣ Рейнъ и спрашивалъ привратника, дома-ли господинъ Анри Бюрталь?

Привратникъ—повидимому, очень почтенный человекъ съ сѣдою бородой, въ плафрокѣ и фескѣ, былъ углубленъ въ чтеніе передовой статьи и наслаждался приятной теплотой камина; въ досадѣ на помѣху, да еще со стороны священника, онъ презрительно буркнулъ: «Въ третьемъ этажѣ на-

дѣво», послѣ чего вновь всецѣло погрузился въ политику.

Въ третьемъ этажѣ на мѣдной доскѣ указанной двери аббатъ прочелъ: «Анри Бюрталь, архитекторъ», а надъ дверью закрѣпленъ гипсовый слѣпокъ съ фриза Пароэона. Не хотѣлъ-ли Анри Бюрталь этимъ сказать, что онъ самъ ежечасно готовъ воздвигнуть точно такой же храмъ Минервы или Юпитеру, но, за неизмѣимъ подобнаго заказа, снисходить и до менѣ значительныхъ работъ?

На звонокъ аббата, дверь поспѣшно отворила безобразная старуха въ бѣломъ чепцѣ; при видѣ священника, она воскликнула съ видимымъ разочарованіемъ:

— Господи, это все еще не акушерка!

— Боюсь, что я пришелъ не кетати, смущенно пролепеталъ аббатъ, — но все-таки нельзя-ли на минутку попросить господина Бюрталь...

— О, разумѣется, вы можете войти, сказала старуха. — Вотъ тамъ кабинетъ господина Бюрталь, самъ онъ теперь у жены; около полудня она почувствовала первый боли... Я сейчасъ пришлю его къ вамъ.

Она провела аббата въ кабинетъ архитектора, гдѣ на высокомъ столѣ, освѣщенномъ газовымъ рожкомъ, былъ разложенъ большой чертежъ.

Аббатъ принялся, отъ нечего дѣлать, разсматривать его. Это былъ планъ маленькой желѣзнодорожной станціи, какія обыкновенно бываютъ въ провинціи на мѣстныхъ линіяхъ, гдѣ между рельсами пробивается дикий макъ и цвѣты львиного зуба. Да, это былъ маленькій, съ педантической точностью нарисованный, вокзалъ съ обычными пристройками, и когда аббатъ перевелъ глаза на стѣны кабинета, онъ увидѣлъ множество другихъ рисунковъ и акварелей, также изображавшихъ вокзалы, какъ двѣ капли воды, похожие на предыдущій. Очевидно, они и были спеціальностью Анри Бюрталь—спеціальность далеко не интереснаго свойства, если принять въ соображеніе разнообразіе построекъ, въ которыхъ все до послѣдняго жолоба заранѣе было вычислено настолько точно, что однимъ и тѣмъ же ключомъ можно было отпирать замки всѣхъ комнатъ вокзаловъ на всемъ протяженіи линіи.

Аббатъ, котораго нѣсколько напугала греческій фризъ надъ входною дверью, успокоился. Очевидно, Бюрталь еще не дошелъ до постройки соборовъ и королевскихъ дворцовъ, хотя валившіеся въ углу планъ реставрированныхъ термъ Каракаллы указывалъ на то, что и онъ былъ въ Италіи и мечталъ о подобныхъ вещахъ. Итакъ, онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ бѣденъ, и аб-

батъ, принесшіи ему богатство, заранѣе радовался его радости.

Необычайно рѣзкій звонокъ у входныхъ дверей отвлекъ вниманіе аббата отъ злополучныхъ вокзаловъ. Въ передней онъ услышалъ радостное восклицаніе старой сидѣлки, потомъ другой женскій голосъ, тихій, но энергичный, и, наконецъ, скрипъ отворяемой двери, изъ-за которой донеслись жалобные стоны.

Нѣсколько минутъ спустя, къ аббату вышелъ, въ стромъ домашнемъ костюмѣ, самъ хозяинъ дома, Анри Бюрталь. Это былъ красивый молодой человекъ, блѣлокурый, стройный геркулесъ съ широкими плечами и тонкимъ станомъ. Ему могло быть, самое большее, лѣтъ тридцать. Голова его напоминала античныя статуи, голубые глаза выражали искренность и, прямоу права, нѣсколько большой ротъ съ крупными алыми губами и смѣло закрученными усиками, показывалъ два ряда ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ и, казалось, былъ созданъ для смѣха.

«Вотъ господинъ, способный съ перваго взгляда вскружить голову любой дѣвушкѣ», подумалъ аббатъ.

Но въ эту минуту молодой красавецъ, казался, предназначенный природою для борьбы съ центаврами и только благодаря нашей мизерной цивилизаціи осужденный на черченіе китайской тушью маленькихъ вокзаловъ,—находясь въ сильной и плохо скрываемой тревогѣ.

— Простите, что я заставилъ васъ такъ долго ждать, господинъ аббатъ, сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Вамъ, вѣрно, сказали, что моя жена, моя бѣдная Сесиль... Это ея первые роды, мы четыре года какъ женаты... Началось около полудня... десять мучительныхъ часовъ!.. О, какъ ужасно видѣть страданія любимаго существа и не быть въ состояніи ихъ облегчить!.. Но еще разъ извините, господинъ аббатъ, и потрудитесь присѣсть. Я вполнѣ къ вашимъ услугамъ.

Хотя по внѣшности аббата Музэна трудно было предположить въ немъ уполномоченнаго парижскаго архіепископа, явившагося заказатъ ему, Бюрталю, планъ какого-нибудь грандіознаго собора, тѣмъ не менѣе, архитекторъ втайнѣ надѣялся, что священникъ принесъ ему заказъ и вотъ-вотъ предложить реставрировать церкви, монастырь, школу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Поэтому онъ изо всѣхъ силъ старался подавить свое безпокойство и оказать предполагаемому клиенту хорошей приемъ.

— Вы, навѣрное, извините мой несвоевременный визитъ въ такую критическую минуту вашей жизни, когда узнаете, что при-

ведо меня къ вамъ, сказала аббатъ, вынимаю изъ кармана заветный бумажникъ. — Приготовьтесь къ очень радостному извѣстью. Вашъ бывший банкиръ, Ренодель...

— Этотъ негодяй!

— ... возвращаетъ все, что онъ похитилъ у васъ и у другихъ. Онъ просилъ меня передать вамъ этотъ переводный вексель на сумму 567,899 франковъ.

Чортъ побери, да это получше всякаго заказа! Если бы самъ китайскій богдыханъ, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ мандариновъ, явился просить его, Бюрталь, воздвигнуть пагоду въ четырнадцать этажей во вкусѣ Эйфелевой башни, и тогда симпатичное лицо художника не озарилось бы бѣльшимъ удивленіемъ и радостью.

Заставивъ аббата повторить принесенное имъ извѣстіе и, убѣдившись въ несомнѣнности сваливагося на него богатства, онъ восторженно воскликнулъ:

— Какое счастье! Я долженъ сейчасъ же все разказать Сесиль... Вы позволите?

— Какъ это возможно! энергично остановилъ его аббатъ. — Подвергать вашу жену волненію въ такую минуту!.. Богъ съ вами, въѣдъ, вы ее убьете!

Архитекторъ побѣдѣлъ.

— Ваша правда, согласился онъ, — благодарю васъ. Теперь это неожиданное счастье меня даже пугаетъ, продолжалъ онъ взволнованнымъ тономъ, снова разсматривая вексель. — Получить богатство въ такую минуту, когда моя бѣдная жена изнемогаетъ въ страданіяхъ, когда, быть-можетъ, она на волоскѣ отъ смерти—это ужасно! Но если все обойдется благополучно, если мнѣ сейчасъ скажутъ: «у васъ ребенокъ, Сесиль въ опасности»... И ко всему этому богатство... Нѣтъ, это было бы слишкомъ хорошо! Да, господинъ аббатъ, намъ съ женою не слишкомъ-то легко доставалась жизнь. Ради насущнаго хлѣба, я, художникъ, долженъ былъ сдѣлаться ремесленникомъ. Вы видите, что я принужденъ строить, и еще хорошо, что есть такіе заказы; мы радуемся имъ, хотя изъ-за нихъ я долженъ разлучаться съ Сесиль и иногда подолгу томиться въ провинціи, въ плохихъ гостиницахъ. Представьте только себѣ: моя милая Сесиль въ эту зиму не могла имѣть ни одного новаго платья... Да, мы таки порядочно терпимъ; но даю честное слово, что если-бы въ эту минуту мнѣ сказали: «твоя жена и ребенокъ будутъ живы и здоровы только подъ условіемъ, чтобы ты бросилъ этотъ вексель въ огонь», я не задумался бы ни на минуту!.. Эта неожиданная удача меня, право, пугаетъ.

Изъ комнаты большой раздался долгій, пронзительный крикъ.

— Бѣдная Сесиль! воскликнулъ архитекторъ, какъ безумный, убѣгая изъ комнаты.

Какъ ни неловко было аббату оставаться тутъ при такихъ условіяхъ, дѣлать было нечего, приходилось ждать расписки для Реноделя.

Бюрталь вернулся черезъ четверть часа.

— Она спокойнѣе теперь, гораздо спокойнѣе, сказалъ онъ. — Женщины выслали меня прочь; онѣ говорятъ, что мое присутствіе волнуетъ больную... Ужасныя женщины! Акушерка груба, какъ полицейскій, отъ сидѣлки несетъ водкой до тошноты... Но что вы хотите! Утромъ въ домъ не было двухсотъ франковъ. Еще разъ прошу прошенія, господинъ аббатъ, — вы, кажется, что-то говорили о распискѣ?

— Да, вотъ она, отвѣчалъ аббатъ.

Архитекторъ подписался и задумался.

— Болѣе полумилліона, пропенталъ онъ. — Я снова богатъ, какъ прежде, когда, въ сущности, не былъ счастливъ. Да, безъ всякаго сомнѣнія, счастье я позналъ только послѣ того, какъ разорился.

«И онъ туда же; это уже слишкомъ!» подумалъ аббатъ.

— Что вы говорите, сударь? продолжалъ онъ вслухъ. — Вы только-что говорили мнѣ, что ваша жизнь далеко не радостна...

— Я былъ неправъ, прервалъ молодой человекъ. — Вотъ уже четыре года, какъ моя жизнь прекрасна, потому что я люблю и люблю. Это чувство помогаетъ мнѣ мириться со всѣми превратностями судьбы. А безъ нищеты я никогда бы не узналъ, что Сесиль меня любитъ, можетъ-быть, никогда не овладѣлъ бы ея чудеснымъ сердцемъ. Будьте откровенны, господинъ аббатъ, скажите, какъ отзывается обо мнѣ Ренодель?

— Какъ о молодомъ человѣкѣ... въ замѣшательствѣ началъ священникъ, подыскивая мягкія выраженія, — который недостаточно негодуетъ на заблужденія своего вѣка и иногда даже самъ ихъ раздѣляетъ...

— Проще сказать, какъ о кутилѣ и развратникѣ, прервалъ Анри Бюрталь. — Признаюсь вамъ, онъ сказалъ совершенную правду. Хотите, я разкажу вамъ свою исторію? Быть можетъ, это поможетъ мнѣ на минуту забыть страшное безпокойство за ту, которая страдаетъ въ сосѣдней комнатѣ.

И, расхаживая по комнатѣ большими шагами, онъ началъ:

— Въ двадцать три года я былъ богатъ, свободенъ, не дурной малый, но пылкій и невыдержанный. Я отправился въ Италію—какъ принято говорить, для усовершенствованія въ искусствѣ. Вернувшись оттуда, я, быть можетъ, и зналъ толкъ въ устройствѣ аренъ и приспособленіи ихъ для травли хри-

стіанъ дикими звѣрьми, но если бы мнѣ случилось въ то же время получить заказъ на постройку пятиэтажнаго дома, я былъ бы въ состояніи забыть лѣстницу и водосточные желоба. На самомъ дѣлѣ, въ Италіи я посвящала Колизею и собору Св. Петра гораздо меньше времени, чѣмъ хорошенкиимъ цвѣточникамъ, которыя снуютъ по вечерамъ около кафе и украшаютъ петлички мужчинъ букетиками... Въ Парижѣ я продолжалъ это поучительное занятіе... Но, быть можетъ, вашъ слухъ оскорбляется этими ничтожными разоблаченіями, господинъ аббатъ?

— Продолжайте, отвѣчалъ священникъ, — на исповѣди мнѣ говорить и не такія еще вещи.

— Въ домѣ, гдѣ я тогда жилъ,—недалеко отсюда, въ улицѣ Вожираръ,—моими сосѣдками были Цецилія съ матерью; моя уютная квартира холостяка была въ бель-этажѣ, ихъ жалкая мансарда—подъ крышей. Онѣ были очень бѣдны. Мать, вдова мелкаго чиновника какого-то министерства, получала крошечную пенсію, дочь готовилась быть телеграфисткой. Каждый день, въ девять часовъ утра, она, съ маленькой папкой въ рукахъ, отправлялась въ улицу Гревель изучать телеграфную азбуку. Я находилъ ее прелестной, а по нѣсколькимъ взглядамъ, которыми мы обмѣнялись, можно было думать, что и я ей не противенъ. Наше знакомство началось съ того, что, встрѣтивъ ее на лѣстницѣ, я раскланывался и изрѣдка обмѣнивался съ нею парой словъ, какъ это принято между добрыми сосѣдами. Словомъ, съ теченіемъ времени, мнѣ удалось проникнуть въ домъ къ моимъ сосѣдкамъ, и я на первыхъ же порахъ—какъ ни стыдно въ этомъ признаться—попытался сблизиться съ Сесиль. Она оттолкнула меня сразу, какъ хорошо воспитанная дѣвушка, безъ негодованія и гнѣва, лишь съ глубокой печалью въ голосѣ и слезами на глазахъ. Я могъ жениться на ней, и въ первую минуту объ этомъ подумалъ; но я былъ такъ легкомысленъ въ то время... Черезъ нѣсколько дней послѣ моей неудачи одинъ изъ моихъ друзей, писатель, комедія котораго какъ разъ тогда давалась въ театрѣ Gymnase, представилъ меня молодой индѣице этого театра, которая была не такъ сурова... Въ теченіе цѣлаго года я имѣлъ удовольствіе платить по счетамъ ея портнихи и кучера, посылать ей въ уборную дорогіе букеты и дарить брилліанты, — удовольствіе, стоившее мнѣ значительной части моего состоянія. Остаткомъ завладѣлъ Ренодель. Моя актриса, не даромъ изучавшая драматическое искусство вообще и Корнели въ особенности, узнавъ о моемъ разореніи, патетично сказала мнѣ: «будемъ друзьями!»—и въ тотъ же день уже

каталась въ кабріолетѣ одного знатнаго иностранца, который сосредоточилъ все свои способности на искусствѣ править лошадьми, и кресло котораго въ театрѣ было рядомъ съ моимъ. И вотъ, я очутился буквально на улицѣ, безпомощный, всѣми оставленный нищій, съ ремесломъ, которое только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дать кусокъ хлѣба. Началъ я искать занятія, обивать пороги влиятельныхъ лицъ; но безуспѣшно. Тяжела участь просителя; я ее извѣдалъ и до дна выпилъ горькую чашу. Квартиру въ улицѣ Вожираръ пришлось, разумеется, оставить; вмѣстѣ съ тѣмъ я совершенно потерялъ изъ вида моихъ сосѣдокъ, почти забылъ ихъ. Какъ я могъ предполагать, что молодая дѣвушка, которую я такъ дерзко оскорбилъ, сохранила обо мнѣ доброе воспоминаніе, что она интересуется моею судьбою и жалѣетъ о моемъ несчастіи! Однако, это было такъ... Разъ—это было весной—я возвращался вечеромъ домой послѣ цѣлаго дня безплодныхъ попытокъ найти работу; я чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ и предавался самымъ мрачнымъ мыслямъ о будущемъ, какъ вдругъ, проходя черезъ Тюльерійскій садъ, очутился лицомъ къ лицу съ Сесиль, одѣтой въ глубокой трауръ. Она протянула мнѣ руку и сказала прерывающимся отъ слезъ голосомъ, что ея мать умерла, и что теперь она одинока. Ей было извѣстно постигшее меня горе, и она сказала мнѣ нѣсколько теплыхъ словъ утѣшенія... Ахъ, господинъ аббатъ, не знаю, что я ей на это отвѣтилъ, и что могли о насъ подумать возмѣдавшія подъ плѣтущими каштанами няньки; знаю одно, что я схватилъ руку милой дѣвушки, долго держалъ ее въ своихъ рукахъ и со слезами молилъ ее о прощеніи.

— Вотъ это хорошо! воскликнулъ аббатъ оцувившій большое удовольствіе при такомъ оборотѣ дѣла.

— Не хвалите меня слишкомъ рано, я еще не кончилъ. Итакъ, примиреніе совершилось. Я предложилъ Сесиль руку, она приняла ее и согласилась даже пообѣдать вмѣстѣ со мною въ одномъ маленькомъ ресторанѣ на набережной Сены, гдѣ за полтора франка можно получить два плохенькія блюда и вовсе неизысканный десертъ. Но я былъ такъ счастливъ сознаніемъ, что добрая дѣвушка сохранила ко мнѣ дружеское расположеніе, что даже жесткая подошва съ шампильонами, поданная намъ на жаркое, показалась мнѣ шедевромъ кулинарнаго искусства. Послѣ обѣда мы отправились гулять по набережнымъ вдоль рѣки, въ которой уже отражались первыя звѣзды. По манерѣ, съ которою Сесиль опиралась на мою руку, по ея итѣннымъ взглядамъ, я чувствовалъ—о, какое сладостное чувство!—что она меня любитъ и всегда любила. Вмѣстѣ

съ тѣмъ я сознавалъ, что, заговори я съ нею о любви теперь, она не обидится, какъ прежде, и что если бы я захотѣлъ, эта великодушная дѣвушка, оттолкнувшая меня, когда я былъ богатъ и счастливъ, теперь, когда я нищій, отдалась бы мнѣ безусловно и безповоротно...

— Но, я надѣюсь... испуганно вставилъ аббата.

— Успокойтесь, господинъ аббатъ. Не скрою отъ васъ, что въ тотъ вечеръ мы обмѣнялись поцѣлуемъ; но я тутъ же поклялся ей, что отнынѣ мое сердце будетъ принадлежать ей одной навѣки, что мы обвѣчаемся, во что бы то ни стало, несмотря на бѣдность, и рука объ руку пройдемъ жизненный путь съ его печалью и радостями... Мы не теряли времени, въ этомъ можете быть увѣрены, и лишь только трауръ моей невѣсты кончился, отправившись въ марию, а оттуда въ церковь. Чтобы сдѣлать Сесиль подвѣчный нарядъ, я продалъ свои посѣданія бездѣлушки, остатки прежняго величія—лучшій японскія куклы, приобретенныя когда-то по сумасшедшей цѣнѣ; теперь въ магазинах Bon Marché онѣ стоятъ пустяки. Къ довершению счастья, и наканунѣ свадьбы получилъ должную архаиктора при одномъ желѣзнодорожномъ обществѣ, гдѣ и нынѣ состою еще младшимъ изъ служащихъ, и, какъ вы видите, воздвигаю далеко не Паренюны... Тѣмъ не менѣе, на насущный хлѣбъ хватаетъ, и нашъ бракъ такъ счастливъ, какъ будто мы все еще переживаемъ медовый мѣсяцъ. Самое нищенское существованіе прекрасно, когда его озаряетъ взаимная любовь. Но, что я говорю! Видѣ, бѣдность кончилась... Я получилъ, точно съ неба, полмилліона франковъ, я богатъ, мнѣ больше не нужно ломать голову надъ тѣмъ, какъ приобрести платье для моей дорогой жены. Завтра же, на радостяхъ, я покупаю ей изумрудный уборъ, которымъ мы недавно любовались въ одной изъ витринъ Палероля... Завтра! Боже мой, я забываю, что сегодня, что въ эту минуту она, моя Сесиль, — между жизнью и смертью! О, господинъ аббатъ, ободрите, поддержите меня, помолитесь за бѣдную мою жену, — у васъ есть прекрасныя молитвы! Скажите мнѣ, что дѣти, рождающіяся въ рождественскую ночь, являютъ на свѣтъ благополучно!

Аббатъ былъ расстроганъ до слезъ; пожавъ руку молодого человѣка, онъ только-что хотѣлъ сказать ему въ утѣшеніе нѣсколько сердечныхъ словъ, какъ въ кабинетъ влетѣла, красная, какъ ракъ, сидѣлка и во все горло крикнула:

— Мальчикъ родился! Браво, мось! Все обошлось благополучно!

Совершенно забывъ о своемъ гостѣ, счаст-

ливый отецъ бросился вслѣдъ за старухой вонъ изъ комнаты...

«Этотъ Бюргаль превосходный человѣкъ, сталъ думать аббатъ, — и онъ правъ: истинная любовь не прибрѣтается за деньги. Да благословитъ Богъ этихъ молодыхъ людей и ихъ новорожденного первенца!»

Случайный взглядъ на только-что замѣтенныя имъ стѣнные часы, заставилъ аббата вспомнить о времени.

Было уже безъ четверти десять... до бульвара Мальзербъ приходилось сдѣлать порядочное разстояніе.

Онъ поспѣшно надѣлъ перчатки, застегнулъ сутану и хотѣлъ уйти, не прощаясь, но въ дверяхъ появился съ сіяющимъ лицомъ Анри Бюргаль.

— Нѣтъ, вы такъ отъ меня не уйдете, господинъ аббатъ! воскликнулъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ радостнаго волненія. — Если бы вы видѣли моего сына, что за великолѣпный мальчуганъ!... Его теперь вѣсятъ... А моя бѣдная Сесиль, если бы вы могли видѣть ее, измученную, но съ счастливою улыбочкой на устахъ... Нѣтъ, я слишкомъ счастливъ, и потому долженъ кого-нибудь осчастливить. Вы, навѣрное, знаете не одного бѣдняка среди вашихъ прихожанъ. Доставьте мнѣ возможность облегчить нужду кого-нибудь изъ нихъ.

— Съ удовольствіемъ, родной мой, отвѣчалъ священникъ, никогда не забывавшій любезнаго его сердцу квартала Муфтаръ. — Если вы обязаны своимъ счастьемъ бѣдности, то другая молодая парочка, которую я знаю, вслѣдствіе той же бѣдности, не можетъ быть счастливою. Женить и невѣста изъ рабочаго класса, чрезвычайно порядочные люди и нравственные, что теперь встрѣчается не слишкомъ часто. Имъ недостаетъ пятисотъ франковъ на первое обезвѣденіе.

— У нихъ будетъ тысяча! воскликнулъ архитекторъ, прощаясь съ аббатомъ. — Приѣзжайте за этой суммой, когда вамъ будетъ угодно, и помните, что я рассчитываю на васъ, чтобы окрестить моего сына.

V.

Въ большомъ свѣтѣ.

Подъѣзжая къ отелю маркиза Капдеканъ, близъ парка Монсо, на бульварѣ Мальзербъ, карета аббата Муленъ должна была стать въ длинный рядъ экипажей, толпившихся передъ главнымъ подъездомъ, такъ какъ у маркиза былъ большой приемъ.

На порогѣ отела, сіявшаго тысячею огней, у входа въ сѣни, устланныя драгоцѣнными восточными коврами и уставленныя растеніями, стоялъ рослый лакей въ великолѣпной

лифрей и напудренномъ парикѣ; на его обязанности лежало встрѣчать каждый подъѣзжавшій экипажъ и высаживать гостей; пять другихъ нарядныхъ молодцовъ, въ сѣняхъ, снимали съ нихъ верхнее платье.

При видѣ священника, поношенная сутана и старенькая шляпа котораго совсѣмъ не соответствовали богатымъ костюмамъ приглашенныхъ, великолѣпныхъ лакей, несмотря на свое профессиональное хладнокровіе, даже отскочилъ отъ изумленія, почти отъ испуга.

Но, дожидаясь своей очереди въ каретѣ, аббатъ вооружился смѣлостью. Это былъ его послѣдній визитъ, и онъ не хотѣлъ потерять крушеніе въ виду гавани.

— Я долженъ видѣть господина маркиза по экстренному дѣлу, твердо сказалъ онъ лакею.

— Но... я право не знаю, можетъ ли господинъ маркизъ васъ принять... отвѣчала напудренный джентльменъ. — Вотъ камердинеръ господина маркиза, обратитесь къ нему.

Не смущаясь любовными взглядами пяти другихъ разряженныхъ челядинцевъ, аббатъ повторилъ свое желаніе камердинеру, облеченному въ черные шелковые чулки, жабо и манжеты.

Сначала тотъ пришелъ въ негодованіе:

— Какъ? Безпокоитъ господина маркиза въ такую минуту, когда онъ долженъ принять въ своемъ салонѣ триста персонъ!..

Но аббатъ твердо стоялъ на своемъ, простиая его сутаны также оказалъ нѣкоторое дѣйствіе на мось Огюста, — такъ звали эту важную особу, — и онъ, наконецъ, рѣшился доложить своему барину. Въ ожиданіе его возвращенія, аббатъ, чувствующій себя, несмотря на только-что выказанную храбрость, не въ своей тарелкѣ, спрятался, какъ школьникъ, между двухъ кадокъ съ цвѣтущими азалиями.

Ждать пришлось долго. Прибывали новыя гости; аббатъ увидѣлъ элегантныхъ дамъ, граціозно выпархивавшихъ изъ богатыхъ мѣховыхъ ротондъ, и въ первый разъ въ жизни ему представилось слишкомъ обычное для свѣтскихъ людей зрѣлище обнаженныхъ женскихъ рукъ, плечъ, груди.

«Однако, онъ ужъ слишкомъ обвѣнчиваютъ себя брильянтами», подумалъ онъ съ неудовольствіемъ, «а какъ вспомнишь бѣдныхъ трапичниковъ, которые принуждены въ этотъ холодъ нести въ закладъ свои тюфяки и теплыя одѣяла, то, право, приходишь къ заключенію, что—прости, Господи!—на этомъ свѣтѣ многое идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало».

Приходъ лакея отвлекъ его отъ этихъ размышленій.

— Потрудитесь слѣдовать за мною, госпо-

динъ аббатъ, вѣжливо сказалъ мось Огюстъ. И такъ, сутана еще разъ сослужила службу.

Послѣдовавъ за своимъ провожатымъ по боковой лѣстницѣ въ первый этажъ, аббатъ очутился въ обширной библиотекѣ, мягко освѣщенной свѣтомъ одной карсельской лампы; въ монументальномъ каминѣ горѣло нѣсколько громадныхъ полѣньевъ.

— Господинъ маркизъ проситъ господина аббата подождать его здѣсь, сказалъ, уходя, лакей.

Проходила минута за минутой. Аббатъ, отъ нечего дѣлать, принялся разсматривать изображенный надъ каминомъ сложный гербъ маркизовъ Капдеканъ; но въ этомъ не оказалось ничего замѣтельнаго: геральдику онъ зналъ только по имени и потому не могъ оцѣнить по достоинству всѣхъ красотъ щита, раздѣленнаго на четыре поля, съ башенками въ родѣ шахматныхъ туръ, краснымъ крестомъ въ родѣ тѣхъ, что бываютъ на бутылкахъ съ абсентомъ, раковинами, какъ на вывѣскѣ гастрономическаго магазина, и альбомъ, который высывалъ языкъ напоподобіе дрессированнаго ярмарочнаго пуделя, а гордый девизъ: «Toujours en tête» — «всегда во главѣ!» даже показался ему, съ христіанской точки зрѣнія, нѣкоторымъ хвастовствомъ.

За тяжелой бархатной портьерой слышался сдержанный гулъ голосовъ и шаговъ. Тамъ, за этой портьерой, былъ, очевидно, тотъ незнакомый аббату «свѣтъ», о которомъ онъ такъ часто говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ, убѣдительно предостерегая отъ его искушеній и опасностей своихъ маленькихъ духовныхъ чадъ, самыя пылкія мечты которыхъ не заходили дальше обладанія двумя су, дающими возможность приобрести пакетикъ сластей, картоннаго паяца или пеструю картинку.

Этотъ таинственный свѣтъ, противъ котораго такъ часто гремѣлъ, призывая на помощь всѣхъ отцовъ церкви, бѣдный аббатъ Муленъ, — этотъ «свѣтъ» былъ теперь въ двухъ шагахъ отъ него, и ему стояло только немножко раздвинуть портьеру, чтобы увидѣть его въ самомъ разгарѣ его гибельныхъ увеселеній. Аббатъ не могъ устоять противъ искушенія заглянуть въ невѣдомый міръ, слегка отдернулъ портьеру, и замеръ отъ удивленія передъ представившимся ему необычнымъ зрѣлищемъ.

Въ залитой свѣтомъ залѣ, на золоченыхъ стульяхъ, около двухсотъ женщинъ сидѣли рядами, тѣсно прижатые другъ къ другу, какъ сардинки въ коробкѣ; справа и слева вдоль стѣны и въ дверныхъ нишахъ стояло еще больше мужчинъ съ безукоризненно бѣлыми манишками и усталыми, поношенны-

ми физиономиями; они тоже тѣснились, какъ сельди въ бочкѣ, а въ глубинѣ залы, передъ каминомъ, какой-то еще болѣе непрезентабельный господинъ, съ гладко выбритымъ, лоснящимся лицомъ, кривлялся, какъ пьяный, и съ жестами мозоляго оператора декламировалъ что-то, что должно было быть забавнымъ, и гдѣ говорилось объ обманутыхъ мужьяхъ и злыхъ тещахъ.

Всѣ эти несчастные слушали юристическую сценку!

Аббатъ Мулянь былъ простакъ, но онъ не былъ глупцомъ. Эта густая толпа, этотъ тошнотворный запахъ духовъ и увядающихъ цвѣтовъ, въ особенности же, кривлянья и гримасы папца у камина,—все казалось ему отравительнымъ.

Онъ отнял руку, и портьера опустилась. Но каково было бы удивленіе стараго священника, если бы ему сказали, что всѣ эти тѣснившіеся въ залѣ люди наскучили и опротивѣли другъ другу до такой степени, что декламация папца была для нихъ все же интереснѣе собственной бесѣды, а этотъ шутъ, не довольствуясь получаемымъ изъ театра большимъ содержаніемъ, потребовалъ за одно свое появленіе въ салонѣ маркиза Капдеканъ, помимо разныхъ любезностей со стороны хозяина, такую сумму, которая равнялась годичному жалованью двухъ рабочихъ.

Да, если бы это разсказать аббату, онъ, при всей своей кротости, пришелъ бы, пожалуй, въ негодованіе на то, что люди бросаютъ деньги за окно, когда его бѣдные трипичники терпятъ голодъ и холодъ.

Дверь въ библиотечку отворилась, и передъ священникомъ предсталъ маркизъ Капдеканъ...

Онъ былъ великолѣпенъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ. Правда, немножко подкрашенъ, съ слишкомъ черными волосами и легкимъ отекомъ подъ глазами; но зато что за осанка, что за великолѣпная осанка! Аристократъ съ головы до ногъ. А носъ—точь-въ-точь, какъ у Франциска I на знаменитомъ Тициановскомъ портретѣ въ Луврѣ. Шитая грудь его рубашки, твердая, какъ кираса, уподоблялась по своей бѣлизнѣ альпійскому глетчеру или сибирскимъ полямъ Сибири; передъ этимъ произведеніемъ прачечнаго искусства оставалось лишь закрыть глаза, чтобы не ослѣпить.

Чуть замѣтно кивнувъ головою,—вѣроятно, изъ опасенія смять свою необыкновенную рубашку,—маркизъ процѣдилъ гнусливо:

— Что вамъ угодно, господинъ аббатъ? Этотъ аристократъ рѣшительно не нравился аббату. Его заставили потерять много времени, онъ боялся опоздать, и потому, не

церемонясь съ важнымъ господиномъ, приступилъ, безъ обиняковъ, прямо къ цѣли своего посѣщенія:

— Ренодель, вашъ бывший банкиръ... возвращаетъ съ процентами всѣ ваши деньги... Вотъ вексель... миллионъ семьдесятъ восемь тысячъ четыреста двадцать одинъ франкъ. Не угодно-ли подписать эту расписку, господинъ маркизъ?

Хотя мосье де-Капдеканъ при первыхъ же словахъ аббата покраснѣлъ до ушей, онъ все же усиливался быть спокойнымъ и противопоставить невозмутимость чистокровнаго аристократа плебейской безтактности священника. Не торопясь, онъ вдвинулъ монокль въ лѣвый глазъ, внимательно рассмотрѣлъ вексель, какъ бы желая убѣдиться въ его подлинности, и, аккуратно его сложивъ, сунулъ въ карманъ жилета, послѣ чего подписалъ расписку и кончиками пальцевъ подаль ее аббату.

Аббатъ раскланялся, собираясь уйти, какъ вдругъ, къ величайшему его удивленію, невозмутимый донди, видимо бывший не въ силахъ болѣе владѣть собою, упалъ въ кресло и, безсильно уронивъ голову на руки, провизнесъ голосомъ, въ которомъ слышались рыданія:

— Слишкомъ поздно!.. Слишкомъ поздно!.. — Боже великій! Господинъ маркизъ, что съ вами? спросилъ пораженный аббатъ.

Но мосье де-Капдеканъ уже всколыхнулъ кресла и, побагровѣвъ отъ гнѣва, большими шагами зашагалъ по комнатамъ.

— Итакъ, воръ возвращаетъ украденное! заговорилъ онъ, и на его губахъ показалось что-то въ родѣ горькой улыбки.—Онъ вознаграждаетъ свои жертвы, обманщикъ и негодай!.. И еще съ двойными процентами!.. помнитъ, сумма, которую онъ у меня украсть, была гораздо меньше... А вы, милостивый государь, явившись сюда по его порученію, конечно ждете, что я васъ попрошу передать Реноделю мои горячія похвалы его великодушью... Откажитесь отъ этой надежды; напротивъ того, передайте этому мошеннику, что не такъ-то легко искупить свою вину, какъ кажется, и что по отношенію ко мнѣ онъ нисколько не загладилъ причиненнаго мнѣ зла, что я все-таки считаю его послѣднимъ изъ негодяевъ и ненавижу, презираю его!

Онъ съ пѣной у рта подступалъ къ аббату, который испуганно пятился къ стѣнѣ.

— Миллионъ!.. вскричалъ маркизъ, глядя прямо въ глаза священнику.—На что мнѣ теперь миллионъ?.. У меня ихъ двѣнадцать! Это миллионы мадемуазель Мардокъ, то-есть маркизы де-Капдеканъ, которая сегодня даетъ великолѣпный праздникъ и туалетъ которой завтра будетъ описанъ въ двѣнадцати газе-

тахъ... А деньги моей жены,—поймите это,—все равно, что деньги Реноделя, онъ краденныя. Миллионъ! Что мнѣ дѣлать съ его миллиономъ? Развѣ я могу купить на него мою потерянную честь!..

Теперь онъ уже не былъ тѣмъ безупречнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, какимъ держался еще пять минутъ тому назадъ, и, не думая болѣе о своей бѣлоснѣжной крахмальной рубашкѣ, судорожно мялъ и теребилъ ее своими дрожащими пальцами.

— Моя откровенность васъ удивляетъ, не правда-ли?.. Тѣмъ хуже! У меня такъ много накипѣло на сердцѣ, что я долженъ высказаться... Неужели этотъ Ренодель, этотъ жалкій мошенникъ, воображаетъ, что теперь со мною расквитался! Это уже слишкомъ! Разумѣется, до того дня, какъ онъ меня разорилъ, я жилъ, какъ порядочный человѣкъ. У васъ это называется расточительно и разгульно; мы это зовемъ умѣнемъ жить, обязанностями, налагаемыми званіемъ... Вы сами, господинъ аббатъ, и ваши коллеги разъ въ годъ отпускаете намъ грѣхи, на которые, собственно говоря, никто серьезно не смотритъ: пороки хорошаго общества, свѣтскія причуды, вотъ и все. Я былъ щедръ, какъ слѣдуетъ быть человѣку нашего круга. Эта широкая, полная удовольствій, жизнь начинала уже мнѣ надоедать, и пресытился ею и думалъ исчезнуть со сцены, кончить свои дни на покой, въ деревенской глуши. У меня оставалось нѣсколько сотъ тысячъ франковъ—достаточно для того, чтобы расплатиться съ послѣдними долгами и убраться съ трубой и ружьемъ въ мое маленькое помѣстье въ Майеннѣ... Я уже намѣревался привести мое желаніе въ исполненіе, когда Ренодель бѣжалъ и оставилъ меня совершенно безпомощнымъ съ цѣлой сворой кредиторовъ на шею. Что было дѣлать? Въ сорокъ семь лѣтъ поступить вольноопредѣляющимся въ военную службу? Работать? Но что бы я могъ дѣлать?.. Я струсилъ, я сталъ искать, нѣтъ-ли чего-нибудь продать или заложить для удовлетворенія моихъ кредиторовъ. Такой предметъ нашелся. Вотъ онъ,—и маркизъ показалъ рукою на фамильный гербъ,—я отдалъ эту корону маркизовъ, этотъ девизъ, льва, башни, раковины—словомъ, все, что добыто моими предками цѣною военныхъ подвиговъ и другихъ заслугъ, за миллионы жидовки!.. Я сдѣлалъ зятемъ того Мардока, который въ молодости содержалъ игорный домъ, а впоследствии своимъ земельнымъ банкомъ разорилъ крестьянъ и рабочихъ, не брезгая послѣднимъ су изъ шерстяного чулка бѣдняка. Если бы справедливость и законъ не были пустыми зву-

ками, то этотъ Мардокъ сидѣлъ бы въ исправительномъ домѣ вмѣстѣ съ Реноделемъ, и оба ѣли бы изъ одной миски... Скажите же этому молодчику съ запоздалыми угрызениями совѣсти, что мое униженіе было дѣломъ его руки! Пусть онъ не говоритъ, сострадавательно пожимая плечами: «Этотъ бѣдный маркизъ современемъ привыкнетъ къ своему положенію». Вотъ уже четыре года, какъ я женатъ, и до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ горькаго чувства позора. Другіе—и такихъ много—поступили такъ же, какъ я, и спокойно спятъ на одной подушкѣ съ дочерью вора... Тамъ, за этою занавѣсю, въ залѣ, вы найдете среди знакомыхъ моей жены многихъ въ этомъ родѣ. Есть и другіе: они не торговали своимъ именемъ, ихъ гербъ не запятнанъ, какъ мой... Но они приняли мое приглашеніе на этотъ вечеръ, привлеченные могуществомъ золота, великолѣпнымъ обстановкой; ползаютъ они передъ богатствомъ и явились сюда, ко мнѣ на поклонъ, изъ своихъ старинныхъ одеждъ... Они потеряли право меня презирать, по крайней мѣрѣ, не смѣютъ громко выражать свое презрѣніе... Но какое мнѣ дѣло до ихъ мнѣнія, когда я дорожу только тѣмъ, что говорить обо мнѣ честные люди, а ихъ приговоръ, къ несчастью, мнѣ извѣстенъ.

Маркизъ снова сѣлъ; аббатъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на него.

— Миллионъ! съ горькой ироніей продолжалъ мосье де-Капдеканъ.—На эти деньги можно себѣ позволить не одну дорогую прихоть. Я знаю въ департаментѣ Уоны одинъ историческій замокъ, который будетъ продаваться съ публичнаго торга... средневѣковое рыцарское бѣздо... Маркизъ Капдеканъ, обладающей тонкимъ вкусомъ, хочется его приобрести; за восемьсотъ тысячъ франковъ я могъ бы его купить. Не правда-ли, какъ любезно было бы съ моей стороны преподнести ей этотъ царскій подарокъ? Но она достаточно богата, а у меня только одинъ жалкій миллионъ, мнѣ можно подумать и о себѣ. Къ несчастью, только одна вещь доставила бы мнѣ удовольствіе, но купить ее нельзя.

Послѣ короткой паузы, онъ продолжалъ, снова устремивъ взоръ на священника:

— Выслушайте еще и это, господинъ аббатъ. У меня есть кузенъ, баронъ де-Капдеканъ, старше меня на пятнадцать лѣтъ; онъ принадлежитъ къ захудалой отрасли нашей фамилии, но по своимъ личнымъ качествамъ стоитъ выше всѣхъ самыхъ знатныхъ ея представителей... Это само благородство и мужество, притомъ всегда веселъ и бодръ... Во время войны 1870 года мы оба служили въ зуавахъ. Когда, при Патэ, нашъ полкъ пошелъ въ послѣднюю отчаянную атаку, онъ

крикнул мнѣ со смѣхомъ: «Капдеканъ всегда впереди!» Минуту спустя онъ упалъ съ раздробленной рукой. Послѣ ампутаціи руки онъ былъ награжденъ орденомъ, но изъ скромности не носилъ даже ленточки въ петлицѣ сюртука. Таковы его убѣжденія... Луи теперь шестьдесятъ пять лѣтъ. Онъ живетъ на свои три тысячи франковъ пожизненной ренты, очень нуждается, но такъ гордъ, что никто изъ родныхъ не осмѣливается ему предложить малѣйшей помощи. Его квартира, въ улицѣ Жакобъ, состоитъ изъ одной маленькой комнатки, въ пятомъ этажѣ; онъ, несмотря на свое калѣчество, самъ приготавливаетъ себѣ обѣдъ и ходитъ за провизіей, чтобы отъ времени до времени сэкономить нѣсколько франковъ для бѣдныхъ. Но если бы вы его встрѣтили часовъ въ восемь утра, когда онъ идетъ къ обѣднѣ въ церковь Сентъ-Жерменъ-де-Пре, скромно одѣтый, съ приколоченнымъ къ сюртуку пустымъ рукавомъ, вы бы удивились передъ сѣднами и воскликнули: «Вотъ воплощеніе благородства!» Черезъ три мѣсяца послѣ моей свадьбы, на которую Луи не явился, я встрѣтилъ его на площади Согласія и подошелъ къ нему съ протянутой рукой. Онъ остановился, даже немного отступилъ, и оглядѣлъ меня. Въ глазахъ его было и презрѣніе, и глубокая печаль; онъ засунулъ въ карманъ свою единственную руку, отвернулся и прошелъ мимо меня. Такъ вотъ, господинъ аббатъ, — голосъ маркиза дрогнулъ отъ подавленныхъ рыданій, — единственная вещь, которая доставила бы мнѣ удовольствіе и которую нельзя купить ни за какіе милліоны, это пожатіе руки моего кузена Луи...

Онъ закрылъ лицо руками. Куда дѣвалась его олимпійская осанка, его невозмутимое хладнокровіе... Маска слетѣла, и передъ священникомъ стоялъ уже не гордый маркизъ, а глубоко несчастный человекъ, проливающий горькія, неутѣшныя слезы. Передъ этимъ непоправимымъ горемъ слова утѣшенія замирали на устахъ... Сильно расстроганный, аббатъ Муленъ молчалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ маркизъ оправился, отеръ платкомъ глаза и сказалъ, поднимаясь съ кресла:

— Я, можетъ быть, былъ смѣшонъ, господинъ аббатъ. Извините меня. Полагаю, мнѣ не зачѣмъ просить вашей скромности, — эта добродѣтель входитъ въ кругъ обязанностей вашего сана... Въ сущности, я былъ неправъ, отзываясь о Ренодѣ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, — это слишкомъ строгій отзывъ. Вѣдь вина не его, что я женился на м-ль Мардокъ. Я почти завидую ему въ томъ, что онъ можетъ очистить свою совѣсть посредствомъ денегъ. Скажите ему,

пожалуйста, что я не питаю къ нему злобы, а, напротивъ того, желаю всякаго успѣха... Огюсть проводитъ васъ.

И маркизъ нервно позвонилъ. Привозя милліонъ этому человѣку, аббатъ приготовился получить и здѣсь щедрую милостыню для своихъ бѣдныхъ. Но просить онъ не рѣшился; ему даже казалось, что деньги маркиза должны принести бѣднымъ людямъ несчастье.

Повернувшись спиной къ камину, маркизъ де-Капдеканъ неподвижно стоялъ подлѣ своимъ проданнымъ фамильнымъ гербомъ; глаза его были опущены, онъ будто стыдился своей недавней слабости.

Аббатъ молча поклонился и последовалъ за камердинеромъ.

VI.

Заключеніе.

— Уже четверть двѣнадцатаго!.. Какъ можно скорѣе въ улицу Клиши! крикнулъ аббатъ кучеру, выходя изъ отеля Капдеканъ.

Туманъ окончательно разсѣялся; полная луна ярко сіяла на ясномъ темно-синемъ сводѣ неба; была настоящая рождественская ночь.

Когда измученный и голодный аббатъ, полный самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, взобрался, наконецъ, въ свой третій этажъ и вошелъ въ прихожую, ему показалось, что туманъ, исчезнувшій съ улицы, нашелъ себѣ убѣжище въ его квартирѣ; только здѣсь туманъ этотъ принялъ запахъ гаванскаго табаку. Среди клубовъ ѣдкого дыма аббатъ увидѣлъ Адама Гаррисона — Ренодѣ тоже — который продолжалъ сидѣть въ креслѣ, положивъ ноги на доску камина, и спокойно докуривалъ свою восьмую сигару.

— Вотъ ваши расписки, сказалъ аббатъ, и тутъ же такъ раскашлялся, что пришлось, несмотря на холодъ, распахнуть окно.

— Превосходно, господинъ аббатъ, отвѣчалъ эскъ-банкиръ, вставая и застегивая свой плащъ. — Освобождаю васъ отъ труда передавать мнѣ слова моихъ бывшихъ клиентовъ, поскольку они касаются моей особы. Тамъ, подлѣ вашихъ требниковъ, вы найдете общанный билетъ въ тысячу франковъ. Мы квиты. Тѣмъ не менѣе, хотя я теперь уже не богатъ, прибавлю вамъ еще пять лундировъ, и вотъ по какой причинѣ: мнѣ не хочется привозить моему сынишкѣ коробку въ солдатами въ красныхъ штанахъ, которыхъ онъ желалъ имѣть, такъ какъ считаю за лучшее не ожидать его дѣтскихъ воспоминаній. Но меня это огорчаетъ, и для собственного утѣшенія

я придумалъ просить васъ, завтра утромъ, закупить на эти сто франковъ игрушки для вашихъ маленькихъ трапичниковъ... Но поздѣ не ждѣть... Последній разъ вашу руку, господинъ аббатъ. Спасибо вамъ!

И, не позволивъ аббату проводить себя по лѣстницѣ, Ренодѣ вышелъ.

Оставшись одинъ, аббатъ подошелъ къ открытому окну и съ минуту задумчиво смо-

трѣлъ на звѣзды. Онъ далеко не былъ песемистомъ. Въ этотъ вечеръ, когда черезъ его руки прошло нѣсколько состояній, онъ пришелъ къ убѣжденію, что слава, здоровье, любовь, честь — словомъ все, чѣмъ, собственно, красна жизнь — не покупаются на деньги, и въ простотѣ души обшарилъ себѣ, во время полуночной обѣдни, возблагодарить Бога за то, что мѣръ созданъ именно такъ, а не иначе.

Паукъ-архитекторъ.

По новымъ наблюденіямъ профессора Плато.

Бъ крохотнымъ животнымъ, наблюденія надъ жизнью которыхъ представляютъ для насъ особенный интересъ, принадлежатъ безусловно и науки. Мы удивляемся изумительному инстинкту колесовыхъ пауковъ, умудряющихся выткать себѣ частую, перпендикулярно висящую сѣть, чтобы ловить въ нее свою добычу, или пауковъ-ткачей, устраивающихъ себѣ нѣчто въ родѣ кораблика, чтобы плыть на немъ по воздуху за новой добычей, но все-таки ни одинъ паукъ не отличается такимъ изумительнымъ образомъ жизни, какъ маленький, ловкій водяной паукъ (*Argyroneta aquatica*). Известные натуралисты занимались этимъ животнымъ и изучали его привычки; особенно въ послѣднее время проф. Плато въ Люттихѣ прибавилъ къ прежнимъ наблюденіямъ еще нѣсколько новыхъ.

Изъ всѣхъ паукообразныхъ, только водяной паукъ имѣетъ исключительное право называться настоящимъ водянымъ животнымъ. Онъ держится не только надъ водой, какъ охотничьи пауки, совершающіе свои травы на водной поверхности, но, какъ настоящій обитатель водной стихіи, онъ живетъ въ самой водѣ — въ средѣ, въ которой безусловно погибли бы всѣ его собратья. Вода — его жилище и поле его охотничьихъ дѣйствій.

Распространенный по всей средней Европѣ, водяной паукъ водится почти по всѣмъ стоячимъ водамъ и, особенно, прудамъ, покрытымъ зелеными водяными растеніями. Какъ у другихъ пауковъ, точно такъ же и у водяныхъ пауковъ самки отличаются отъ самцовъ большею дѣятельностью. Въ то время, какъ самецъ сооружаетъ жилище лишь для себя, самка, помимо своего, устраиваетъ еще жилище для своего потомства. Собственное ея жилище, которое она покидаетъ только ко времени кладки яицъ, находится всегда на известной глубинѣ подлѣ водой и напоминаетъ колоколообразную ячейку, которая, скрытая подлѣ зе-

леннымъ ковромъ водяныхъ растеній, легко ускользаетъ отъ человѣческаго глаза.

Ячейка для гнѣзда, хотя съ виду и сходна съ жилищемъ самки, все-таки легко отличается отъ него, такъ какъ сводъ гнѣзда всегда немного выдѣляется надъ поверхностью воды. Густая ткань его матово-бѣловатаго цвѣта, очень эластична и состоитъ внутри изъ двухъ отдѣленій, верхній этажъ которыхъ предназначенъ для высихиванія яицъ, между тѣмъ какъ нижній до тѣхъ поръ занимается матерью, пока птенцы не вылупятся и не переступятъ первой фазы своего развитія. Опустивъ голову внизъ и расправивъ впередъ заднія ноги, она сторожитъ свое гнѣздо, готовая каждый мигъ, при малѣйшей опасности со стороны безчисленныхъ хищниковъ-враговъ ея птенцовъ, кинуться на защиту посабвннхъ.

Но чудомъ искусства *argyroneta* служить его собственное жилище-дворецъ, которое съ изумительной ловкостью возводится въ водѣ. Задумавъ начать постройку, онъ проворно тклетъ тонкія нити, которыя то тамъ, то сямъ прикрѣпляются къ растеніямъ вокругъ избраннаго для гнѣзда мѣста и перекрещиваются въ разныхъ пунктахъ, такъ что образуется тонкая, легкая сѣть. Заложивъ этотъ фундаментъ, паукъ подымается на водную поверхность, запасается чистымъ атмосфернымъ воздухомъ и затѣмъ сейчасъ же погружается назадъ въ воду, чтобы выпустить воздухъ подлѣ свое маленькое гнѣздо. Благодаря своему меньшему удѣльному вѣсу, воздухъ принимаетъ форму маленькаго пузырька, придвигается къ тонкимъ нитямъ и, приподымая ихъ вверхъ, придаетъ имъ куполообразную форму. Вслѣдъ затѣмъ паукъ нанизываетъ на гнѣздо новыя тонкія петли и прикрѣпляетъ ихъ новыми нитями. Сбѣгавшійся воздушный пузырекъ, видимо увеличивается, ясно выдѣляется въ водѣ.

Водяной паукъ не упускаетъ ни одного мгновенія, лишь бы расширить свое будущее жилище. Онъ предпринимаетъ поэтому ча-

стия прогудки на поверхность воды и запасаются новыми воздушными пузырьками, которые онъ присоединяетъ къ имѣющемуся уже подъ водой воздушному шару. Какъ только колоколъ достигнетъ 1 сантиметра въ диаметрѣ, форма новаго жилища паука закончена, и пауку остается лишь еще разъ вокругъ оботкать его своими нитями. Чѣмъ большимъ объемомъ отличается помѣщеніе, тѣмъ чаще петли. Все-таки никогда, почти, величина этого помѣщенія не превышаетъ величину обыкновеннаго наперстка. Окруженное плотной сѣтью, оно исчезаетъ подъ водорослями, и паукъ сидитъ въ своемъ водозаземномъ колоколѣ, такъ что, находясь въ водѣ, остается совершенно сухимъ.

Устройство гнѣзда совершается подобнымъ же образомъ. Но такъ какъ верхняя часть его должна высывываться надъ водой, то паукъ прикрѣпляетъ нити гнѣзда близъ самой водной поверхности. Частымъ прибавленіемъ воздушныхъ пузырьковъ оно скоро округляется и принимаетъ форму колокола, поднимающагося на нѣсколько миллиметровъ надъ водою. При этомъ самка сильно старается о томъ, чтобы предназначаемое для ея потомства жилище было возможно прочнѣе построено; поэтому стѣна послѣдняго гораздо плотнѣе и крѣпче, чѣмъ у ея собственнаго помѣщенія.

Главные, основныя нити становятся скоро крѣпкими и устойчивыми, между тѣмъ какъ нити, образующія верхній покровъ кунола, остаются долгое еще время гибкими, такъ что паукъ можетъ ихъ мять своими задними ногами и употребляетъ въ видѣ лака, которымъ онъ покрываетъ, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю часть своей ячейки. Главныя, основныя нити служатъ не только для укрѣпленія постройки, но представляютъ изъ себя западню, въ которую попадаютъ водяные ослики и другія маленькія ракообразныя.

Снабженный легкими и воздухоносными трубками, водяной паукъ не въ состояніи, подобно рыбамъ, вбирать въ себя растворенный въ водѣ воздухъ. Поэтому онъ нуждается для своего существованія въ чистомъ атмосферномъ воздухѣ, для чего и надѣленъ отъ природы замѣчательно остроумнымъ приспособленіемъ. Покрытый почти на всѣхъ частяхъ своего тѣла тонкими волосиками, онъ впитываетъ во всѣ непокрытыя волосами мѣста своего тѣльца воздухъ и плавая съ нимъ на спинѣ, выпускаетъ его въ свои дыхательные органы.

Точно такъ же, какъ портится постепенно воздухъ въ жилой комнатѣ, портится онъ, по прошествіи извѣстнаго времени, и въ маленькой ячейкѣ паука. При выходѣ

изъ своего жилища паукъ вбираетъ въ себя болѣе или менѣе испорченный слой воздуха и захватываетъ его съ собою; поднявшись на поверхность воды, онъ высушиваетъ захваченный и вбираетъ въ себя чистый воздухъ, которымъ и осѣждаетъ находящійся внизу, въ его жилѣ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ подъемовъ воздухъ въ его гнѣздѣ совершенно возобновляется.

Argyropeta отличается сильной привязанностью къ своей семьѣ. Разъ паукъ зотъ построилъ себѣ жилище, онъ уже не покинетъ его добровольно никогда. Если же жилище его разрушить теченіе, онъ отыщетъ одну изъ оставшихся неповрежденными закрѣпленныхъ нитей и положить ее въ основаніе для восстановленія своего жилища. При этой работѣ самцы стараются уступать раздражительнымъ самкамъ, лишь бы жить съ ними въ мирѣ и согласіи.—брачное согласіе, повидимому, и у этихъ маленькыхъ насѣкомыхъ не очень-то прочно. И дѣйствительно, не извѣстно, что дѣлается съ самцами послѣ спариванія. Умираютъ-ли они своею смертью, какъ это предполагаютъ относительно многихъ насѣкомыхъ, или самки обламываютъ имъ шею, какъ это практикуется у нѣкоторыхъ земноводныхъ пауковъ?—неизвѣстно. Внезапная смерть самцовъ такая же для насъ загадка, какою она была и нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Ко времени спариванія, самецъ устраиваетъ близъ жилища самки себѣ жилище, значительно уступающее первому по величинѣ, соединяетъ затѣмъ оба жилища въ одно, покрываетъ его плотною сѣтью шелковыхъ паутинныхъ нитей, проламываетъ стѣны и устраиваетъ между ними проходъ.

Водяной паукъ кладетъ два раза въ годъ 70—80 яицъ, заключенныхъ въ бѣлую шелковистую сумочку, которая внутри покрыта тонкими, перекрещивающимися нитями, удерживающими яйца на ихъ мѣстѣ. Черезъ 7—8 дней послѣ кладки яицъ, начинается вылупливаніе птенцовъ, которые растутъ очень быстро, но остаются еще въ теченіе недѣли въ своемъ воздушномъ жилищѣ, чтобы тамъ приготовиться, путемъ разныхъ опытовъ, къ самостоятельной жизни. Они расправляютъ свои тонкія, нѣжныя ножки, сначала совершенно неподвижныя и какъ бы не имѣющія сочлененій, отдѣляютъ затѣмъ свои маленькіе клещи (блалцы) отъ кожныхъ, окружающей ихъ, точно футляръ, и затѣмъ, наконецъ, одѣваются тонкимъ, нѣжнымъ волосатымъ покровомъ, безъ котораго они не въ состояніи вбирать въ себя необходимый имъ для дыханія воздухъ.

Наблюдающему за этими маленькими существами, послѣ освобожденія ихъ изъ тѣс-

ной темницы, представляется интересное зрѣлище. Быстро и ловко всплываютъ они на поверхность воды и окутываютъ себя воздушнымъ пузырькомъ, чтобы съ помощью цѣлаго ряда такихъ пузырьковъ соорудить себѣ маленькое помѣщеніе и изъ него приняться за ловлю для прокормленія. Точно маленькіе серебряные шарики пронизываютъ они воду въ разныхъ перекрестныхъ направленіяхъ и кидаются на водяныхъ животныхъ, которыя имѣли несчастье къ нимъ приблизиться. Если же добыча слишкомъ значительна, чтобы пауку справиться съ ней одному, то они соединяются въ группы и провозводятъ свою ловлю сообща. Какъ опытные охотники, затравливаютъ они свою добычу и мирно дѣлятъ затѣмъ ее между собою.

Такой дѣятельный образъ жизни долженъ былъ бы, собственно, ускорять развитіе этого насѣкомаго, тѣмъ болѣе еще, что аппетитъ

его необыкновенно великъ. Между тѣмъ развиваются водяные пауки очень медленно. По прошествіи шести недѣль они достигаютъ только величины не болѣе трехъ миллиметровъ. Для полнаго своего развитія имъ нужно не менѣе шести мѣсяцевъ. Но они могутъ вполне довольствоваться такимъ медленнымъ ростомъ, такъ какъ у нихъ имѣется преимущество предъ многими другими насѣкомыми: они не умираютъ въ тотъ же годъ, въ который явились на свѣтъ. Мало того, мы знаемъ, что водяной паукъ всю зиму проводитъ взаперти въ своемъ жилищѣ, въ состояніи, напоминающемъ зимній сонъ животныхъ. Но когда именно наступаютъ для него дни глубокой старости и до какого высшаго возраста онъ доживаетъ, въ случаѣ, если ему удастся ускользнуть отъ своихъ безчисленныхъ враговъ и кончить естественной смертью, это никому неизвѣстно и понынѣ.

и. э.

Янтарная комната въ Дарскосельскомъ дворцѣ.

Историческая замѣтка.

Большой Императорскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ заключаетъ въ стѣнахъ своихъ достопримѣчательность, единственную въ своемъ родѣ,—именно: «Янтарную комнату». Мысль соорудить такую комнату принадлежала первому Прусскому королю Фридриху I, извѣстному любителю дороговизинныхъ и бесполезныхъ затѣй. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ XVIII вѣка балтійское побережье Пруссіи считалось королевскою собственностью. Поэтому королю Фридриху и не трудно было достать столько янтаря, чтобы изъ него соорудить украшенія для цѣлой комнаты. Не сохранилось свидѣній, въ какомъ именно году устроена была королевемъ Фридрихомъ «янтарная комната», но извѣстно, что комнату эту устраивалъ французъ Гофринъ Тусо, и что комната эта въ началѣ XVIII вѣка находилась въ Берлинѣ, во дворцѣ «Mon-bijou».

Въ 1716 году сынъ и преемникъ Прусскаго короля Фридриха I, король Фридрихъ-Вильгельмъ I, отличавшійся, какъ извѣстно, страшною скупостью, приступилъ къ союзу противъ Шведскаго короля Карла XII и поэтому заключилъ союзный договоръ съ Петромъ Великимъ. Въ томъ же году Петръ посѣтилъ своего новаго союзника въ Бер-

линѣ, гдѣ высокому гостю отведено было помѣщеніе во дворцѣ «Mon-bijou». Петръ прожилъ въ столицѣ Пруссіи четыре дня, и при отъѣздѣ получилъ «презрительный презентъ», какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ супругѣ своей Екатерины. «Презентъ» этотъ заключался въ «янтарномъ кабинетѣ» изъ дворца «Mon-bijou» и въ великолѣпной позолоченной яхтѣ, купленной тѣмъ же королемъ Фридрихомъ I въ Голландіи, болѣе чѣмъ за сто тысячъ талеровъ. Но дочь короля Фридриха-Видельма, маркграфиня Вайретская, въ «запискахъ» своихъ рассказываетъ объ этомъ «презентѣ» иначе. По словамъ ея, Петръ безъ стѣсненія (sans façons) выпросилъ у короля «кабинетъ, въ которомъ все убранство было изъ янтаря». Этотъ кабинетъ, по словамъ маркграфини, «былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, стоилъ громадныхъ суммъ королю Фридриху I и имѣлъ печальную участь быть отправленнымъ въ Петербургъ, къ великому всѣхъ сожалѣнію». Получивъ этотъ «презентъ», Петръ 7 января 1717 года писалъ изъ Амстердама въ Курляндію Алексию Петровичу Бестужеву-Рюмину: «Monsieur. Когда присланъ будетъ въ Мемель изъ Берлина отъ графа Александра Головкина кабинетъ янтарный (который подарилъ намъ королевское величество Прусское) и оный въ Ме-

мель приими, и отправь немедленно через Курляндию на курляндских подводах до Риги съ береженіемъ съ тѣмъ же посланнымъ, который вамъ сей нашъ указъ объявить, и придайте ему до Риги въ камвой (конвой) одного ундер-офицера съ нѣсколькими драгунами; также дайте тому посланному въ дорогу до Риги въ пищу денегъ, дабы онъ былъ доволенъ, и ежели будетъ требовать подъ тотъ кабинетъ саней и оныя ему дайте».

При отправленіи «янтарнаго кабинета» изъ Берлина въ Россію составлена была опись, сохранившаяся въ нѣмецкомъ подлинникѣ и современномъ ей русскомъ переводѣ въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ этой описи видно, что «янтарная комната», которую его королевское величество Прусское его царскому величеству презентовать «изволилъ», состояла изъ 22 большихъ, сдѣланныхъ изъ янтара, стѣнныхъ «штукъ» и до 180 прочихъ большихъ и малыхъ янтарныхъ досокъ и украшеній; въ нѣкоторыхъ изъ большихъ стѣнныхъ «штукъ» находились вѣдланныя уже зеркала. Въ описи подробно перечислены замѣчательнѣйшіе изъ этихъ янтарныхъ предметовъ: «Изготовленный шить съ большой главой, три изготовленные большія головы на деревѣ, семь малыхъ головъ, четырнадцать изготовленныхъ тюльпановъ, двѣнадцать изготовленныхъ розъ, пановъ, двѣнадцать изготовленныхъ розъ, три штуки съ раковинами (въ нѣмецкомъ текстѣ сказано: «Muscheln und Schnecken ausgemacht», т. е. раковинами и улитками обдѣланными)». Всѣ эти вещи были упакованы въ 18 большихъ и малыхъ ящикахъ и тюкахъ и отправлены изъ Берлина въ январѣ 1717 года.

Гдѣ первоначально помѣщена была «янтарная камора» въ Петербургѣ—въ точности неизвѣстно; но есть основаніе предполагать, что она помѣщалась въ бывшемъ «Зимнемъ дворцѣ» Петра Великаго, гдѣ онъ въ 1725 г. скончался. Этотъ дворецъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Эрмитажный театръ (у Зимней канавки). По описанію же Царскосельскаго большого дворца видно, что уже въ началѣ 1750 годовъ янтарная комната находилась уже въ новомъ зданіи этого дворца, сооруженномъ по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны на мѣстѣ стараго дворца Екатерины I. Въ это время комната была вполне установлена, а надъ карнизами, за недостаткомъ янтарныхъ досокъ, сдѣлана на холстѣ имитация на три стѣны. Въ царствованіе Екатерины II комната эту снова передѣлали, и съ тѣхъ поръ она стала служить предметомъ особаго вниманія путешественниковъ; особенно обра-

щало общее вниманіе изящное изображеніе «пяти чувствъ».

Желая съ своей стороны отблагодарить короля Фридриха-Вильгельма I за столь «президиальный презентъ», Петръ, зная, что король имѣлъ страсть набирать отовсюду великановъ для своего гвардейскаго батальона, послалъ «въ подарокъ» 53 русскихъ солдатъ-гренадеръ, отличавшихся такимъ ростомъ, что имъ не нашлось соперниковъ въ прусскомъ батальонѣ, и, кромѣ того, токарный станокъ и бокалъ собственной работы. На собственноручное письмо государя, въ которомъ онъ называлъ посылаемое къ королю «маленькимъ подаркомъ на память», король отвѣчалъ, что для него бокалъ собственноручной работы Петра есть «неоцѣнимая вещь», и что все присланное составляетъ для него «чрезвычайно пріятный подарокъ», при чемъ заключилъ письмо слѣдующими словами: «Я болѣе обязанъ вашему царскому величеству, нежели могу то выразить. Я желаю только найти скорый случай на дѣлѣ доказать вашему царскому величеству мою сердечную признательность. Впрочемъ, вышеупомянутые гренадеры со всею моею арміею и со всеѣмъ, что я въ состояніи употребить къ услугамъ и въ пользу вашего царскаго величества, состоятъ въ распоряженіи вашего царскаго величества». Снабженіе королевскаго «батальона великановъ» русскими солдатами продолжалось въ царствованіе Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны. Въ 1730 году число этихъ солдатъ доходило до 300. Въ 1734 году для нихъ въ Потсдамѣ построена была даже особая православная церковь. Въ 1750 году преемникъ Фридриха-Вильгельма I, король Фридрихъ II, упразднилъ этотъ «батальонъ великановъ»; православная церковь была закрыта, и на мѣстѣ ея устроенъ въ послѣдствіи театръ, а потомъ казенное зданіе 1-го гвардейскаго полка. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ одной изъ комнатъ въ Зимнемъ Дворцѣ (въ Петербургѣ) хранятся современные портреты русскихъ великановъ, бывшихъ въ прусской службѣ. Эти портреты были прежде въ Потсдамѣ и присланы королемъ Прусскимъ въ подарокъ императору Николаю Павловичу.

Вышеприведенными свидѣніями, основанными на архивныхъ документахъ, опровергается рассказъ, попавшій со словъ иностранныхъ писателей о Россіи XVIII вѣка во всѣхъ описаніяхъ Царскаго Села, будто бы находившаяся въ царскосельскомъ большомъ дворцѣ янтарная комната была подарена императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, за что императрица отблагодарила короля присылкою

для его батальона 80 великановъ-гренадеръ.

Въ 1820 году 12 мая эта знаменитая комната едва не погибла. Въ 3 часа пополудни, когда императоръ Александръ Павловичъ шелъ въ столовую, загорѣлась дворовая церковь. Огонь сталъ быстро распространяться на все зданіе, чему способствовали бывшій въ тотъ день сильнѣйшій вѣтеръ. Половина дворца, прилегавшая къ церкви, и находившійся по сосѣдству бывшій Царскосельскій лицей (нынѣ Императорскій Александровскій) объяты были пламенемъ, когда государь, чтобы спасти

остальную половину дворца, заключающую лучшія комнаты и, въ томъ числѣ, «янтарную», приказалъ прибывшимъ изъ Петербурга пожарнымъ разрубить крышу и выломать полы сквозной комнаты, раздѣлявшей обѣ половины дворца. Единственно благодаря этой мѣрѣ, уцѣлѣла «янтарная комната».

Въ настоящее время къ украшеніямъ «янтарной каморы» Петра Великаго прибавилось только нѣсколько янтарныхъ небольшихъ работъ новѣйшаго времени; всѣ онѣ расположены въ особомъ витринѣ. Посреди залы возвышается изящная модель монумента Фридриху II. н. ш.

„Желѣзная маска“.

Послѣднее рѣшеніе исторической загадки.

Въ Парижѣ у Ферменъ Дидо вышла въ свѣтъ книга Эмиля Бюро и Базери, подъ названіемъ: «Le Masque de Fer» («Желѣзная маска»). Эта уже пятьдесятъ-четвертая книга по этому вопросу и, можно надѣяться, уже послѣдняя, разрѣшающая, наконецъ, ту загадку, которая служила неисчерпаемымъ источникомъ для фантазій романистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекала воображеніе читателей. Высказываемая надежда на то, что, дѣйствительно, найдено рѣшеніе этой загадки, основывается на авторитетности сообщеній упомянутой книги, вытекающихъ изъ разобранной однимъ изъ авторовъ, комедантомъ Базери, шифрованной корреспонденціи Людовика XIV. Желѣзная маска, оказывается, была надѣта не на графа Вермандуа, сына Ла-Вилльеръ, за пощечину, данную имъ дофиню; точно такъ же жестокое наказаніе постигло и не герцога Бофоръ, который какъ-то загадочно исчезъ послѣ осады Кандіи; эта маска закрыла также не лицо мятежнаго герцога Маннмѣтчирскаго и не мантуанскаго измѣнника Маттиоли; не была она надѣта и на жертву иезуитовъ арминна Аведика, своею судьбой поразительно напоминающаго Вѣчнаго Жидка; наконецъ, подъ нею не скрывалось лицо незаконнаго сына королевы Анны Австрійской и герцога Бѣккингенскаго и не менѣе злосчастнаго и не болѣе законнаго сына той же овдовѣвшей уже королевы Анны Австрійской и Маргариты. Каждого изъ перечисленныхъ лицъ разные изслѣдователи выставляли «желѣзною маской», но — совершенно ошибочно. «Человѣкомъ съ желѣзной маской» былъ Вивіенъ Леббе Бюлондъ, рыцарь военнаго ордена Св. Людовика, губернаторъ города

Динана, великій пріоръ ордена Богоматери Кармельской горы и Св. Лазаря Иерусалимскаго, генералъ-лейтенантъ королевской арміи. Шифрованная депеша военнаго министра Лува, посланная 8 июля 1691 г. главнокомандующему Пьемонтской арміей, Катина, оканчивается слѣдующими словами:

«Его величество желаетъ, чтобы вы приказали арестовать г. Бюлонда и отправить его въ цитадель Пиньероль, гдѣ, какъ благоугодно его величеству, онъ долженъ быть заключенъ въ одну изъ комнатъ цитадели; днемъ же онъ можетъ быть на свободѣ и гулять по крѣпостному валу *въ маскѣ*». Судя по приложенному въ концѣ книги вѣлю шифра Людовика XIV, несомнѣнно, что Базери, считающійся по праву замѣчательнымъ криптографомъ, дешифровалъ эту депешу совершенно правильно. Такимъ образомъ, вполнѣ установлено, что Бюлондъ былъ заключенъ въ Пиньерольскую крѣпость за то, что онъ противъ воли короля снялъ осаду города Кони, и на него была надѣта маска. Руководимые этой шифрованной перепишкой, авторы прослѣживаютъ судьбу обреченнаго въ маску узника годъ за годомъ, его странствія изъ одной тюрьмы въ другую, — изъ Пиньероля, теряющаго въ 1694 г. свое значеніе государственной тюрьмы, въ Сентъ-Мартгеритъ, а оттуда въ Бастилю, въ которую онъ былъ препровожденъ въ 1696 г. Здѣсь, какъ разъ въ депешѣ, говорившей о переводѣ его въ Бастилю, выскоблено одно слово: — имя того, который долженъ былъ быть туда переведенъ. Но стараніями обоихъ изслѣдователей выскобленное слово обнаружено. На этомъ мѣстѣ, хотя и слабо, но все-таки виднѣтся слово: «le général».

Несомненно, что под этим «général» подразумевается генерал-лейтенант Бюлондъ. Спрашивается только, каким образом такое высокопоставленное лицо, как Бюлондъ, могло исчезнуть незамѣтно, как для лицъ при дворѣ, так и для всего современнаго ему общества: развѣ мыслимо, чтобы объ исчезновеніи его нигдѣ не упоминалось? На это отвѣчаютъ авторы Бюрга и Вазери, что для современниковъ Бюлонда въ его исчезновеніи не было ничего таинственнаго или загадочнаго. Бюлондъ былъ приговоренъ за свое преступленіе къ пожизненному тюремному заключенію: при Людовикѣ XIV не было ничего необыкновеннаго въ томъ, что, въ силу ли прихоти или же какихъ-либо другихъ соображеній, онъ принуждалъ узника носить днемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ легкую бархатную маску. «Желѣзная маска» возникла уже въ фантазіи позднѣйшихъ романистовъ, и генералъ превратился, въ ихъ богатомъ воображеніи, въ принца, чуть-ли не короля, въ какого-то мученика, въ несчастную жертву жестокаго деспотизма, въ какого-то заживо погребеннаго и безъ вѣсти пропавшаго. Впервые исторію съ «человѣкомъ въ желѣзной маскѣ» пустилъ въ ходъ Вольтеръ. Очень можетъ быть, что онъ намѣренно рассказалъ эту таинственную исторію, съ тѣмъ чтобы задать ученому міру такую загадку, надъ которой ломали головы въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ пятьдесятъ три ученые.

Библиографія.

Вокругъ свѣта въ 11 мѣсяцевъ. Путевыя записки Анны Брассей. Съ рисунками. Въ сокращенномъ переводѣ Н. И. Познякова. СПб. Изд. кн. магаз. Луконникова. 1893. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп., въ коленкоромъ перепл. съ золотомъ 1 р. 60 к.

Въ 1876—77 годахъ, г-жа Анна Брассей, первая изъ женщинъ, совершила на своей собственной яхтѣ кругосвѣтное путешествіе, обративъ на себя въ то время всеобщее вниманіе. Возвратившись изъ этого путешествія, отважная мореплавательница издала подробныя путевыя записки свои, доказавшія, что г-жа Брассей смотрѣла на проходившія передъ ея глазами явленія жизни глазами человѣка просвѣщеннаго и отзывчиваго по природѣ. Обитатели разнообразныхъ странъ отъ Англій и до Англій черезъ Аме-

рику, на всемъ великомъ пути сношеній человѣчества, съ ихъ особенностями и историческими судьбами нашли отзывъ въ душѣ путешественницы. Значительное сокращеніе этой книги, сдѣланное, однако, умѣлою рукой, и составляетъ книжка, заглавіе которой выписано выше. Издана она прекрасно, украшена хорошими картинками. По содержанию своему полезна и доступна для дѣтей, приближающихся къ старшему возрасту.

Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ). **Дѣти.** Выдающийся талантъ кн. Дм. Голицына уже давно извѣстенъ публикѣ, и въ немъ меньшей степени проявился въ настоящей книгѣ. Заглавіе этой книги замѣчательно удачно и характерно. Это, собственно, рядъ отдѣльныхъ талантливыхъ очерковъ, рисующихъ правдиво и ярко жизнь дѣтокъ. Единственное общее, что соединяетъ въ одно цѣлое эти очерки, — это горячая любовь автора къ дѣтямъ... Предъ читателемъ проходить длинный рядъ живыхъ, яркихъ картинъ дѣтской жизни и характеровъ, какъ дѣтей, такъ, за-одно, и взрослыхъ, занимающихся тяжелымъ и труднымъ дѣломъ воспитанія ихъ... Каждая изъ этихъ картинъ вполне закончена, напоминаетъ о выдающейся наблюдательности автора и обнаруживаетъ въ немъ тонкое знаніе самыхъ сокровенныхъ изгибовъ дѣтской души. «Дѣти» только служатъ подтвержденіемъ, что талантъ нашего молодого писателя все развивается и растетъ, и можно смѣло сказать, что книга эта займетъ подобающее ей, выдающееся мѣсто въ современной нашей изящной литературѣ.

Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. Съ приложеніемъ двухъ геліографуръ. В. Теплова. СПб. 1893.

Неутомимый изслѣдователь всего, что касается Востока, В. Тепловъ выпустилъ въ свѣтъ новый историческій очеркъ о графѣ Каподистрія, — этой свѣтлой личности, воспоминаніе о которой неразрывно связано съ зарею греческой независимости. Широкими штрихами авторъ очерчиваетъ судьбы Греціи подъ мусульманскимъ владычествомъ и ту роль, которую играла Россія въ освобожденіи единовѣрной намъ страны. Крайне любопытны также свѣдѣнія, — изъ которыхъ многія являются въ печати впервые, — о начальномъ періодѣ дѣятельности гр. Каподистрія и о томъ времени, когда, силою событийъ выдвинутый на первый планъ, отдалъ онъ все свои силы тяжелому дѣлу устроения Эллады, представлявшей тогда изъ себя разоренную пустыню, въ которую, однако, онъ сумѣлъ, благодаря своему организаторскому таланту, вдохнуть новую жизнь. Тяжка была

задача президента Греціи, и служеніе его родинѣ запечатлѣлось подъ конецъ безвременной его смертью отъ руки убійцы. Особенно подробно разработанъ авторомъ вопросъ о причинахъ этой катастрофы. Яркими, выпуклыми чертами обрисованы имъ внутренній распри между потомками древнихъ адриновъ, такъ же страстно, какъ и ихъ предки, увлекавшихся борьбою партій, — интриги въ Греціи западныхъ державъ и, вообще, совокупность тѣхъ обстоятельствъ, слѣдствіемъ которыхъ, роковымъ образомъ, явилась неизбежность кровавой трагедіи, разыгравшейся у вратъ церкви Св. Спиридона и окружившей величавый обликъ гр. Каподистрія лучезарнымъ ореоломъ мученика, отдавашаго всего себя и свою жизнь въ жертву отчизнѣ. Къ книгѣ В. Теплова приложены два превосходные снимка съ портрета гр. Каподистрія и съ рѣдкой граверю, изображающей послѣдній его минуты.

Д. И. Стахѣевъ. Неугасающій свѣтъ. Романъ. СПб. 1893. Цѣна 1 р.

Романъ г. Стахѣева рассказываетъ исторію одного художника, очень трогательную и полную живой идеей. Поражаемый неудачами, а также то злобой, то невѣжествомъ массы людской, утомленный Размахилловъ (такъ звали художника) бросаетъ искусство, которому служилъ (вѣрнѣе: которому учился) и устривается, при помощи брата, на хлѣбное мѣсто въ купеческой конторѣ. Къ этому побуждаетъ его, между прочимъ, и увлеченіе одной дѣвицей, которая, какъ водится, смотрѣла на жизнь женскими практическими глазами. И вотъ онъ отлично устроился. Но «неугасающій свѣтъ» идеальныхъ стремленій живетъ въ его душѣ, и, подъ влияніемъ минуты, онъ бросаетъ службу, чтобы вновь отдаться своей страсти къ изображенію людей и природы. Горько плачетъ его жена, даже бросаетъ его горяча, но возвращается. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и на выставкѣ появляется картина, привлекающая общее вниманіе. Она — нашего художника. Счастье, удача, наконецъ, улыбнулись ему; будущность его обезпечена, предстоитъ заграничное путешествіе. Но въ этотъ-то именно моментъ онъ умираетъ: у него хватило таланта создать превосходную картину, но не достало силы и ловкости, чтобы обратить на этотъ талантъ раньше должное вниманіе людей.

Исторія нѣмецкой литературы, Вильгельма Шерера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Ч. I и II. СПб. Изд. А. Ф. Пантелѣва. 1893. Цѣна по 3 р. за томъ, за два тома 5 р. 50 к.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ русскомъ переводѣ названнаго сочиненія,

отличающагося исключительными достоинствами. Шереръ — одинъ изъ представителей нѣмецкой науки ближайшаго къ намъ времени, отличавшейся столько же глубокой ученостью, сколько широтой воззрѣній, и его исторія нѣмецкой литературы проникнута живыми нравственными и просвѣтительными идеями. Ко второй части книги приложена статья редактора «Вильгельмъ Шереръ», знакомящая съ нравственною личностью автора исторіи и его дѣятельностью, и написанная съ той глубиной знанія и увлекательностью изложенія, какія свойственны А. Н. Пыпину. То же имя знаменитаго русскаго ученаго ручается за исключительное выполненіе перевода.

Школа здоровья (домашній лѣчебникъ). Съ 150 общепонятн. рис. Въ двухъ частяхъ. Общедоступно изложено д-ромъ Андреевскимъ. 5-е дополн. изданіе. Москва. 1893. Изданіе книгопр. Ступина. Ц. 3 руб.

Подробное заглавіе дополняетъ выписанное нами слѣдующими разъясненіями: «Практическое руководство къ сохраненію здоровья и продленію жизни, предупрежденію и распознаванію всѣхъ болѣзней и ихъ лѣченію испытанными средствами, безъ помощи врача и аптеки, по правиламъ аллопатіи, гомеопатіи и всѣхъ прочихъ способовъ врачеванія. — Самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Больше 3,000 рецептовъ лѣкарствъ, наружныхъ и внутреннихъ (на рускомъ и латинскомъ языкахъ). Полный популярный курсъ медицинскій». Такова программа этого труда, построеннаго «на основаніи многолѣтняго опыта и новѣйшихъ научныхъ данныхъ». И нужно сказать, что «Шк. здор.» до значительной степени выполняетъ эту, повидимому, широкѣйшую программу. Книга эта, дѣйствительно, не просто «лѣчебникъ», а популярный и очень значительный курсъ медицины, по которому можно выучиться лѣчить съ полнымъ сознаніемъ, что дѣлаешь. Конечно, доктора онъ замѣнить не можетъ, но для тѣхъ, кто по возможности и по крайнему разумнѣю помогаетъ народу лѣченіемъ въ мѣстностяхъ отдаленныхъ, «Школа здоровья» окажетъ значительныя услуги. 1-е изданіе книги, въ 1879 году, встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ.

Голосъ сельскаго пастыря. Поученія, рѣчи и виѣбогослужебныя чтенія священника села Воскресенскаго, Нижегородской губерніи. Феодора Богородскаго. Изданіе второе, исправленное и дополненное. СПб. Изд. Тузова. 1893. Ц. 1 р. 50 коп.

Книга эта представляетъ замѣчательное явленіе въ сферѣ церковныхъ проповѣдей

по необычайной простоте и доступности рѣчи. Въ противность обычаю, въ ней нѣтъ вышшняго краснорѣчя, проповѣди ея кажутся говореными безъ всякаго приготовления, простою бесѣдой; но не много надо вниманя, чтобы увидѣть, что онѣ необыкновенно краснорѣчны внутреннимъ краснорѣчьемъ, воодушевленіемъ, силой и убѣдительною рѣчи. Проповѣди отца Феодора Богородскаго могутъ служить лучшимъ примѣромъ того, какими должны быть церковныя проповѣди, обращенныя къ простому деревенскому люду.

Моя жизнь во Христѣ, или минуты духовнаго трезвленія и созерцанія, благоговѣйнаго чувства, душевнаго исправленія и покоя въ Богѣ. Извлеченіе изъ дневника протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. Т. I и II. Изд. 4-е, испр. и дополи. Съ портретомъ автора. Москва. У книгопр. Ступина. 1894. Ц. 2 р. 50 коп.

Происхожденіе этой книги указано самимъ авторомъ. «Все содержащееся въ ней есть не иное что», говоритъ онъ, «какъ благодатное озареніе души... въ минуты глубокаго къ себѣ вниманія и самоспытанія... Когда могъ, я записывалъ благодатныя мысли и чувства, и изъ этихъ записей многихъ годовъ составила теперь книга. Содержаніе книги весьма разнообразно. Дѣйствительно, это—мысли самаго разнообразнаго содержанія, связанныя несокрушимымъ цементомъ горячихъ вѣры, одушевленія и глубокаго чувства, сквозящихъ изъ каждой строки книги. Авторъ этой книги, отецъ *Іоаннъ Кронштадтскій*, пользуется такой извѣстностью во всей Россіи, что было бы излишне говорить о значеніи мыслей изъ дневника его не для однихъ только безхитрою ишущихъ поученія, но и для тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ духовнымъ строемъ столь замѣчательной личности.

Установленія Ветхозавѣтной Церкви и Христіанскія, для которыхъ первыя служили образами. Протоіерея Г. С. Дебольскаго. Изд. 2-е (книгопр. Тузова). СПб. 1894. Цѣна 60 коп.

На русскомъ языкѣ «почти нѣтъ сочиненій, исключительнымъ предметомъ которыхъ были бы постановленія Ветхозавѣтной Церкви. Въ Библии они изложены не подъ рядъ, и не легко объять ихъ въ полномъ составѣ; но прочитать въ связи и знать ихъ во многихъ отношеніяхъ полезно». Вотъ соображенія, несомнѣнно справедливыя, которыя побудили автора написать свою книгу, которая составляетъ цѣнное приобрѣтеніе въ духовной литературѣ нашей.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ. Три защитительныхъ слова противъ порицающихъ святыхъ иконы или изображенія. Съ гре-

ческаго перевода **Александръ Бронзовъ**, преподаватель С.-Петербур. Духовной семинаріи. СПб. Изд. Тузова. 1893. Ц. 1 р.

Снабженный обширными примѣчаніями, ученый переводъ рѣчей Св. Іоанна Дамаскина столько же принадлежитъ духовной, сколько и исторической литературѣ. Іоаннъ Дамаскинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ христіанскихъ ораторовъ и духовный поэтъ, въ рѣчахъ своихъ въ защиту иконъ отражаетъ съ необыкновенною силою эпоху иконоборчества во всемъ ея нравственномъ смыслѣ. Самъ Св. ораторъ, признававшій и говорившій, что «дѣла, совершаемыя посредствомъ насилія, а не убѣжденія, суть разбойническія», — является передъ нами во всемъ блескѣ умственной силы и убѣдительнѣйшаго краснорѣчя. Трудъ г. Бронзова заслуживаетъ самаго горячаго привѣтствія.

Православно-церковный календарь на 1894 г. Съ приложеніемъ стѣнного календаря. Четвертый годъ. СПб. Изд. Тузова. 1894. Цѣна 30 коп.

Календарь этотъ совершенно своеобразенъ. Въ немъ на каждый день указаны не только всѣ святые, но вкратцѣ даны свѣдѣнія о жизни и подвигахъ наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ или чтимыхъ въ Россіи, исторія праздниковъ, а также особенности богослуженія въ нѣкоторые праздничные и великопостные дни. Подъ каждымъ числомъ читатель найдетъ указанія, какіе апостолы и Евангелія читаются на церковныхъ служеніяхъ въ тотъ день. При слухомъ незначительной цѣны его, «Православно-церковному календарю» должно желать самаго широкаго распространенія; читатель каждый день найдетъ въ немъ примѣры нравственной высоты и идеальныхъ стремленій, связанныхъ съ вѣрой.

Игнатій Домбровский. Смерть. Этюдъ. Перевелъ съ польскаго Л. И. Горбачевскій. СПб. 1894.

Этюдъ Домбровскаго, отдаленно напоминающій тургеневскій «Дневникъ лишняго человека», написанъ очень талантливо. Замѣчательно правдиво и искренно переданы переходы отъ отчаянія къ апатіи, отъ апатіи къ отчаянію, отъ отчаянія къ надеждѣ и т. д., и т. д., грустные чувства и мысли и совершенно новое отношеніе къ жизни и къ природѣ у человека, волей-неволей убѣждающагося, что ему предстоитъ неизбежная и скорая смерть. Г. Горбачевскій, не первую уже беллетристическую вещь переводящій съ польскаго языка, на этотъ разъ сдѣлалъ очень удачный выборъ.

Учебникъ зоологій, составленный примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть первая (отдѣлъ позвоноч-

ныхъ). Составилъ **С. К. Персональный**. Москва. 1893.

Въ учебной практикѣ весьма ощущаются недостатки такихъ учебниковъ по зоологій, которые были бы приспособлены къ дѣйствующимъ въ среднихъ школахъ программамъ. Учебникъ г. Персональнаго, преподавателя естественной исторіи и физики въ Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ, и имѣетъ свою цѣлью восполнить этотъ недостатокъ. Изложеніе приурочено въ немъ къ программамъ, главнымъ образомъ, реальныхъ училищъ. Необходимые рисунки, приложенные въ концѣ книги, сдѣланы отчетливо.

Счетоводство для магазиновъ и лавокъ по двойной бухгалтеріи А. Я. Батенькова. 2-е исправл. изд. Нижній-Новгородъ. 1894.

Книга эта получила похвальный отзывъ и серебряную медаль (въ 1890 г.) и, конечно, заслуживаетъ вниманія интересующихся дѣломъ, которому посвящена она. Г. Батенькинъ и бухгалтеръ-практикъ, и преподаватель бухгалтеріи въ Нижегородскомъ Рѣчномъ училищѣ. Въ книгѣ его — три полные примѣра книговеденія для малой и большой, розничной и оптовой торговли, съ приложеніемъ отчетовъ и схемъ главной книги и счетоводства.

Драматическія сочиненія Григ. Квитки (Основьяненки). Киевъ. 1893. Изд. кн. Іогансона. Ц. 35 коп.

Имя Квитки - Основьяненки пользуется слишкомъ широкою извѣстностью, чтобы говорить о значеніи драматическихъ сочиненій его. Дешевое изданіе во всякомъ случаѣ можно только привѣтствовать. Въ книгѣ напечатаны пьесы: «Шельменко, волосатый писарь», комедія, «Шельменко, денщикъ», комедія, «Сватанія на Гончаривцѣ», опера, и «Щыра любовь», драма.

Фотографическій ежегодникъ П. М. Дементьева. Съ 9-ю художественными приложеніями. Годъ II (1893). СПб. Изд. Веснера. Цѣна 2 р. 50 коп.

Въ специальной литературѣ по фотографіи ежегодники г. Дементьева являются чрезвычайно полезными, отражая успѣхи фотографіи, быстро, какъ извѣстно, развивающейся. Въ высокой степени художественно исполненныя фотографіи, приложенныя къ ежегоднику, даютъ наглядное представленіе объ этихъ успѣхахъ.

Охрана дѣтства. Присяжный повѣренный В. М. Сорокинъ. СПб. 1893. Ц. 1 р. 50 коп.

Авторъ названной книги, конечно, не могъ охватить во всей совокупности обширный вопросъ о «защитѣ дѣтей» отъ гибельныхъ вліяній на ихъ физическую и моральную природу:

отъ жестокаго обращенія разныхъ «хозяевъ», а иногда и родителей, отъ ихъ развращенія и т. п. Но хорошо уже и то, что онъ обращаетъ свою книгу вниманіе на этотъ важный вопросъ общественной жизни. Большое мѣсто отведено въ книгѣ исторіи вопроса, законодательству и практической дѣятельности по «охранѣ дѣтства» въ различныхъ цивилизованныхъ странахъ.

Д-ръ Воаст. Дѣта при болѣзняхъ желудка и кишечъ. Переводъ подъ редакціею съ примѣчаніями и дополненіями д-ра мед. Л. О. Фингельштейна. (Популярная Библиотека медицинскихъ знаний, т. II). СПб. 1894. Цѣна 60 коп.

Имя д-ра Воаста, специалиста по болѣзнямъ желудочно-кишечнаго канала, пользуется солидною извѣстностью въ повѣйшей популярной медицинской литературѣ, и переводъ его сочиненія на русскій языкъ можно только привѣтствовать. Переводчикъ не безъ основанія, по крайней мѣрѣ, относительно городовъ, замѣчаетъ, что «врядъ ли мы въ настоящее время найдемъ человека, который бы въ той или иной формѣ не страдалъ желудочно-кишечнымъ каналомъ»; и тѣмъ умѣстнѣе хорошее популярное изложеніе того, какъ при нихъ долженъ вести себя человекъ.

Книги, поступившія въ редакцію «Нивы»:

Руководство къ различнымъ родамъ живописи для любителей. (Художественныя ремесла). Сост. Вас. Ив. Михайловъ. СПб. 1893. Цѣна 80 коп.

Выжиганіе. Руководство для выжиганія по дереву, кожѣ, бархату и сукну. А. І. Константиновой. СПб. 1893. Цѣна 75 к.
Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3-го Іюня 1886 года о наймѣ рабочихъ, на фабрикахъ и заводахъ Владимирской губерніи. Инженеръ-механикъ А. А. Миклулина. Владимиръ. 1893. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. С. Ждановъ. Краткое руководство къ исправленію дурнозвѣщихъ и порочныхъ лошадей. (Библиотека для любителей лошадей. II). СПб. 1893. Цѣна въ пер. 1 р.

Антикварный каталогъ № LIV. Коллекція сочиненій на русскомъ языкѣ, имѣющихся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ и антикварной торговлѣ Н. Киммеля, въ Ригѣ. Рига. 1893.

Дешевая бібліотека. Изданіе А. С. Суворина. Э. Т. А. Гофманъ. Житейскія воззрѣнія кота Мурра. Переводъ съ нѣмецкаго К. Вальмонта. Въ трехъ книжкахъ. Цѣна первыхъ двухъ книжекъ—20 к., третьей—30 к.

ШАХМАТЫ

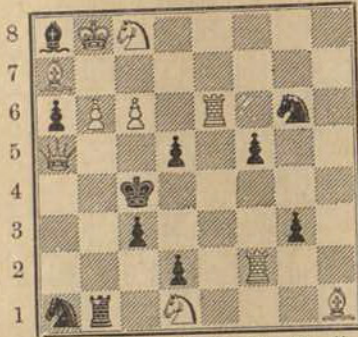
под редакц. Э. С. Шифферса.

Задача № 1. S. Loyd (New-York).

Предложена на турнир рѣшенія задачъ въ Нью-Йоркѣ. Э. Ласкеръ рѣшилъ ее первый (въ 35 минутъ).

Черные.

А В С D E F G H

Бѣлые.

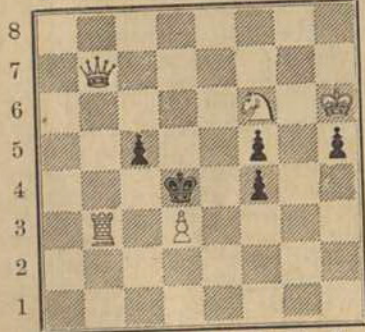
Мать въ 3 хода.

Задача № 2.

Первый призъ голландскаго національнаго конкурса. (Имя автора неизвестно).

Черные.

А В С D E F G H

Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 3. H. Sudmore (London).

Первый призъ англійскаго конкурса.

Бѣлые: ♔g5 ♕a8 ♖a7, d2 ♗c5, e4

♘b2. Мать въ 2 хода.

♙e6 ♚e7 ♜c4 ♞b3, c7, g7, g6. Мать въ 2 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

Курсъ дебютовъ.
(Продолженіе).

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

1. e2—e4, e7—e5; 2. К. g1—f3, К. b8—c6; 3. С. f1—b5.

IX.

3. a7—a6
Этотъ ходъ такъ же силенъ, какъ 3... К. g8—f6. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ онъ даетъ возможность подвинуть b7—b5 (послѣ 4. С. b5—a4). Андерсенъ не признавалъ защиты a7—a6; онъ говорилъ, что черные ухудшаютъ этимъ свое пѣшечное положеніе.

На 3... a7—a6, бѣлые отвѣчаютъ 4. С. b5—a4. Если 4. С. b5 : c6, то d7 : c6.

Если теперь 5. К. f3 : e5, то 5... Ф. d8—d4 и черные отыгрываютъ пѣшку съ хорошимъ положеніемъ. Если же 5. 0—0, то С. d6, С. g4 или 5... Ф. f6 съ равной игрой. На 4. С. b5—a4, лучший отвѣтъ черныхъ 4... К. g8—f6. Теперь у бѣлыхъ слѣдующія продолженія:

А. 5. 0—0; В. 5. d2—d3; С. 5. d2—d4; Д. 5. К. b1—c3 и Е. 5. Ф. d1—e2.

Мы рассмотримъ продолженія А и В. Относительно остальныхъ ссылаемъ читателей къ разбору VIII-й защиты 3... К. g8—f6 (Сб. № 9 и 10, за Сент. и Окт. 1893 г.).

А.

3. С. f1—b5 a7—a6

4. С. b5—a4 К. g8—f6

5. 0—0 К. f6 : e4

Если 5... С. e7, то 6. К. c3, d6; 7. С. : c6+, в.; 8. h3 съ хорошей игрой для бѣлыхъ.

6. d2—d4

Лучше чѣмъ 6. Л. e1 или 6. Ф. e2; тогда 6... К. e4—c5.

6. b7—b5!

Лучше чѣмъ 6... С. e7; 7. Ф. e2.

7. С. a4—b3 d7—d5!

8. d4 : e5

Если 8. К. : e5, К. : e5; 9. de, то c6 или 9... С. e6 или С. b7.

8. c8—e6(a)

9. С. c1—e3 С. f8—e7

10. c2—c3 0—0

а.

8. К. c6—e7

ходъ Андерсена.

9. С. c1—e3

Если 9. К. g5, то лучший отвѣтъ 9... К. c5. Если 9. a2—a4, то Л. b8 или 9... С. g4; 10. ab, ab; 11. Л. : a8, Ф. : a8 и т. д.

9. С. c8—b7
10. К. b1—d2 Н. e4 : d2
11. Ф. d1 : d2 Н. e7—g6
12. c2—c3 С. f8—e7

у черныхъ хорошая игра.

В.

5. c2—d3 С. f8—c5(a)
6. c2—c3

Хорошо также 6. 0—0.

b7—b5

7. С. a4—c2

Лучше чѣмъ 7. С. b3, d5; 8. ed, К. : d5;

9. К. : e5 (если 9... К. : e5, то 10. d4) С. : f2+;

10. К. : f2, К. : e5; 11. Л. e1, Ф. f6+.

d7—d5

Н. f6 : d5

0—0

h7—h6

e5 : d4

С. c5—b6

Н. d5—b4

С. c8—e6

Н. b4—d5

а.

5. d7—d6

6. С. a4 : c6+

Лучше 6. c2—c3.

b7 : c6

g7—g6!

С. f8—g7

Л. a8—b8

Лучше чѣмъ 9... 0—0; 10. Ф. d1—d2.

У черныхъ сильная партія. На 10. b3 или 10. Л. b1, они продолжаютъ e5 и h6.

Х.

3. С. f1—b5 d7—d6

Эта защита въ новѣйшее время стала опять чаще встрѣчаться на практикѣ; Стейницъ считаетъ ее наилучшей.

Бѣлые продолжаютъ:

4. d2—d4 С. c8—d7

5. 0—0 С. f8—e7

Игра равна; бѣлыхъ немного свободы. Защита 3... С. f8—e7 встрѣчается рѣдко и приводитъ къ знакомымъ уже вариантамъ.

Чигоринъ въ матчѣ противъ Тарраша защищался нѣсколько разъ слѣд. образомъ: 3. С. b5, a6; 4. С. a4, К. f6; 5. К. c3, d6; 6. d4, К. d7. Бѣлые могутъ двинуть пѣшки на линіи с, но у черныхъ остаются 2 слова и свободная игра. Партія равна.

Если 6... b7—db5, то 7. d4 : e5! и т. д. (7. С. b3, ed; 8. К. : d4, К. : d4; 9. Ф. : d4, c5 и 10... e4).

(Продолженіе будетъ).

Рѣшенія задачъ, помещенныхъ въ сборникѣхъ «Нивы» №№ 10 и 11, за октябрь и ноябрь 1893 г. Сб. № 10 : а октябрь.

Задача № 23. Keidanski (Berlin). Мать въ 4 хода.
1. Кр. c6—c5, Кр. e5; 2. К. e4, Кр. : e4 (А); 3. Кр. d6, Кр. d4; 4. Л. f4+. А. 1...; 2...; Кр. e6; 3. К. g5+, Кр. e5; 4. f4+.

Задача № 24. Iversen (Kopenhagen). Мать въ 3 хода.
1. Ф. h2—e5, Кр. : g1; 2. Ф. h5, c; 3. Ф. С+.

Задача № 25. Этьюдъ Горвица. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.
1. Л. h2—h8, Кр. a4—a5; 2. Кр. : c3, b1 К+! (Если b1 Ф., Л. или С., то 3. Л. a8+, 4. Л. b8+ и выигрываетъ) 3. Кр. b2, К. d2; 4. Л. h4 и затѣмъ или 4... Кр. b5; 5. Кр. c3, К. g3; 6. Л. g4 и т. д.; или 4... К. f3, 5. Л. e4 и т. д. Конь завоевывается во всѣхъ случаяхъ.

Задача № 26. Этьюдъ Горвица. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

1. Ф. f7—f6+, Л. g8—g7; 2. Л. f1—g1! (Если 2. Ф. d8+, Ф. g8) Л. g7; 3. Ф. d4+, c; 4. Л. f8+ или 4. Л. d1+; 3. Л. f8, Л. g5+ и т. д. Бѣлый король отъ шаховъ ладья можетъ спасаться только на a8, b8, c8 или e8. Тогда Ф. : f8 и Л. g8 съ полнымъ разномыслиемъ фигуры.

Если 2. Ф. e5, Ф. h3; 3. Л. f8+, Кр. h7; 4. Ф. e4+, Л. g6; 5. Л. f7+, Кр. h6; 6. Ф. f4+, Л. g5+; 7. Кр. b4, Ф. g4; или 7. Кр. b6, Ф. e6+; 8. Кр. c; Ф. : f7+; (9 Ф. : f7, Л. g7 съ обмѣномъ).

2... Ф. h5+; 3. Кр. b6, Ф. h7; (или Ф. f7; 4. Л. h1+, Кр. g8; 5. Ф. d8+, Ф. f8; 6. Л. h8+ и выигрываетъ ферзю); 4. Ф. d8+, Л. g8 (или Ф. g8; 5. Ф. h4+, Ф. h7; 6. Ф. f6 и т. д.); 5. Ф. d4+, Л. g7; 6. Ф. f6, Кр. g8; 7. Ф. d8+ Кр. f7; 8. Л. f1+, Кр. e6 (8... Кр. g6; 9. Ф. d6+, Кр. h5; 10. Ф. h2+, Кр. c; 11. Ф. g2+, Кр. c; 12. Л. h1+); 9. Л. f6+, Кр. e5; 10. Ф. d6+, Кр. e4; 11. Л. f4+, Кр. e3; 12. Ф. d4+, Кр. e2; 13. Л. f2+, Кр. e1; 14. Ф. d2+. Можно выиграть также и ходомъ 3. Кр. b4 (вмѣсто Кр. b6), но медленнѣе.

Сборн. № 11. за ноябрь.

Задача № 27. S. Steiner (Wien). Обратн. мать въ 3 хода.
1. g6—g7, Кх; 2. Л. e5+, К. : e5; 3. Ф. e6, С. g5+.

Задача № 28. E. Schöber (Leipzig). Мать въ 3 хода.
1. К. d6—e8, К. : e8 (А); 2. Ф. : d5+ и т. д. (А). 1...;

Кр. d4 (4); 2. Ф. e3+ и т. д.

Задача № 29. В. И. Шошина (СПБ). Мать въ 2 хода.
1. g2—g4, c; 2. Мать различными способами.

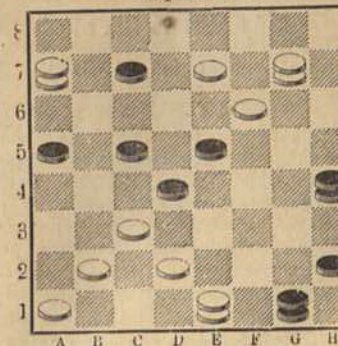
Правильныя рѣшенія прислали: Б. Палейный, Соболевъ (С.-Петербург.); М. А. Кулеша, С. А. Соколовъ (Москва); Л. К. Истоминъ, А. П. Сусликовъ (Харьковъ); М. А. Юновидовъ (ст. Кольно, Саратовъ) (№ 29).

ШАШКИ.

Задача № 4.

П. Шошина и Е. В. Андресена (СПБ.).

Черныя.

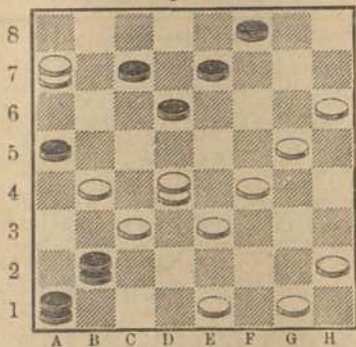
Бѣлыя.

Запереть дамку.

Задача № 5.

С. Е. Орлова (слоб. Журавна, Воронежск. губ.).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ Сборникахъ «Нивы» №№ 10 и 11, за октябрь и ноябрь 1893 г.

Октябрь № 10. Задача № 14. С. П. Соколова (Налуга). Запереть дамку. 1. a5-d2, 2. e5-d6, 3. d2-e3, 4. a1-b2, 5. g5-h4, 6. h4-b4, 7. g3-f4, 8. e1-b2, 9. f4-h6 (или d6), 10. e1-c3.

№ 15. Е. В. Андрозена (СНБ.). Запереть дамку и 2 простыя. 1. d5-b8, 2. e5-d6, 3. e3-f4, 4. b8-a7, 5. a7-d4, 6. d2-a5, 7. a5-e1.

Ноябрь № 11. Задача № 16. С. Е. Орлова. Запереть 2 простыя. 1. e3-f4, 2. g5-f6, 3. h6-b4, 4. a5-b6, 5. h4-f2, 6. h8-d4, 7. d4-c5, 8. f2-e3, 9. e3-f4, 10. e5-d4, 11. d4-e5, 12. b4-c5, 13. b2-a3.

№ 17. Е. В. Андрозена. Запереть простую. 1. b8-c7, 2. f6-g7, 3. e3-f4, 4. d2-c3, 5. f4-e5, 6. f8-g5, 7. f2-h4.

Правильныя рѣшенія прислали: М. А. Юновидовъ (с. Кошкино, Саратов. губ.), А. Т. Трубуновъ, Ф. Ф. Сурлинъ, И. Святочиновъ, С. А. Соколовъ (Москва), В. Е. Журавлевъ (Медвиль), В. С. Виноградовъ (Ляблинъ), А. В. Михайловъ (Гродно), С. П. Соколовъ (Налуга), С. Гро-Гверанъ.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

подъ редакціей Ю. О. Г.

Задача № 6.

Въ одной варварской странѣ былъ обычай убивать плѣнныхъ, захваченныхъ на войнѣ. Но прежде чѣмъ плѣннаго убить, его подвергали допросу, и если онъ на всѣ разспросы говорилъ правду, то для него полагалась болѣе легкая казнь — разстрѣливаніе, а если лгалъ въ показаніяхъ, лгалъ, то болѣе тяжкая — четвертованіе. Одинъ изъ плѣнныхъ остался все-таки пощаженнымъ. Спрашивали, что же онъ такое сказалъ своимъ врагамъ при допросѣ?

Геометрическая задача № 7.

Даны правильныи шестиугольникъ, сторона котораго = 1 дюйму и квадратъ, сторона котораго = $\frac{3-\sqrt{3}}{2}$ дм.; требуется сложить изъ этихъ фигуръ квадратъ. Укажи, какъ велика площадь искомаго квадрата и покажи, какъ нужно дѣлать данныя фигуры на возможно меньшее число частей.

1	2	3
к	а	а
о	і	в
р	л	о
я	м	с
м	с	л

Перестановка буквъ № 8.

Въ данныхъ пяти пластинкахъ переставить буквы такъ, чтобы, сложивъ первую со второй и приложивъ четвертую, можно было прочесть начало пословица, а сложивъ первую съ третьей и приложивъ пятую — конецъ ея.

4	5
а	н
в	а

Рѣшеніе задачи № 22

(помѣщенной въ Сборникѣ № 11 за 1893 г.)

Латинской эпитафій: «Tu fui, ego eris» вполне соответствуютъ два послѣдніе стиха слѣдующей эпитафій:

Къ гробамъ усопшихъ приступаю,
Сознай, коль тщетна жизнь земная,
И твердо въ жизнь иную вѣрь!
Что смертный? — бранный злать въ пустынь!
Я прежде тѣмъ былъ, чѣмъ ты нынѣ,
Ты будешь тѣмъ, что я теперь...

Рѣшеніе задачи буквъ № 23

(помѣщенной въ Сборникѣ № 11 за 1893 г.)

1) Квн-д-ади	14) Ва-р-еъ
2) Ил-о-ил	15) Ист-о-ри
3) Ру-б-ль	16) Ва-ж-ил
4) Се-р-ил	17) Бу-е-ра
5) Ар-а-би	18) Бо-б-рь
6) Ма-а-къ	19) Ут-о-жи
7) Ве-с-на	20) Ти-г-рь
8) Бо-л-тъ	21) Ва-а-лъ
9) Сі-а-мъ	22) Ша-т-ка
10) Са-в-ва	23) Ба-с-ил
11) Ко-а-ла	24) Вл-т-ка
12) Кор-д-ова	25) Ко-в-ша
13) Ил-о-еъ	26) Гу-а-но

„Добрая слава дороже богатства“.

Смѣсь.

Объ игрѣ на фортепiano и пѣніи съ гигиенической точки зрѣнія сдѣлать интересный докладъ въ собраніи членовъ «Родительскаго кружка» извѣстный своими работами по гигиенѣ докторъ В. В. Гориневскій. Указавъ на благотворное вліяніе музыки на нашу нервную систему, вообще, и вполне соглашался, что музыкальное образованіе должно составлять часть нашего общаго образованія, докладчикъ, тѣмъ не менѣе, пришелъ къ убѣжденію, что наблюдающееся въ современномъ обществѣ усиленное стремленіе къ музыкальному образованію является вполне безотчетнымъ, чисто стихійнаго характера и приводитъ къ вредному диллетантству и безплодному увлеченію. Музыка, если и составляетъ часть общаго образованія, то во всякомъ случаѣ не должна отвлекать дѣтей отъ прямыхъ ихъ обязанностей; вредно начинать учить музыкѣ дѣтей въ раннемъ возрастѣ, напримѣръ, въ 7—8 лѣтъ, и не слѣдуетъ удѣлять ей много времени, если она не является, конечно, профессіей, — это мнѣніе покойнаго Ш. Гуно. Почему-то у насъ игра на фортепiano завоевала наибольшую симпатію, а между тѣмъ, игра на этомъ инструментѣ вредна, такъ какъ сильно истощаетъ нервную систему. Она требуетъ продолжительнаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, несвойственнаго дѣтскому организму, и сильнаго напряженія нервно-мышечнаго механизма, нарушающаго правильную координацію мышечныхъ движений рукъ и пальцевъ; она вызываетъ, наконецъ, утомленіе мозга, а все это не можетъ проходить безнаказанно въ школьномъ возрастѣ. Докладчику самому приходилось наблюдать у нѣкоторыхъ баришень-пьянистокъ, учащихся въ консерваторіи, невралгическія боли въ спинѣ и въ рукахъ, явив-

шія именно вслѣдствіе игры на фортепiano. Нераціональное обученіе преподавателями музыки, часто не свѣдущими въ анатоміи, физиологіи и гигиенѣ, нарушаетъ правильность пищеваренія и кровообращенія, влечетъ за собою малокровіе, нервность, искривленіе позвоночника, обезображеніе пальцевъ вслѣдствіе чудовищныхъ растягиваній рукъ только для того, чтобы ученикъ достигъ необходимой, по мнѣнію преподавателя, бѣглости въ техникѣ игры на фортепiano. По мнѣнію докладчика, если нельзя настоятельно требовать игры на фортепiano, то пѣнію слѣдуетъ отдать полное предпочтеніе, потому что оно, съ гигиенической точки зрѣнія, вполне безупречно: пѣніе укрѣпляетъ грудь, развиваетъ легкія; не слѣдуетъ, однако, утрировать и не слишкомъ напрягать и утомлять глотъ, что, въ концѣ концовъ, также вредно, потому что ведетъ къ потерѣ голоса и къ болѣзненному ослабленію голосовыхъ связокъ.

Рядъ болѣзней отъ ѣзды на велосипедѣ приводитъ журналъ *Врачи*. Оставляя въ сторонѣ случайная поврежденія при паденіи, а также сдѣлавшіяся болѣе рѣдкими послѣ введенія такъ-называемыхъ пневматическихъ шинъ послѣдствія сотрясенія и, въ особенности, раздраженія спинного мозга, довольно частыя легочныя кровотеченія и гипертрофія сердца, особенно у лицъ, участвующихъ въ гонкахъ, и, наконецъ, послѣдствія промачиванія (ревматическія и катаральныя страданія), врачи указываютъ на пораженія предстательной железы и мочевого пузыря. Послѣ продолжительной ѣзды на велосипедѣ, развивается иногда уретритъ, приапизмъ и мочепузырный натуги. Д-ръ Бикклеръ предостерегаетъ отъ дозволенія ѣздить на велосипедѣ дѣтямъ и молодымъ людямъ съ еще незаконченнымъ ростомъ костей. У такихъ людей ѣзда на велосипедѣ содѣйствуетъ искривленію позвоночника и страданіямъ сердца. Авторъ предостерегаетъ также и отъ согнутаго положенія во время ѣзды, которое ѣдущіе принимаютъ, чтобы подражать специалистамъ, участвующимъ въ гонкахъ.

«Международный университетскій союзъ» организуется въ Парижѣ, съ цѣлью создать болѣе тѣсную связь между университетами различныхъ странъ. Въ составъ организованнаго комитета вошли представители Англии, Швейцаріи, Германіи, Франціи и Россіи (проф. Абрикосовъ и Брамсонъ). Въ первомъ засѣданіи комитета профессоръ Шарль Рише изложилъ дѣли этого союза. Для профессоровъ и студентовъ различныхъ странъ весьма важно, по его словамъ, знать другъ друга и проинтересоваться духомъ различ-

ныхъ расъ. Высшая культура должна быть космополитической. Но, несмотря на легкость сообщеній, между университетами меньше связей въ настоящее время, чѣмъ было въ XIII вѣкѣ. Союзъ будетъ стремиться сглаживать эту рознь и облегчать средства къ личнымъ сношеніямъ, которыя послужатъ лучшимъ дѣкарствомъ противъ предразсудковъ, нерѣдко раздѣляющихъ народы только потому, что они плохо знаютъ друга. Въ этихъ видахъ было бы полезно, чтобы студенты каждого университета проводили часть своего учебнаго курса въ иностранномъ университетѣ. Для осуществленія этой мысли союзъ ставитъ себѣ слѣдующую программу: 1) облегчить условія приема, добившись или равенства степеней, или зачета пройденныхъ годовъ курса; 2) облегчить изученіе специальностей въ иностранныхъ университетахъ посредствомъ уравниванія программъ и расширенія системы стипендій; 3) создать поводы къ сближенію между профессорами и студентами посредствомъ общихъ юбилеевъ и періодическихъ празднествъ; 4) обратить вниманіе университетовъ на изысканіе способовъ къ водворенію большей справедливости въ международныхъ отношеніяхъ.

О вредѣ для здоровья малолѣтнихъ обученія ихъ игрѣ на духовыхъ инструментахъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія, желая выяснитъ, насколько можетъ быть полезно или вредно обученіе воспитанниковъ гимназій и реальныхъ училищъ игрѣ на духовыхъ инструментахъ, поручило разобрать этотъ вопросъ медицинскому факультету Московскаго университета. Образованная по этому поводу коммиссія при Московскомъ университетѣ пришла къ такого рода заключенію. Игра на духовыхъ инструментахъ, въ особенности, при ея примѣненіи къ растущему организму, требуетъ чрезвычайной

осмотрительности и постоянного врачебнаго наблюденія и можетъ, дѣйствительно, сдѣлаться вредной для здоровья малолѣтнихъ воспитанниковъ, если не будутъ приниматься во вниманіе въ должной мѣрѣ, какъ наслѣдственность каждаго ученика, такъ и степень развитія и выносливость его легочной ткани и сосудистой системы. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что опасныя стороны этого упражненія едва-ли окупаются тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ игра на духовыхъ инструментахъ можетъ принести пользу, способствуя развитію груди и укрѣпленію сердца. На основаніи этихъ соображеній, коммиссія не признала возможнымъ рекомендовать обученіе малолѣтнихъ воспитанниковъ игрѣ на духовыхъ инструментахъ, какъ общую мѣру. Вслѣдствіе этого, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ настоящее время предписано попечителямъ учебныхъ округовъ сдѣлать зависящее распоряженіе о томъ, чтобы въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ заведены духовые оркестры изъ учащихся или гдѣ предполагается организовать ихъ, къ участию въ оркестрѣ допускались только такіе воспитанники, для которыхъ, послѣ тщательнаго врачебнаго осмотра, игра на духовыхъ инструментахъ будетъ признана вполне безопасною.

Премія за добродѣтель, нѣсколько напоминающая знаменитую монтюновскую премію во Франціи, существуетъ и у насъ. Всего характернѣе, что учредилъ ее такой ревнитель добродѣтели, какъ графъ Аракчеевъ.

Въ с. Грузинѣ, Новгородской губерніи, согласно волѣ графа Аракчеева, завѣщавшаго министерству Внутреннихъ Дѣлъ специальный капиталъ, ежегодно выдается награда за хорошее поведеніе двумъ мужчинамъ и одной дѣвушкѣ. (а).

№ 2.

Видано 19 февраля 1894 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1894.

ВЫХОДЯТЪ ВЪ СЕРЕДИНѢ КАЖДАГО МѢСЯЦА ПРИ ЖУРНАЛѢ „НИВА“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Невѣста. Повесть князя Дмитрія Голицына (Муравлина)	193	Бытовая и семейная жизнь киргизовъ. Очеркъ А. Брема	325
Изъ посланій къ Тирзѣ. (Изъ Байрона). Перев. Д. Михаловскаго	235	Переписка Ивана Грознаго съ Елизаветой Англійской. В. Адамовича. 345	
Драма на глухомъ хуторѣ. Разсказъ Р. Л. Маркова	237	П. И. Чайковскій. Опытъ характеристики его дѣятельности. В. С. Баскина. 351	
Стихотвореніе А. М. Федорова	275	Письмо митрополита Филарета о спиритизмѣ	365
Вольной дорогой. Романъ Э. Вернеръ. Переводъ съ нѣмецкаго	277	Библиографія	368
Стихотвореніе Л. Афанасьева	323	Шахматы, шашки и задачи	373
		Смѣсь	380

Невѣста.

Повесть Князя Дмитрія Голицына (Муравлина).

I.

— Мы черезъ часъ прїедемъ въ Эмсъ, сказалъ Владиміръ Николаевичъ и пересѣлъ поближе къ окну вагона, — я нѣсколько утомился и чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что, отъ самаго Франкфурта, въ продолженіе цѣлаго часа, никто, къ нашему семейству не принадлежашій, не вошелъ къ намъ и не стѣснилъ насъ, столь нуждающихся въ отдыхѣ послѣ утомительнаго трехдневнаго пути, прерваннаго лишь ночевкою во Франкфуртѣ.

Онъ всегда такими круглыми фразами выражалъ свои мысли. Въ былые годы, начавъ службу въ прокуратурѣ, онъ выработалъ себѣ подобіе краснорѣчія, привыкъ къ готовымъ выраженіямъ. Протяжно-многословный, медленный въ движеніяхъ, онъ методично жилъ, точно совершая гигиеническую прогулку. Онъ любилъ систему и порядокъ и охотно признавался въ томъ, что, будучи еще членомъ суда, составилъ себѣ родъ справочной таблички, гдѣ было безошибочно высчитано, въ какіе сроки предостоятъ ему награды

ОБЪЯВЛЕНІЯ для помѣщенія на обложкѣ выходящихъ при журналѣ «НИВА» «Литературныхъ приложений» принимаются въ Главной Конторѣ «НИВЫ» (Невскій, № 6) по слѣдующей цѣнѣ за одинъ разъ:

Цѣлая страница 150 р.	$\frac{1}{4}$ стран.	40 р.
$\frac{1}{2}$ стран.	$\frac{1}{8}$ стран.	20 р.
$\frac{1}{3}$ стран.	$\frac{1}{16}$ стран.	10 р.

Издатель А. Ф. Марнсъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

Доволено цензурою. СПб. 29 Декабря 1893 г.

Тип. А. Ф. Маркса. Средняя Подъяч., д. № 1.

Ежемесячные литерат. приложения. Февраль, 1894 г.